

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

6/2023

Содержание

ПРОЗА

Герман САДУЛАЕВ. Никто не вывозит эту жизнь. Из неопубликованной книги.	3
Матвей МАЗУРЕНКО. «Шестерка». Рассказ.	12
Александр АМБРОСЬЕВ. Аарыма. Повесть.	28
Виктор ТЕН. Павлин. Повесть.	86
Олег РЯБОВ. Это наш двор. Рассказ.	130

ПОЭЗИЯ

Дмитрий РУМЯНЦЕВ. «Убываю причастьем страдательным...»	23
Светлана МИХЕЕВА. Яблоки на синих перилах.	82
Владимир КРЮКОВ. В полосе невозврата.	134

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей РУДАЛЕВ. Изгнание читателя.	138
--	-----

Народные мемуары

Анна ГАЛАНЖИНА. Чужой причал.	147
---	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей ГОРШЕНИН. Звучи, звучи, родное пенье!.. По страницам прозы Виктора Сайдакова.....	169
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр ЕВСЮКОВ. Добыча «теневого гения» О книге Геннадия Калашникова.....	183
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Инна КИМ. Ван Гог с кузбасского Марса	187
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Герман САДУЛАЕВ

НИКТО НЕ ВЫВОЗИТ ЭТУ ЖИЗНЬ

Из неопубликованной книги

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Велес лежал на промке и медленно умирал. Было обидно, что приходится оставлять тело, еще вполне пригодное для ведения боевых действий. Чутка подлатать только. Если бы Велес чувствовал, что серьезно покалечен, то умер бы без сожаления. Он не хотел оставаться на всю жизнь больным и беспомощным. Лучше сразу Вальхалла. Но раны были легкими. Просто посекло осколками руки, ноги. Броник защитил спину, а каска — голову. Раны сочились кровью. Опять же, кровь не била фонтаном, никакой артерии не перебило. Если хорошо перевязать, наложить жгуты, остановить кровотечение, то можно выжить. А так за несколько часов кровь из нарушенной целостности организма перетечет в эту странную почву промки, а вместе с ней утечет и жизнь. Велес умирал от потери крови.

При жизни Велес был контрач и служил в разведроте девятого отдельного штурмового полка морской пехоты. Служил давно. Это было третье ранение. Обычно боевое повреждение тела ощущается как сильный удар. Например, пулевое ранение в плечо — это сначала как удар, очень сильный удар в плечо. Потом уже приходит боль развороченного мяса и порванных нервных нитей. Но сегодня осколками резануло словно кнутом с шипами, как-то сразу и ослепительно. Велес от болевого шока и контузии на какое-то время потерял сознание. Отключился. Упал как мертвый. Это было хорошо, потому что противник не стал добивать. Это было плохо, потому что свои не стали выносить. Все подумали, что Велес уже отправился в Вальхаллу. А Велес еще тут, на промке, лежит, истекая кровью.

Группа разведчиков шла, рассредоточившись, по пустырю. Не очень боялись, ведь это место считалось зачищенным. Надо было, наверное, сначала коптером посмотреть, прежде чем выдвигаться. Но, может, коптер и не увидел бы ничего: в развалинах полно навесов и нычек. Метров

за четыреста стоял разобранный артиллерией склад с упавшей крышей и полуразвалившимися стенами. Видимо, там и прятался враг. Короткая серия из шести минометных выстрелов застала разведчиков врасплох. Хорошо, что стреляли не очень умело. Морпехи упали на землю при звуке первого выстрела, пять мин разорвалось чуть поодаль, шестая угодила в песок и не разорвалась, торчала хвостовиком наружу. Со стороны склада началась беспорядочная стрельба из стрелкового оружия.

Кажется, кто-то вскрикнул, или это показалось Велесу. Были, наверное, легкораненые, которые эвакуировались сами, на своих ногах. В общем, группа быстро отошла: сначала ползком, до укрытий, потом перебежками. А Велеса оставили. Хотя надо было забрать. Даже мертвого положено было вынести. С другой стороны, если мертвый, то он пождет. Живых спасти надо.

Велес думал, что нарвались они, наверное, на кочующую группу тероборонцев с восьмидесятидвухмиллиметровым минометом. Будь там нормальные вояки, положили бы наших всех или половину. А так досталось только ему. Или не только? Велес осторожно повернул голову, пытаюсь осмотреться. Больше никого не увидел.

А эти кочевники, они уже ушли? Сменили позицию? Или смотрят на него в оптику? Надо бы поменьше шевелиться.

Впрочем, шевелиться и не хотелось. Велес проверил послушание тела и понял, что мышцы порезаны и он не сможет быстро перекатиться к укрытиям или уйти перебежками. Хотелось застыть, как застывает в холодной комнате холодец, и мягко уснуть.

Велес вспомнил о том, как мама делала холодец. В большой кастрюле из алюминия варились куски мяса, жилы и кости. Хотя нет, кости не варились, в холодец костей не было. Тогда откуда брался в вареве желирующий агент? Ведь желатин извлекают из костей. Сейчас его еще делают из водорослей, называется агар-агар. Но это для кондитерки. Никто не станет желировать агар-агаром мясной холодец. Может, кости варили, а потом вынимали? Надо будет узнать у мамы ее рецепт холодца. А, нет, не получится. Мама в прошлом году умерла. Потом вариво разливали по стеклянным подносам с высокими бортами и оставляли на ночь в холодной комнате. Если это было зимой. А летом холодец и не делали. Велес не помнил, чтобы дома летом делали холодец. Нет, это зимнее блюдо. Потому что в холодильниках, всегда забитых едой для большой семьи, места для застывания холодца не было. Но была особая холодная комната, летняя столовая, где зимой хранили продукты и оставляли подносы с варевом холодца. А потом эти подносы один за другим вносились в дом и съедались, разрезаемые на параллелепипеды неострым столовым ножом. Внутри холодца были куски мяса, жил и еще, кажется, зелень. Нет, не зелень. Чеснок. Холодец, холодец. Холодно. Становится холодно.

Велес осознал, что засыпает, и резко выбудил себя из этого смертного сна. Спать нельзя. Если заснешь, то уже не проснешься.

Удивительно, как это он уже почти отключился, при том что болело, болели раны на руках и ногах, и все тело наливалось болью и было уже, кажется, не рабочим механизмом, а холодцом, в котором тут и там бесполезные куски мяса, жилы, кости, внутренние органы, не связанные функциональным единством.

Чтобы выжить, надо действовать. Ставить себе задачи и исполнять. Даже если жить осталось несколько часов или минут. Велес подумал, что можно попробовать сообщить в роту о том, что он жив. Рации не было, но в кармане лежал кнопочный телефон, без всякого там интернета. Вот только, блин, кажется, закончились деньги. И пополнялка есть, Велес купил пополнялку, да ввести забыл. Пополнялка в том же кармане, где и телефон. Только как теперь ее раскрыть и ввести код? Можно, наверное, с нулем на балансе кинуть звонок. Абоненту придет сообщение: такой-то номер пытался вам позвонить.

Стараясь шевелиться очень медленно и осторожно, Велес достал из кармана телефончик и нажал клавишу вызова последнего номера. Телефон пискнул и погас, кажется, прежде, чем прошел звонок. Села батарейка. Не зарядил телефон. Негде было заряжать, ночевали не в располаге, а на позициях. Надо было брать с собой пауэр-банк. Ага, это просто смешно. Пауэр-банк. Куда его засунуть? Всегда думаешь, что лучше взять больше бэ-ка. Хотя иногда пауэр-банк так же важен, как бэ-ка. Но сейчас бы это все равно не помогло: надо же еще как-то соединить, поставить телефон на зарядку. Слишком много сложных движений. Противник, если он поглядывал в сторону Велеса, мог заметить, что труп чего-то там копошится.

На промку легли серые сумерки. Велес подумал, что можно дождаться темноты и, если останутся хоть какие-то силы, начать, хотя бы и медленно, двигаться в сторону своих. С другой стороны, когда станет темно, противник начнет смотреть в тепловизор. И увидит Велеса. И увидит, что он живой. Ведь принцип тепловизора такой, что он фиксирует инфракрасное излучение. То есть тепло. Живые люди — они теплые. А мертвый человек холодеет, и в тепловизоре его не видно. Противник посмотрит в тепловизор, увидит Велеса, поймет, что он теплый, а значит, живой, и добьет. Но есть ли тепловизор у кочевников-тероборонцев? А отчего не быть? Миномет же у них есть. Может быть и тепловизор, и все что угодно. Нет, в сумерках уходить — лучше всего. Через оптику уже не очень хорошо видно, а тепловизор еще не включен. Хотя смотря какая оптика.

Велес задумался о тепловизоре. Вот, например, зомби. Они же мертвые. А значит, холодные. Значит, в тепловизоре их не видно. И ночью зомби могут атаковать как невидимки. Можно было бы создать из зомби ночной штурмовой отряд. Кажется, враги так и делают. Велес видел трупы живой силы противника, и они напоминали ему зомби из фильмов. Черные, искореженные, изорванные и обезображенные, с искривленными чертами лица, у кого осталось лицо. Иногда казалось, что

они сейчас встанут и пойдут, шатаясь, протягивая руки к живым людям, чувствуя теплую кровь. Бывало, что трупы исчезали. Днем лежал труп, вроде наши его не прикапывали, не до того было. А утром трупа нет. То ли укропы ночью забрали свой труп. То ли местные прикопали, чтобы не отравлял воздух зловонием. То ли в свете луны он встал и ушел сам, вернулся на свои позиции и записался в ночной отряд.

Велес вспомнил о том, что он сейчас лежит израненный и умирает на промке. Может, он сегодня умрет, а в ночь станет живым мертвецом и пойдет к своим. Или к чужим. И никакой тепловизор его не увидит. Но нет. Велес не превратится в зомби. Велес вознесется в Вальхаллу. За ним прилетят валькирии. А тело предадут земле товарищи по разведроту, которые обязательно за ним вернуться, если не спасти его живого, то похоронить мертвого.

Боковым зрением Велес не заметил даже, а ощутил какое-то движение справа. Медленно повернул голову и увидел, что по пустыню к нему трусит, как-то нелепо припадая сразу на две или три лапы, если такое вообще возможно, пегая собака. Наверное, пегая. Трудно было определить. Шкура собаки была покрыта грязью и бетонной пылью. Велес нащупал в чехле на предплечье свой боевой нож, которым он обычно открывал тушенку или, бывало, зачищал провода, резал ткань и даже колот щепу. Убивать кого-то ножом Велесу еще ни разу не приходилось. Но если оголодавший пес накинется, чтобы заживо рвать из Велеса куски мяса, то зверя встретит холодная сталь клинка.

Пегий, однако, не проявлял никакой злобы или аппетита. Он замедлился, начал скулить и отчаянно сигнализировать хвостом, как белым флагом, о своих мирных намерениях. Ткнулся носом в плечо, потом прямо в лицо Велесу, но не нахальничал и лизать без спросу малознакомого человека не стал. Он пристроился рядом, лег, вжимаясь в кривизну тела Велеса своим худым и покоцанным телом. Положил голову на лапы и прикрыл глаза.

Пес был, как и Велес, несколько раз ранен. Некоторые шрамы были старые, другие свежие. Ничего страшного. Просто посекло осколками, наверное. Как и Велеса. Пса никто не перевязывал, на нем и так все заживало как на собаке. Он еще мог выжить. Только надо было решить зачем. Зачем выживать, зачем продолжать свое собачье существование в этом новом и непонятном мире, где у пса не было хозяина, не было своего человека, и все постоянно взрывалось, гремело и сыпало туда и сюда кусками горячего металла. Каждой собаке нужен свой человек. У пегого пса человек тоже был, но или бросил, или умер — какая разница? Хорошо хоть, не запер в квартире без еды и воды. Пегий месяц жил на улице, шатался по промке, и сегодня вдруг понял: старый человек не придет. Нужно или найти себе нового человека, или умереть. Говорят, что люди для богов как домашние животные. Тогда человек для собаки как бог. Пес выбрал себе Велеса как своего бога и своего

человека. Теперь он лежал с ним бок о бок и был готов честно разделить с новым хозяином его судьбу: спастись или умереть.

Велес при жизни любил всяческую скотину. Дома в станице, в сараях и на базу, у него было много курей, уток, гусей, коз, овец, были и телушки. И собаки, конечно, были. Собак было две, и жили они во дворе, заходить в человеческое жилье им было заказано, отчего собак высокомерно презирали коты и кошки, которых боги допускали к себе за их талант к мягкоте и мурлыканью. Псы же, завидуя, загоняли котов и кошек на деревья и стояли внизу, залиvisto лая. Велес нащупал голову пегого пса и погладил. Принял.

Он подумал о том, что собаки — проводники загробного мира. И вот, значит, за ним пришли. Жалко, что не валькирии, но так еще лучше, роднее. С головою собаки был египетский бог мертвых, и еще где-то что-то такое было про собак. Какие-то греки, Харон и церберы. Значит, скоро Вальхалла. Велес хотел представить себе Вальхаллу по фольклору германцев и скандинавов, мед поэзии, вот это все. Хотел увидеть Вотана, пирующего с погибшими бойцами. И вечный бой девятого полка морской пехоты НМ ДНР с тридцать шестой бригадой морской пехоты ВСУ, в котором они полностью уничтожают друг друга, а потом оживают и садятся пировать вместе, и так будет всегда. Но не представлялось. Вместо этого он видел белых длиннорогих коров и радостных собак, сопровождающих мальчиков-пастушков. Но так еще лучше, роднее. Роднее.

Силы оставляли Велеса. Велес умирал.

В темнеющем небе загрохотали железные колесницы. Одна была слева, другая справа. Грохот приближался, лязгали гусеницы. Так вот какие они, колесницы железного века, которые небо присылает за умершими воинами. Одна была похожа на Т-72, другая — на МТ-ЛБ. Танк выехал на пустырь. Подвигал башней. И начал долбить в стену полуразобранного склада. Видимо, чтобы разобрать склад совсем. И похоронить под обломками врагов, засевших в развалинах. Мотолыга закрыла собой Велеса, встала перед ним. Открылся задний люк, и появились носилки. Велеса бережно погрузили. Санинструктор сразу стал перетягивать жгутами, разрезать одежду, на скорую руку перевязывать и всячески чинить поврежденное тело Велеса.

Велес не вполне еще верил, что он жив, но чувствовал умиление. Какие все-таки хорошие у него боевые товарищи! И санитар этот, и боец Перкунас, и боец Тангар, и даже шутник Локи. Целую спецоперацию устроили, чтобы забрать его тело. Технику пригнали: танк и мотолыгу. Он, кажется, даже сказал что-то такое. А Локи болтал без умолку:

— Да что ты, разве ж мы б тебя бросили? Мы ждали танк. Полюбому вывозили бы, хоть двухсотым, хоть трехсотым. Потом глядим из укрытия в оптику, а к тебе собака прибилась. И ты вроде шевелишься. Ну мы тогда мат-перемат и ускорились. Укропы ведь тоже могли заметить. Если они там еще остались. Может, уже и нет. Может,

стрельнули и ушли. Кочевники. Но на всякий случай мы расхерачим ту позицию. Так что скажи спасибо псу.

— А где пес, пегий? — кажется, даже вслух сказал Велес.

Люк был еще открыт. Пегий смотрел в люк тоскливым собачьим взглядом. Когда приехала техника, он не убежал. Только встал и отошел чуть поодаль от Велеса, понимая, что это друзья хозяина, но на всякий случай контролируя ситуацию и готовый броситься в последнюю схватку, если вдруг кто-то сделает хозяину плохо. И вот теперь его только что обретенный человек уезжал, а пес оставался снова один, и, похоже, никакого смысла жить не было. Он снова лег и приготовился просто и легко умереть, не цепляясь за эту непонятную и надоевшую жизнь.

Локи высунулся из заднего люка и свистнул.

— Эй, бродяга! Да, ты. Давай сюда, мухой!

И сделал знак рукой, который понимают все собаки во всем мире. Русские собаки и украинские, немецкие и американские, и даже китайские собаки, про корейских, однако, не скажу.

Пес вскочил и не то чтобы запрыгнул, видели бы вы люк МТ-ЛБ, туда не особо попрыгаешь, а нырнул и втиснулся рядом с Велесом. У него теперь было все хорошо. У него снова был свой бог. У бога были веселые и могучие друзья, с которыми ничего не страшно. И даже железное чудовище изнутри оказалось уютным, как собачья будка. Жить стоило.

Велесу сделали укол, и он уже без боязни не проснуться уплывал в обезболенную дрему, пес-проводник лежал рядом, а мотолыга не лязгала и не гремела, а словно урчала, словно мурлыкала, как огромный небесный кот.

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

Смешные они, эти укропы. И названия у них смешные. Нью-Йорк, например. Видели вы тот Нью-Йорк? Это как в самой Америке есть город Москва. Или село. В общем, жопа какая-то. Здесь начинается жопа мира. Но это не какая-то там специальная русофобия. У них и Париж есть, примерно такая же жопа. И вот укропы, видимо, в подражание пиндосам, придумали у себя тоже такие названия делать. Шервудский лес! Хотя кто-то говорит, что это мы сами, русские, такое название ему придумали. Мы уже месяц воюем в этом Шервудском лесу. Как Робин Гуд. Я где-то читал, что Шервуд значило «шерифский» лес. То есть заповедный. То есть обычным людям было запрещено там охотиться и, ну, например, рубить деревья и даже собирать хворост. Потому что это было такое специальное охотничье угодье для местного графа, или кто он там был, а право рубить лес и заготавливать дрова продавалось за деньги. Поэтому Робин и его шайка были преступниками уже потому, что жили в этом лесу и охотились на зверье. И ничего хорошего бы им

не светило, даже если бы они не начали грабить купцов, проезжающих через лес. А мы никого не грабим. Мы здесь окапываемся и трем с автомобильной бригадой ВСУ. То есть они десантники. По-нашему — ВДВ. Я служу в добровольческом отряде «Засадный Полк». Он так называется, но нас в отряде меньше батальона. Мой позывной Финист. А парни из ВДВ у нас тоже есть рядом. Есть даже Бригантина, который ходил в Гостомель. Ну вы помните, Гостомельский десант. Мы его спрашиваем: Бриг, как там было на самом деле? Укропы пишут, что полный провал. Вы прилетели, и вас там просто сразу покروшили всех, а остатки прятались в лесополосах, но и их тоже покрошили, аэропорт у вас сразу отбили, и все, что вы успели, — это зачем-то спалить гражданский самолет «Мрия», а через пару дней, или недель, все русские вообще сбежали из-под Киева, убив в Буче мирняк и разбросав его по дорогам. Наши пишут, что это была гениальная операция, что ее будут изучать во всех военных академиях мира, что вы зацепились и удерживали аэропорт до прихода основных сил по земле, проявили чудеса храбрости и находчивости, а еще есть песня про Гостомельский десант, ее какой-то чувак под гитару пел. Так как оно было на самом деле? Бригантина говорит: ну меня же не покрошили. И все. Ничего, гад, больше не рассказывает.

Местный Шервуд стоит к востоку от трассы Изюм — Славянск. В 1941 году Славянск был сдан без боя. Через город прошли остатки 230-й стрелковой дивизии. Прошли и растаяли в осеннем тумане. Но зимой 1942 года Красная армия пошла в контрнаступление и почти освободила Славянск. Это была Барвенково-Лозовская операция, которая закончилась плохо. Барвенковский плацдарм превратился в западню, где в мае 1942 года погибло, по нашим данным, 170 958 красноармейцев и попало в плен, по немецким данным, 352 355 красноармейцев. Около 30 или 70 тысяч смогло прорваться с боями на восток. Прорывались в том числе и через лес, который позже назовут Шервудским. Немцы держали по краю леса оборонительную линию и в самом лесу вступали в смертельные схватки с остатками 9-й, 6-й и 57-й армий, которые пытались вырваться из котла. Весь лес был залит кровью и завален телами убитых. Почти никого не успевали хоронить. Погребать останки начали после битвы. Немцы — в 1942 году. Русские — в 1943 году, после нового наступления на Донбасс. И после войны, вплоть до самых последних лет, — работали поисковые группы, производили захоронения и перезахоронения. По лесу тут и там братские могилы. Одни говорят, что Шервуд всегда был таким. Другие — что он особо разросся после войны, удобренный телами.

Деревья растут плотно, одно к одному. Как в тайге. Или в джунглях. Но породы деревьев северные, конечно. Есть ели, сосны, но больше лиственные — ольха и ясень. Ольха особенно противная, так как формирует заросли, называемые ольшаниками. Видимость почти нулевая. Мы вокруг опорника заросли прорежаем. А опорник наш — это

бывший укропский, который мы отжали. Здесь в лесу укропы тренировались и нарыли укрепов. Мы в них стоим, но они же на картах есть у врага. И враг то и дело навешивает нам артой. Но в лесу без укрепа еще хуже, а самим лопатами и топорами сделать свой опорник тоже не так-то просто и не так-то быстро. Так что мы обычно делаем вид, что ушли и что сделали свой опорник недалече. Но это фальшивка. Там игрушечные такие выкопаны вроде окопы, на самом деле неглубокие ямки, прикрытые ветками, и вроде блиндаж, тоже невсамделишный. Это еще напоминает кинодекорации, как если бы мы кино про партизан снимали. Чтобы была полная иллюзия, мы оставляем там пару бойцов, которые разводят костерок и вроде как варят еду. На дым вообще ведутся и начинают обстрелы. А сегодня даже послали разведгруппу. Я как раз был на фишке в декорации вместе с Горынычем. И видим, в ольшанике движение. Я кричу: кто идет? Пароль? Там затихли. Я кричу: хохол, ты, что ли? Отвечают: москаль, сдавайся! Обещаю, что ты умрешь быстро. Я говорю Горынычу: жги! Горыныч в сторону движения из гранатомета. Там стоны, маты, и пошла стрелкотня. Только их там много, до взвода. Окружают нас. Я думаю: ну, сейчас наши с настоящего опорника подтянутся. А наших нет.

В общем, мы с Горынычем решили уже, что хана нам. Проверили гранаты в разгрузке. Если что — подорвемся. Не будем сдаваться в плен. Хотя вряд ли придется. Сейчас укропы подползут на расстояние броска и своими гранатами нас закидают. Странно, что у них гранатомета с собой нет, а то бы давно нас грохнули. Стреляем во все стороны, БК заканчивается, прощаемся с жизнью, молимся. И вдруг слышим выстрелы, вроде бы винтовочные. Разрывы гранат. Крики. Словно кто-то с тылу ударил по укропскому разведвзводу. Огневое давление на нас с Горынычем сначала ослабло. А потом и вовсе прекратилось. Похоже, всех укропов быстро перебили. И тогда, на готовое, подошли с тылу «выручать» нас братья из нашего отряда. Братья стали стаскивать в кучу укропские трупы и собирать трофеи. А мы вышли на полянку и встретились со своими настоящими спасителями.

Я, честно говоря, охренел. А Горыныч достал свой смартфон (у него был смартфон с вытащенной симкой, чтобы не палиться) и начал фотографировать и даже снимать видео. Это были они. Легендарные «железноголовые». То есть одетые в железные каски времен Второй мировой мобики из ЛНР или ДНР. Я спросил: мобилизованные, Луганск? Командир мобиков кивнул: кто из Ворошиловграда. А кто и из Славянска. Я подумал: как это? Но тоже кивнул. Командир сидел на поваленном дереве и курил папиросу без фильтра. Все мобики выглядели очень странно. Кажется, что не только каски, но и обмундирование им выдали из старых советских запасов. Чуть ли не из музея. И, главное, винтовки. Я уже слышал про батальоны, вооруженные «мосинками», но думал, что это преувеличение. Образ такой. Гипербола. Анекдот. За этим анекдотом была печальная правда: деньги, выделенные на

подготовку 40 тысяч резервистов в ЛДНР, были благополучно попилены, наверх были посланы отчеты о том, что все вооружены, снабжены, обучены, а ничего не делалось. Потому что никто не верил, что на самом деле будет война и что на самом деле всех призовут. А потом, когда призыв объявили, то рандомно похватали мужчин с улиц, университетов, заводов, театров, выдали им какое-то оружие и форму со старых советских складов, чуть ли не из музейных хранилищ, и отправили на войну, потому что никто не верил, что на самом деле придется воевать. Думали, укропы просто сдадутся. Это все знали. Но винтовки Мосина... нет. Не может быть.

Мобики выглядели очень усталыми. Немытыми. С землистыми лицами и кожей. Их непонятная форма была сильно измята и, кажется, даже полуистлела. На ногах у них были не берцы, а сапоги. Они были вооружены самыми настоящими винтовками Мосина. И пулеметом системы «Максим». Но глаза их были дерзкими, уверенными и злыми. Особенно у командира. Они без особого удивления, с каким-то презрением даже смотрели на нашу модную форму, на броники и шлемы, на оружие и на смартфон Горыныча. Командир докурив папиросу. Смял пустую пачку. Я протянул командиру свою пачку сигарет. Он молча взял и засунул в карман. Я начал как-то суетиться. Притащил гранаты. Горыныч метнулся к братьям, отобрал какие-то трофеи и тоже принес, вывалил перед мобиками: шлемы, разгрузку с гранатами и рожками, автомат. Разгрузку и автомат мобики взяли. А шлемы оставили. Командир встал и командовал: стройся. И мобики все повскакивали и как-то криво, но построились. Командир сказал: ну все. Нам пора. Я спросил: куда вы? Командир показал рукой: туда. У нас приказ. Они пошли по просеке, волоча за собой по кочкам станковый пулемет. И вскоре исчезли в зарослях ольхи.

Мы вернулись в свой опорник. А там была суета. Наш комроты сказал: срочно, уходим. Приказ. Оставляем все. Уходим. Срочно. Все уже ушли. Соседи слева и справа. Мы последние. Надо валить. Срочно. Я сказал: а как же мобики? Комроты сказал: какие мобики? Я сказал: ну мобики. Там, перед нами, впереди прямо вот, между нами и укропами, там мобики. Они сегодня нас с Горынычем спасли. Когда укропы ложный опорник атаковали. А они в тыл укропам зашли. И спасли нас. Мобики. Они там, впереди остались! Надо им сообщить, что все ушли! Комроты сказал: Финист, вы что там с Горынычем на фишке курите? Нет впереди никаких мобиков. Никого нет. И не было. Вас наш второй взвод вытащил.

Мы погрузили военное имущество в «буханки» и другой наличный транспорт, сами сели кто на что смог и лесными колеями вырвались из леса на восток, к своим. А когда мы уходили, мне казалось, я слышал, что в лесу шла стрелкотня: автоматные очереди и треск винтовок, разрывы гранат и еще пулемет вышивал: тра-та-та-та, тра-та-та-та. Потом начали ухать мины. И все стихло. Только ветер шумел в осеннем лесу. А вечером пошел дождь.

Матвей МАЗУРЕНКО

«ШЕСТЕРКА»

Р а с с к а з

В одном большом бизнес-центре, в офисе одной из многочисленных арендуемых в нем помещений контор работал менеджер. Менеджер нельзя сказать, чтобы очень замечательный: низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже подслеповат на вид, отчетливо лысел, несмотря на молодость, и цвет лица у него был, что называется, геморроидальный... Что ж делать! — виноват новосибирский климат. Что касается его занятия (ведь у нас прежде всего нужно объявить, чем ты занимаешься), то он был, что называется, офисный планктон: менеджер по продажам, один из тех, над кем, как известно, вдоволь подтрунивают и потешаются разные блогеры, юмористы из «Камеди Клаба», модные шоумены и прочие, имеющие обыкновение нападать на всех, кто не может кусаться. Фамилия менеджера была Сидоров, имя — Аркадий Аркадьевич. Никто не мог припомнить, когда и в какое время он поступил на работу в офис и кто его устроил или порекомендовал. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников отделов, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности — тем же менеджером по продажам. Видно, так он и родился на свет, уже совершенно готовым, в вечном сером пиджаке и заправленной в растянутые джинсы черной, в катышках, водолазке.

В офисе не оказывалось ему никакого уважения. Секретарши, когда он проходил мимо, даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь замначальника сектора прямо совал ему под нос файл — или, как говорят у нас в Новосибирске, мультифору, — не сказав даже «обзвоните» или тем более «пожалуйста». И наш менеджер брал бумагу, посмотрев только на ее назначение и не глядя, имел ли дающий ее соответствующие должностные полномочия. И тут же начинал «прозванивать» полученный список. Другие менеджеры подсмеивались над ним, насколько хватало офисного остроумия, рассказывали тут же, пред ним, разные составленные про него истории: про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, у которой он снимал комнату,

кажется, на Затулинке; говорили, что она его бьет, спрашивали, когда будет их свадьба... Но ни одного слова не отвечал на это Аркадий Аркадьевич, как будто бы никого перед ним не было; это не имело даже влияния на его занятия: он просто продолжал смотреть в экран старенького, допотопного компьютера, кажется еще Pentium 4, с посеребрившим от въевшейся офисной пыли защитным экраном на мониторе, поставленным на него уж с десятков лет тому назад. Только если уж слишком была невыносима шутка или если толкали его под руку, когда он мешал в кружке кофе «три в одном», он тихо произносил: «Отстаньте от меня, напрасно вы так...» И что-то странное звучало в словах и в голосе, каким они были произнесены. В них слышалось что-то такое подталкивающее на жалость, так что один молодой человек, недавно устроившийся в фирму после окончания нархоза, который позволил было себе по примеру других посмеяться над нашим героем, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все перед ним переменилось и показалось в другом виде.

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: «он работал старательно» — нет, он работал с любовью! Там, в этом обзвоне клиентов, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на его лице. Некоторые телефонные номера у него были фавориты, особенно на межгороде, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в его лице, казалось, можно было прочесть всякую цифру, которую нажимали на большом сером офисном телефоне Panasonic его пальцы.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему совсем никакого внимания. Один начальник отдела, перед тем как уйти на повышение в головной офис в столицу, будучи добрым человеком, приказал поручить Аркадию Аркадьевичу что-нибудь поважнее, чем обыкновенный обзвон. Задание заключалось в том, чтобы составить отчет для Москвы в Excel с перечнем и задолженностями клиентов-физлиц в первом квартале с разбивкой по месяцам. Это задало нашему менеджеру такую работу, что он совершенно вспотел, долго тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я позвоню кому-нибудь». С тех пор оставили его навсегда обзванивать. Кроме этого, казалось, для него ничего не существовало.

Приходя домой, он садился тот же час за стол, закидывал в кастрюлю купленные в «Универсаме»пельмени и ел их с кетчупом и майонезом, вовсе не замечая их вкуса. Даже в те часы, когда совершенно потухает новосибирское серое небо и весь «офисный планктон» отужинал, кто как мог, сообразно получаемой зарплате и собственным прихотям; когда все уже отдохнуло после офисного гудения лазерных принтеров, мерзкого писка факсов и телефонных звонков, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный современный человек; когда менеджеры спешат предаться наслаждению в оставшееся время: кто

побойчее, несется в ночной клуб; кто — пройтись по улице Ленина и посидеть на «мажордочке» возле «Универсама», рассматривая спящие мимо мини-юбки; кто — на вечеринку тратить досуг на комплименты какой-нибудь смазливой секретарше или помощнице юриста, звезде небольшого офисного круга, а кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату-менеджеру на четвертый или третий этаж в общагу или в снятую на двоих квартирку в две небольшие комнаты с кухней и кое-какими модными претензиями: лампой или иной вещицей из «Икеи», стоившей многих жертв вроде отказов от обедов и развлечений, поиграть в «плейстейшен» или посмотреть футбол, попивая чешское полутемное, купленное по дороге в ближайшем магазинчике разливного пива с копеечными «кириешками», затягиваясь дымом из новомодных кальянов, рассказывая в рекламной паузе сплетню о новой знакомой из «Тиндера» или «ВКонтакте», от которых никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, — словом, даже в то время, когда весь офисный люд стремится расслабиться и отдохнуть, Аркадий Аркадьевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его в каком-нибудь клубе. Назвонившись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: кому-то бог пошлет позвонить завтра?

Так протекала мирная жизнь человека, который с двадцатью двумя тысячами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только обычных менеджеров, но даже начальников отделов и филиалов, директоров по развитию, даже и тех, которые не дают никому советов и ни от кого не берут их сами.

Есть в Новосибирске лютый враг всех, получающих в месяц на руки двадцать тысяч рублей зарплаты или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз. В восьмом часу утра, именно тогда, когда улицы заполняются идущими на работу, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки по всем носам без разбору, что бедные менеджеры решительно не знают, куда эти свои носы прятать. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слезы выступают на глазах, бедный офисный люд и вовсе бывает беззащитен. Единственное спасение состоит в том, чтобы ночью, в самый мороз, часов в пять, когда спать хочется сильнее всего, проснуться, встать с теплой постели, накинуть синтепоновый пуховичок, спуститься на улицу к стынущей под снегом во дворе машине и завести ее уже туго проворачивающийся двигатель с залитым в него дешевым, а потому загустевшим на холоде маслом. Еще минут пять-десять подождать, коченея спронежия и дыша в шарф, сидя на твердом, скрипучем от тридцатиградусного мороза сиденье из дерматина, гордо именуемого «экокожа», и слушая визг замерзшего вентилятора, дующего холодным воздухом, пока наконец надсадно ревуший двигатель не скинет обороты с полутора тысяч до семисот или пока, как у Аркадия Аркадьевича в «шестерке», стрелка

температуры масла на черном круглом циферблате не тронется и не поползет к цифре «сорок»; и лишь тогда можно запихивать назад в панель приборов эбонитовую ручку подсоса воздуха в карбюратор и идти назад в остывшую кровать.

Однако последнее время Аркадий Аркадьевич начал чувствовать, что его «шестерка» заводится все хуже и хуже, а бывает, вообще не заводится, даже прогретая ночью, несмотря на то что летом он разорился и купил-таки новый дорогуший импортный аккумулятор. Он подумал, не содержится ли каких изъянов в ее двигателе, и, рассмотрев последний хорошенько, открыл, что подтекает масло: целая лужа масла оказывалась именно там во дворе, где стояла ночью его машина, в двух местах — под двигателем и где выхлопная труба упиралась в сугроб. Надобно знать, что «шестерка» Аркадия Аркадьевича тоже служила предметом насмешек коллег; от нее отнимали даже благородное имя «Жигули» и называли ее «Шаха». Увидевши, в чем дело, Аркадий Аркадьевич решил, что «шестерку» нужно будет везти к Михалычу, мастеру, держащему станцию техобслуживания в одном из боксов гаражей на Островского.

Так как заведено, чтобы в повести характер всякого лица был подробно означен, то нечего делать, подавайте нам и Михалыча сюда. Известен он был тем, что разбирался, в силу своего громадного опыта, во всех абсолютно автомобилях и любую поломку мог на звук диагностировать. Бывало, какая-нибудь Honda CR-V еще только свернула с Писарева на Островского и объезжает вечную лужу между гаражами, а Михалыч уже услышал ее и говорит вполголоса себе под нос: «“Сервант” едет. Левую гранату менять надо, шрусы хрустят».

Каждая машина имела в его лексиконе свое имя. Уже упомянутая Honda CR-V, как мы слышали, называлась «сервант», Honda Stepwgn уважительно величалась «Степаном», Nissan X-Trail был «хитрилой», Mazda 3 именовалась «матрешкой», а Toyota Mark II значилась «морковкой». Однажды безнадежно погнутую тягу от «ягуара» Михалыч выправил молотком и, прищурив один глаз, оценил ее кривизну на фоне голубого неба: «Идеально!» — а развал-схождение он обычно делал с помощью ниточек, натянутых между колесами.

Заходя в гараж, открыв тяжелую дверь и отогнув обледеневший брезентовый пол, защищающий внутренность бокса от морозного воздуха, Аркадий Аркадьевич мысленно положил не давать за ремонт больше пяти тысяч. Он увидел Михалыча в промасленном комбинезоне, копавшегося под капотом и ворчавшего вполголоса: «Не лезет, варварка! Уела ты меня, шельма этакая!» Аркадию Аркадиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда мастер сердился: он любил что-либо чинить у Михалыча тогда, когда последний был уже несколько под куражом, или, как выражалась Михалычева жена, «осадился сивухой, одноглазый черт». В таком состоянии мастер обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, более того, даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходил его сын, плачась, что батя-де был пьян и потому

дешево взялся; но пару сотен прибавишь — и дело в шляпе. Теперь же Михалыч был в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламывать черт знает какие цены. Аркадий Аркадьевич смекнул это и хотел было, как говорится, пойти на попятный, но дело уж было начато.

«А я вот к тебе, Михалыч, того...» — «Что ж такое?» — «А я вот того, Михалыч... “шестерка” моя... движок-то... масло ест и течет... и не заводится, хоть и крутит аккумулятор. Может, свечки поменять? И подтянуть гайки где? Поди, работы немного...»

Когда «шестерку» загнали в бокс, Михалыч завел машину, открыл капот, достал из кармана акушерский стетоскоп, приложил одним концом его к уху, а широким раструбом прямо к блоку цилиндров. Слушал долго, засовывая голову прямо в двигатель, приставлял стетоскоп то туда, то сюда, просил Аркадия Аркадьевича то сильнее погазовать, то, наоборот, резко газ сбросить. Потом закрыл капот, покачал головой и полез в карман за сигаретами. Покурив, Михалыч опять открыл капот, опять покачал головой и наконец сказал: «Нет, нельзя починить. Компрессии совсем нет, движок капитальнее надо, а лучше вообще посвежее машину брать вместо этой рухляди!»

У Аркадия Аркадьевича при этих словах екнуло сердце.

«Отчего же нельзя, Михалыч?» — сказал он почти умоляющим голосом ребенка. — «Ведь только всего маслице подбедает, залей раскоксовку, да и все...»

«Да раскоксовку-то можно залить, можно и кольца поменять, — сказал Михалыч, — да лучше не станет. Двигатель совсем гнилой, да и не только, начнешь разбирать, одно за другим полезет: кольца, поршни, маслосъемные колпачки, распредвал выработался, натяжители гремят, — ремонт дороже станет. Да и не только двигатель, ты вон на пороги посмотри — совсем гнилые! Кузов пальцем ткни — насквозь пройдет, и дальше дыра поползет, кузовщина вся худая». — «Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку». — «Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, машина-то битая, слой шпаклевки уж больно велик. Только кажется, что ровно, а подуй ветер или газу поддашь, так разлетится». — «Ну да уж прикрепи. Как же так...» — «Нет, — сказал Михалыч решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж видно, вам придется “шестерку” поновее брать».

При слове «поновее» у Аркадия Аркадьевича затуманило в глазах, и все, что ни было в боксе, так и пошло пред ним пугаться.

«Как же поновее?» — сказал он, все еще как будто находясь во сне. — «Ведь у меня и денег на это нет».

«Да, поновее, — сказал с варварским спокойствием Михалыч. — Могу предложить, у меня как раз стоит на даче в гараже, в идеальном состоянии, у соседа по даче купил, из-под деда. Дед только ездил по воскресеньям в город на ней, следил как за ребенком малым, шприцевал, масло раз в три тысячи менял, пробег двадцать семь тысяч, родной;

а продал, как зрение совсем плохое стало. И то насилу уговорил его; хорошо, бабке денег на теплицу не хватало, она и настояла».

«А сколько будет стоить?»

«Да тысяч восемьдесят с лишком надо будет», — сказал Михалыч и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь совершенно озадачить и потом искоса поглядеть, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

«Восемьдесят тысяч рублей за “шестерку”!» — вскрикнул бедный Аркадий Аркадьевич; вскрикнул, может быть, в первый раз с рождения, так как отличался всегда тихим голосом.

«Михалыч, пожалуйста, — говорил он умоляюще, стараясь не слышать сказанных Михалычем слов и всех его эффектов, — как-нибудь отремонтируй, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила».

«Да нет, это выйдет и работу убивать, и деньги попусту тратить», — сказал Михалыч, и Аркадий Аркадьевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный. А Михалыч, по уходе его, долго еще стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, и не посрамил автослесарского искусства.

Вышедши на улицу, Аркадий Аркадьевич был как во сне и ехал к себе на Затулинку, не замечая даже порой светофоров, чего отродясь за ним не водилось. Этот туман держался у него в голове несколько дней, и, когда еще пару раз не завелась его «шестерка» возле офиса уже и в более теплую погоду, увидел Аркадий Аркадьевич, что без новой машины нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги ее приобрести? Конечно, можно бы отчасти надеяться на будущую премию, но эти деньги давно уж распланированы и распределены вперед. И если бы даже директор был так щедр, что вместо десяти тысяч рублей премиальных выплатил бы пятнадцать или даже восемнадцать, то все равно останется сущий вздор, который в «шестерочном» капитале будет каплей в море. Еще половину можно бы найти, может быть, даже немножко и больше... но где взять другую половину? Где взять другие сорок тысяч рублей?

Аркадий Аркадьевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, по крайней мере, хотя бы в продолжение нескольких месяцев: убрать употребление чаю по вечерам, не включать перед сном обогреватель; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скорее, чем следует, ботинки; как можно реже стирать белье, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, снимать его и оставлять в одном только «адидасовском» трико, очень давнем, но и щадимом временем. Надо сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и пошло на лад; он совершенно приучился голодать по вечерам, но зато он питался духовно, нося в мыслях своих идею будущей «шестерки». С этих пор как будто самое существование его сделалось

как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто иная, как та же новая «шестерка» на зимней резине, без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не поставить ли предпусковой подогреватель Webasto, который, как слышал он от коллег в курилке, ставят, чтобы не вставать ночью прогревать машину в мороз. Каждый месяц он хотя бы один раз наведывался к Михалычу, чтобы поговорить о «шестерке», где лучше купить нового масла, и какой марки, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда все это понадобится и когда «шестерка» наконец будет куплена.

Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Вопреки всем самым смелым предсказаниям и мечтам, директор назначил премиальных Аркадию Аркадьевичу не десять или пятнадцать, а целых двадцать пять тысяч рублей; уж предчувствовал ли он, что Аркадию Аркадьевичу нужна новая машина, или само собой так случилось, но только у нашего менеджера очутилось лишних пятнадцать тысяч рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще месяц-другой небольшого голодания — и у Аркадия Аркадьевича набралось точно восемьдесят тысяч рублей. Сердце его, обычно весьма спокойное, начало учащенно биться.

Наконец этот день настал. Это было... трудно сказать, какого именно числа, но, несомненно, в день самый торжественнейший в жизни Аркадия Аркадьевича. Михалыч доставил наконец с дачи «шестерку». Он пригнал ее поутру, перед тем самым временем, как нужно было ехать на работу. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати «шестерка», потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Михалыч оформил генеральную доверенность, Аркадий Аркадьевич расплатился с ним, поблагодарил и выехал тут же в новой машине в офис. Михалыч вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на уезжающий автомобиль и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на «шестерку» с другой стороны, то есть прямо в лицо.

Между тем Аркадий Аркадьевич ехал в самом праздничном расположении духа. Он чувствовал радость всякий миг, когда крутил руль новой «шестерки», и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое — что хорошо. Дороги он не заметил вовсе, незаметно проскочил пробку на Коммунальном мосту и очутился вдруг в офисе; на парковке он поставил

машину, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор охраннику в будке у шлагбаума. Неизвестно, каким образом в офисе все вдруг узнали, что у Аркадия Аркадьевича новая «шестерка» и что старой уже более не существует. Все в ту же минуту выбежали на парковку смотреть новую машину Аркадия Аркадьевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что он сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно обмыть новую «шестерку» и что, по крайней мере, он должен отпраздновать с ними этот вечер, Аркадий Аркадьевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Наконец один из менеджеров, какой-то даже замдиректора, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими, сказал: «Так и быть, я вместо Аркадия Аркадьевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на *пати*: я же, как нарочно, сегодня именинник». Все приняли с охотою предложение.

Этот весь день был для Аркадия Аркадьевича точно большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, припарковал бережно «шестерку» под окнами и еще много раз выглядывал со своего девятого этажа дома на улице Зорге и любовался ею. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не делал, а так, немножко повалялся в постели, пока не стемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, сел в новую машину и поехал. Где именно жил пригласивший всех замдиректора, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять. Верно, по крайней мере, то, что жил он в лучшей части города, на правом берегу, — стало быть, очень не далеко от Аркадия Аркадьевича. Сначала надо было Аркадию Аркадьевичу проехать кое-какие пустынные улицы со скудным освещением, затем по Петухова выехать на площадь Кирова и дальше еще долго ехать по Немировича — туда, через мост, в центр. По мере приближения к жилищу замдиректора улицы становились живее и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые в короткие пальто, мужчины попадались даже без шапок, реже встречались «газели» и «девятки» с надписью «Найтхантер» и черными шторками на стеклах; напротив, всё попадались лихачи на «форестерах» и с хромированными дисками и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, «двухсотые крузера» с меховыми накидками на сиденьях, с красивыми цифрами и буквами «ООМ» или «ННН» на номерах. Аркадий Аркадьевич глядел на все это как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенной витриной магазина MaxMara посмотреть на постер, где изображена была какая-то красивая женщина, которая снимала с себя ботильон, обнаживши таким образом всю ногу, очень недурную; а за спиной ее выставил голову какой-то мужчина с красивыми тонкими усиками над губой. Аркадий Аркадьевич качнул головой, усмехнулся и двинулся дальше.

Наконец достиг он дома, в котором проживал помощник директора. Жил тот на широкую ногу: к нему поднимал отдельный лифт, квартира была самая верхняя в здании и занимала целых два последних этажа. Вошедши в коридор, Аркадий Аркадьевич увидел на полу целые ряды туфель. Между ними посреди комнаты стоял шоколадный фонтан, окруженный ягодами клубники, шумя и испуская клубами пар. Видно, что все давно собрались и выпили уже не по первому бокалу шампанского. Нашего менеджера заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час на огромный балкон с французскими окнами и теплым полом и вновь стали смотреть вниз, на его новую, припаркованную во дворе машину. Аркадий Аркадьевич хотя отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили его приобретение. Потом, разумеется, все бросили и его, и «шестерку» и обратились, как водится, к столам, где был фуршет и рядом жалась небольшая, специально приглашенная ради этого случая стайка юных, еще неловко чувствующих себя в такой компании моделей. Все это: шум, говор и толпа людей — было как-то чудно Аркадию Аркадьевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к столу и через некоторое время начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его непустили. Через час подали ужин, состоявший из винегрета с соленой килькой, ростбифа, паштета в таралетках, креветок на шпажках, пирожков и шампанского. Однако ж Аркадий Аркадьевич никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку и спустился в лифте на улицу.

На улице все еще было светло. Кое-какие мелкие киоски и пивнушки, эти бессменные клубы для всяких людей с окраин, приезжающих в центр, были открыты, другие же, которые уже закрылись, рисовали светящимися лазерами на притоптанном снегу свои названия, показывая этим, что они заперты не навсегда. Прямо по курсу светилась неоновая надпись «Иди на свет». Рядом был огромный грязный сугроб, и Аркадий Аркадьевич вспомнил, что когда-то, еще в советское время, тут располагалось кафе «Снежинка». Он ехал в веселом расположении духа и даже притормозил было вдруг, неизвестно почему, возле какой-то дамы, которая, как молния, прошла мимо; всякая часть ее тела была исполнена необыкновенного движения, и, перебежав на красный свет светофора, дама внезапно исчезла, нырнув куда-то вниз по подвальной лестнице. «Ухо и медведь», — прочел непонятную вывеску Аркадий Аркадьевич. Но, однако ж, взял себя в руки и поехал по-прежнему, сам дивясь неизвестно откуда взявшейся минуте назад прыти. Он миновал Дмитровский мост и очутился на левом берегу, и скоро потянулись перед ним пустынные улицы, которые даже и днем не очень веселы, а уж тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и безлюднее: фонари стали

мелькать реже — видно, отключает их Горсвет за полночь; пошли девятиэтажные панельные дома, бетонные заборы; нигде ни души; только белел снег по улицам да печально чернели закрытыми ставнями заснувшие ларьки. Наш герой приблизился к тому месту, где улица Зорге упиралась в конечную остановку общественного транспорта и площадь с едва видимыми за лесополосой на другой стороне металлическими гаражами, которые глядели страшную пустыню.

Вдали, бог знает где, мелькал огонек какой-то автостоянки, которая казалась расположенной на краю света. Веселость Аркадия Аркадьевича значительно уменьшилась. Он вышел из машины к единственному работавшему ларьку с шаурмой — купить сигарет. Вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: будто черное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шел, закрыв глаза, а когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним, почти перед носом, стоят какие-то люди в черных вязаных шапочках. У него затуманило в глазах и забило в груди. «Слышь, дай закурить!» — сказал один из незнакомцев и положил руку ему на плечо. Аркадий Аркадьевич хотел было уже закричать, как другой приставил ему к самому рту кулак величиною с голову, примолвив: «Молчи, сука!» Аркадий Аркадьевич чувствовал только, как забрали у него ключи от машины, телефон, бумажник и дали ему пинка. А после услышал, как бандиты сели в «шестерку» и уехали. Он упал навзничь в снег и ничего уж больше не ощущал.

Через несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он почувствовал, что холодно, и увидел, что «шестерки» нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не устая кричать, пустился он бежать прямо к будке автостоянки, возле которой стоял сторож и, опершись на лопату, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого черта бежит к нему издали и кричит человек. Аркадий Аркадьевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом просить, чтобы тот дал ему телефон позвонить в полицию. Сторож отвечал, что у него номер заблокирован, позвонить нельзя, что он не видал ничего, то есть видел, как остановили Аркадия Аркадьевича среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы звонить, сходит завтра прямо в полицию, так вернее будет, и они отыщут, кто угнал «шестерку».

Аркадий Аркадьевич прибежал домой в совершенном беспорядке. Ключи от квартиры забрали вместе с барсеткой, и старуха, хозяйка его комнаты, услышав страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою ночнушку; но, отворив, отступила назад, узрев Аркадия Аркадьевича в таком виде. Когда же он рассказал, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к начальнику полиции, а

не только звонить, и сообщить об угоне, потому как никто рвения не выскажет и постараются спустить на тормозах, ведь машина только что куплена, документов нет на руках, номера старые. «И ОСАГО не успел оформить, тебя же еще и оштрафуют!» Выслушав такое решение, Аркадий Аркадьевич печальный побрел в свою комнату, и, как он провел там ночь, судить тому, кто может представить себя в этой ситуации.

Поутру рано...

Надо сказать, вдумчивый читатель уже наверняка понял, что же будет дальше и какие злоключения предстояли бедному Аркадию Аркадьевичу. Как отправился он в полицию, как ходил, якобы по знакомству, к значительному лицу, полковнику, замначальника ГИБДД на Станционную, как ушел оттуда несолоно хлебавши, погруженный в еще большую безнадежность и депрессию; как шел и шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по новосибирскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех арок и переулков. Вмиг надуло ему в горло пневмонию, и добрался он домой, будучи не в силах сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. На другой же день у него обнаружилась сильная горячка. Благодаря бодрящему новосибирскому климату болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать; Аркадий Аркадьевич от безденежья лечился поначалу по-народному: травками, дышал над картошкой и кутался в два одеяла. Наконец решил он позвонить в двадцать вторую поликлинику на Зорге, но выяснилось, что полис у него просроченный, а за новым надо ехать в бухгалтерию, в офис, куда Аркадий Аркадьевич не ходил уже почти неделю, да и то готов документ будет не скоро. Звонившей по телефону хозяйке, которая, как назло, уехала в Карасук к школьной подружке, наш больной говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять, можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одного и того же — «шестерки».

Наконец бедный Аркадий Аркадьевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, и кому все это досталось, бог знает. Аркадия Аркадьевича свезли на Гусинобродское кладбище и похоронили. И Новосибирск остался без Аркадия Аркадьевича, как будто бы в нем его никогда и не было. Через несколько дней после его смерти послали к нему на квартиру соседа его по столу в офисе, проживающего в той же стороне, рядом, на Петухова, узнать, что да как, и с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует. Но курьер возвратился ни с чем и дал отчет, что Аркадий Аркадьевич не может больше прийти, а на вопрос «почему?» отвечал: «Да он умер, четыре дня назад похоронили». Таким образом узнали в офисе о смерти Аркадия Аркадьевича, и на другой день уже на его месте сидел новый менеджер, пусть гораздо выше ростом, но делающий обзвон не так быстро, то и дело ошибаясь номером.

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

**«УБЫВАЮ ПРИЧАСТЬЕМ
СТРАДАТЕЛЬНЫМ...»**

* * *

Снегирь/синица — Сирин/Алконост
в саду моем искрящемся и райском,
а снег нейдет: мороз до самых звезд,
стемнело до Венеры и Можайска.
Все ветви у берез посеребря,
луч в полынне рыбачьей отразится,
светает на седьмое января:
горит Звезда, как сердце очевидца...

пейзаж

церкви белая береза
 наклонилась над рекой
 хорошо сквозь смех и слезы
 до звезды достать рукой
 если слезы — это свечи
 если память — это воск
 хорошо, по-человечьи
 разговаривает волк
 с тем, кто был молчун и филин
 или кто? угрюмый сыч?
 и витии-простофиле
 чародейства не постичь
 и теперь, когда светает
 слово каждое — глагол
 человека навещают
 и орел, и лев, и вол
 звезды? или аметисты?
 перелесок и холмы —
 все как есть евангелисты
 у аквинского фомы

на выходные

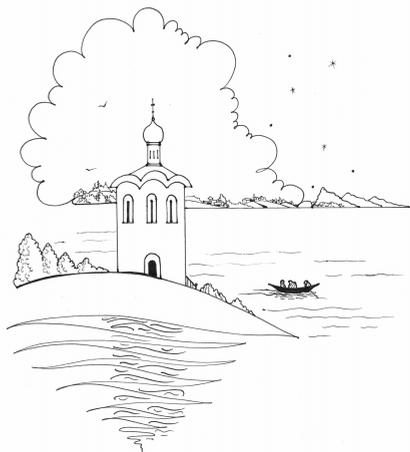
осенний лес — печерский монастырь. как караван листвы гоняет ветер-
 погонщик! солнце лезет на пустырь — негумилевский чад, где чада-дети
 неугомонно возятся в пыли. где облака — пустыни корабли.
 сентябрь, мне так нужна твоя тоска! часы... и стрелки — пальцем у виска.
 да гипсовые в парке пионеры. но скверно дворник выметает скверы.
 а воздух, как отравленный, дрожит. мой дворик книгой читаной лежит
 (десятитомным пушкиным-гроссбухом). печаль сидит за нудным ноутбуком
 и правит стих в такие вечера. в цветке застыла мертвая пчела.
 природа ожидает воскресенья. но как приятен к чаю мед осенний,
 когда шмели торопятся в леток. субботний день, ну вот и ты истек.

* * *

не желаю ни Ялты, ни Яффы
бесконечной земной красоты...
ни Иус, ни Мухаммед, ни Яхве —
только ты
приношенье достав из кубышки
пить мерцание глаз и камней
я желаю проникнуть мальчишкой
в наказуемый угол колен
и за эту улыбку, глупышка
ничего не желаю взамен
наважденье! мне крышка и вышка
эсмальда, наташка, кармен

на небеси

не элины, не иудеи, не чудь, не славяне
но ангелы света, поющие благоговейно
святые молитвы почище кобейна
в надмирной нирване
и к дольному миру ни капли уже не привязан
никто, и дорога простерта подобием хаджа
и звук тишины и блаженства исполнен — подобен
небесному гранжу
светлы облака, как божественная окантовка
и праздник повсюду, и нету патронов в винтовках

«Убываю причастьем страдательным...»

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

1987-й

в никольской церкви был орган — во времена советов, то есть
чей голос был, как у долорес о'риордан
я младше был, я был светлей. тогда повсюду было много
небес, чудес, мечты и Бога, и жизнь людей была ценней
чем fuga, опус, чем концерт иоганна себастьяна баха
и письма счастья ради смеха я тоже вкладывал в конверт
пересылаемый друзьям. и знаешь: счастье было чище
...и вот теперь на пепелище былых времен, что нотр-дам
торчит обугленный завод, и облака над ним — горгульи
а он стоит... и гули-гули, как голубей, к себе зовет
былых мальчишек. только мы уже по-старому не верим
и голос прошлого есть двери большой зимы
когда на улице пурга, снега и запредельность стужи
а там — и радуга, и лужи, и голос Бога, что орган...

* * *

Бог тоже был ребенком, он играл
сном, светотенью, облаком, листвою,
тобою, мной, тем, что сейчас со мною,
и никого в игру свою не звал.
Но лишь в труде на вечные века
он создал мир: добро и смех ребенка,
когда б ты ведал, как все это тонко,
ты б тишиною стал наверняка...
Чтоб осознать добро и смех ребенка,
сон, светотень, листву и облака...

* * *

какая печаль эта осень, какая тоска!
березка в желтеющем платье стоит на носках
и прячет в огне обнаженное белое тело
а рядом на алом кострище рябина сгорела
лишь ходит сорока в армейских своих галифе
и осень горька и опасна, что аутодафе
и скоро нагрянут на мир золотые синички
и то посмотреть и по правде сказать — еретички
лишь в ризах пурпурных приидут, что пономари
пророчить метель и грехи отпускать снегири

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

что сказать тебе, друг, на прощанье, пропадая в закатной пыли! —
облака над страной, как кремли, как курлы журавлиной печали,
валаамские монастыри...

положу в твою черную робу в одиноком сибирском скиту
самородок, подобный стиху, чтоб отпраздновать дружество, чтобы
исповедаться начистоту.

облака над страной, облака! убываю причастьем страдательным,
кропотливым словесным старателем, намывающим по ночам
лунный свет — это ваше сиятельство.

пусть евангельским рыбакам
будет сызнова путь уподоблен службе букве, весомой, как рыцы,
мы сегодня с тобою — ловцы, и закинутый невод огромен,
и пленительны душ образцы.

если рифма всегда — палимпсест, приложенье к библейскому смыслу,
не печалься, что рылом не вышли, начинавшийся с сильных мест
голос Слова — вот истинный Крест!
пусть порадуетя Всевышний!
до свидания, друг, — до небес!

Александр АМБРОСЬЕВ

ААРЫМА*

П о в е с т ь

Пролог

Неподвижный холодный туман окутал землю. Ледяная макушка суровой зимы переполнилась лютой стужей, и в стылом тумане кажется, что время остановилось навсегда. Однако в какой-то неуловимый для простого смертного миг скрипящие полозья саней зимы сдвинутся в сторону тепла. Но до этого момента еще далеко, и в такие дни никто лишней раз на улицу носа не кажет, а если и есть надобность, то с делами справляется споро. В необъятной тайге из застывших под снегом деревьев будто выдули остатки жизни, только дрожат промерзшие насквозь заиндевелые ветви. Изредка тишину стоячего морозного воздуха нарушает оглушительный треск лопнувшего от неимоверного холода древесного сучка. Теплое дыхание мохнатых лошадок превращается в белое матовое облако, которое, чуть поднявшись над землей, медленно колышется вокруг них. Подышишь таким загустевшим воздухом, и вскоре в носу образуются щекочущие ноздри льдинки.

На западной стороне слившегося с белесым низким небом алааса**, в его глубине, стоит небольшой домик. Рядом с ним притулилось крохотное строение, где тихо и уютно урчит генератор. Время от времени из печной трубы человеческого жилища в темное небо вылетают пламенеющие искры. Сквозь легкие занавески пробивается свет, и кажется, что он рисует на плотно утоптанном снегу двора замысловатые танцующие узоры.

Внимательному взгляду открывается за аккуратной изгородью хозяйство, в котором, кажется, есть всё. Здесь и крытый добротным шифером большой сарай — там до поры до времени приютились сани, в которые запрягают лошадей, — а около него массивный длинный стол с ровными рядами брусков кристально чистого льда. Тут же летняя кухня с опрятной кирпичной печью для выпекания хлеба, чуть дальше

* Журнальный вариант первой части повествования. Перевод с якутского Алексея Амбросьева (Сиэн Мунду).

** *Алаас* — типичный для равнинной Якутии ландшафт: поле округлой формы с пологими, как правило, склонами и чаще всего с озером посередине. Предки народа саха издревле селились по принципу «один алаас — одна семья». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

виднеется банька и кабинка душа. Возле длинного вместительного гаража сложены дрова. Поблизости, за домом, стоят большие огороженные стога сена. Один обширный загон пустует, а в другом едят сено две лошади, которые громко фыркают от удовольствия и топают копытами по мерзлой земле. В густом ельнике, возвышающемся на северной стороне усадьбы прямо за банькой, в объятиях разлапистых ветвей укрылся не тающий ни зимой, ни летом булуус — ледник для хранения всевозможных съестных припасов.

В один из таких холодных дней рядом с булуусом промелькнула тень матерого серого хищника. Это Аарыма*. Волк, подойдя к жилью вплотную, застыл, внимательно прислушиваясь к сторожкой тишине. Хозяйская собака Кыыстара**, свернувшись калачиком и спрятав от мороза нос под пушистый длинный хвост, забила в конуру. Из угла размашисто и тщательно расчищенного от снега двора, где стоит конура, обычно видно все, но сейчас пес не смотрит вокруг и к тому же не в состоянии учуять никакого запаха: появляющийся время от времени легкий южный ветерок дует со стороны человеческого жилья. Внутри дома шумит включенный телевизор. Этот звук слышен даже сквозь стены, значит, хозяин уже вернулся из поселка.

В свете луны тень Аарымы еще пару раз промелькнула между деревьев и исчезла. Волк приходил проведать двуногого соседа, с которым мирно уживался много лет, но с недавних пор они превратились в кровных врагов. Почему человек и волк, оба дети природы, вдруг стали врагами и начали, как говорили наши предки, выслеживать друг друга по горячим следам, преследовать по остывшим следам?..

Глава первая

Утрата

В прошлом году, чтобы восстановиться после весеннего гона, Аарыма с верной подругой направились к верховьям Большой речки, где они обычно охотились на диких оленей. По пути пара неожиданно наткнулась на стаю пришлых волков, которые загрызли кобылу из косяка их двуногого соседа: чужаки уже заканчивали свое роскошное пиршество. Это пастбище с никогда не пересыхающим глубоким озером и прекрасным травостоем находилось в отдалении от людского жилья и служило местом тебенёвки***. В последнее время там зимовал табун во главе с молодым горячим жеребцом по кличке Могул.

* Аарыма — очень большой, громадный, матерый.

** Кыыстара — ласковое обращение в народе саха к разным домашним животным. Часто используется помимо основного прозвища животного, можно перевести как «девочка», «доченька».

*** Тебенёвка — зимняя пастба, самостоятельная добыча лошадьми корма из-под снега. В поисках травы лошади раскапывают снег передними копытами.

Волки никогда не нападают на лошадей и других домашних животных вблизи своего логова. Волчица, верная и мудрая подруга Аарымы, передавала ему свои мысли, и он понимал ее (так разговаривают все звери): «Умные волки на богатство своего двуногого соседа не зарятся, из-за одной скотинушки на кровную вражду не идут. Тогда человек не трогает тебя и не выслеживает. Ну а если случится непоправимое, то в кровной вражде между человеком и зверем выживет только один. И это будет не зверь. Не трогай людей: у них своя жизнь, у нас — своя. Нам с лихвой хватит и тех оленей, которых мы поймаем в верховьях нашей Большой речки». И действительно, Аарыма с верной подругой мирно соседствовали с человеком много лет, и его табуны длинногривых лошадей перестали их пугаться и обращать на них внимание. Даже когда они пробежали мимо.

И вдруг откуда ни возьмись появилась большая стая волков, задравшая кобылу их двуногого соседа и отворившая тем самым врата войны. Предвидя, к каким последствиям может привести поступок чужаков, Волчица пришла в ярость и ощерила пасть. Чужаки поняли, что сейчас им предстоит смертельная схватка с хозяевами этих мест. Аарыма, страшный в своей злобе, шел прямо на них, прижав уши и пригнув лобастую голову, а рядом была его верная подруга. И чужаки, хоть и зубастые и наглые, притихли и предпочли убраться восвояси.

Вскоре за ними в верховья речки направилась и Аарыма с подругой. Как местные волки и предполагали, стая чужаков до этого уже основательно похозяйничала там, везде были их следы. Пара по знакомой ей тропе перебралась на противоположный берег, чтобы поискать свежие следы оленей.

Верная спутница Аарымы вдруг уловила запах двуногих, и у нее окончательно испортилось настроение. Эти пришлые двуногие выкорчевали деревья, перерыли и обезобразили землю, избороздив ее железными когтями, проложили запутанные дороги, исполосовав ими вдоль и поперек леса и алаасы. После них остались уродливые котлованы и незарастающие колеи, выглядевшие словно шрамы на живом теле. Волчица видела, что вековая тайга не устояла против могучей техники и в родном для нее лесу начались тревожившие ее перемены. А еще Волчица думала о встреченной ими сегодня стае волков, легко проникшей в их земли по дорогам, проложенным такими же чужими для этих мест двуногими. Эти волки, как и все временщики, неписаных законов тайги не признавали, поступали как им заблагорассудится. Волчица знала, что с чужаками они с Аарымой никогда не уживутся, ибо их родные места не могут прокормить такое количество хищников.

Пока Аарыма изучал оленьи следы, Волчица решила разведать, куда направилась стая чужаков. Она побежала легкой рысцой и заметила сбоку от себя странные следы. Свернула туда, чтобы рассмотреть внимательнее... Вдруг что-то лязгнуло, и ее лапу обожгла нестерпимая боль. От неожиданности самка резко отскочила в сторону, но раздалось

звяканье натянувшейся железной цепи, и она со всего размаху рухнула на землю. Волчица, еще не понимая, что происходит, завертелась юлой, пытаясь освободить лапу из капкана, и тут сработал сторожевой механизм силка из стальной проволоки. Изуверское изобретение мгновенно обвилось вокруг шеи, сдавило горло так сильно, что Волчица даже не могла дать знак своему волку. Она издавала лишь сдавленный хрип. С каждым ее движением стальная проволока затягивалась все туже и туже, самка начала задыхаться. Слабеющий слух еще уловил вдали какие-то звуки, но потом перед глазами все померкло, и сознание покинуло Волчицу.

Тем временем Аарыма нашел оленье стадо, умело отделил от него четырех оленей и погнал их на Волчицу. Он давал понять громким воем, в какую сторону они бегут, чтобы самка могла перехватить их. Этот вой и был последним, что Волчица слышала в своей жизни. Но Аарыма еще не знал, что его верной подруге больше не охотиться в родной тайге, не нежиться в ласковых лучах солнца, не рыскать по лунным полянам и не растить мохнатых игривых волчат.

...Они были свободными детьми бескрайней и прекрасной тайги и соблюдали ее священные законы. Добывали животных не ради забавы, а для пропитания — чтобы выжить, и в основном больных и уцербных, так что не зря волков называют санитарями леса.

Волчья пара — это образец любви и верности. Она образуется на всю жизнь. Аарыма и Волчица не подпускали чужие стаи к своим владениям и потому мирно соседствовали с двуногими — не трогали их, и люди не беспокоили волков. Впрочем, многие сельчане даже не догадывались, что рядом с ними обитают самые умные создания тайги. Да что там двуногие, кажется, даже большинство мелких зверушек и пичужек никогда не видели местных волков и тоже не догадывались об их существовании.

Вмиг осиротевший волк провел трое суток возле заочневшего тела верной подруги. И все это время он не переставая выл — то низко, то взмывая голосом к высоким нотам. Это было похоже на плач человека, изливающего в бесконечной печальной песне всю боль и горечь утраты в подлунном мире. Волку казалось, что это он умер, что это ему переломили хребет и вынули душу...

Потом Аарыма, приняв важное решение, направился по следам пришедшей стаи. И уже вскоре узнал, что чужаков выслеживают вооруженные люди на железных конях*. Волк теперь особо тщательно принюхивался к запахам двуногих — он начал искать тех, кто погубил его верную подругу.

Время шло, и дни стали заметно длиннее. Уже скоро снег станет мягче и осядет.

* Так волк воспринимал снегоходы «Буран».

Судя по всему, стая хищников в эти края пришла надолго. Чужаки, среди которых было много переряков, чувствовали себя вольготно. Обучением молодых волков в стае не занимались, а без разбору убивали любую живность двуногих. Эти волки не боялись охотников — звери успевали еще издали услышать шум моторов и заранее убирались с тех мест, где убили очередную кобылу. Хорошую услугу им оказали такие же пришлые, как и они, люди, проложившие сквозь вековую тайгу сотни километров временных дорог для своей техники. Волки не вязли в глубоком снегу, не тратили сил зря и потому по этим «таежным трассам» легко и быстро оказывались в любом месте леса.

Аарыма неотступно следовал за пришлой стаей и даже специально перестал охотиться, чтобы не отставать от них. Теперь он питался остатками добычи чужаков — это в основном было мясо кобыл и рано родившихся жеребят. Незаметно для себя пристрастился к подобной еде, которая оказалась очень вкусной и питательной. Он на себе почувствовал, что это мясо дает много сил и энергии: пообедавший им долго не устает и не мерзнет. И это вовсе не удивительно — табуны нагуливали жир на отборных пастбищах алаасного разнотравья. В придачу к этому вдоволь питались нежной осенней отавой, появлявшейся после сенокоса. Да и на зиму двуногие всегда припасали разные корма для своих длинногривых любимцев.

Однажды стая, задрав очередную кобылу и набив животы, устроилась отдыхать на густо заросшем деревьями большом увале. Увидев это, всюду следовавший за ними местный волк направился в сторону охотничьей избушки, чтобы как бы невзначай попасться людям на глаза. Уловка удалась. Охотники оседлали железных коней и погнались за ним. Аарыма не стал отрываться от преследователей, а нарочно дал им возможность пристроиться за ним и по широкой дуге обогнул лесное возвышение, где находились волки. Как Аарыма и предполагал, вскоре волчатники по следам догадались, что обложили на возвышении стаю, за которой гонялись все это время. Переговариваясь по радиии, окладчики осторожно сделали еще один круг, огородив увал специальной широкой лентой, которая трепетала от малейшего движения воздуха.

Казалось, что они вовсе забыли об одиноком волке, но он знал, что это не так. Когда, сделав для верности крюк в пару десятков километров, Аарыма уже в сумерках затаился во временной лежке, то увидел, как по его следам проехали охотники на железном коне. Волк знал, что эти двое далеко не уедут: уже темнеет и они скоро вернуться в охотничью избушку. Так оно и случилось, а обложенные на лесном возвышении волки выли всю ночь. Они приближались к ленте, но перемахнуть ее не решались. И также всю ночь дежурили, сменяя друг друга, волчатники.

Назавтра охотников стало значительно больше. Часть из них осталась на дорожной насыпи в качестве стрелков, другие — загонщики — направились на «Буранах» к увалу. Но днем снегоходы вязли в мокрой снежной каше, моторы ревели и перегревались. Загонщикам, которые

должны были выгнать волков из лесного массива, пришлось спешиться. Движение значительно замедлилось, тем не менее круг начал немолимо сужаться. Стрелки застыли в ожидании.

Аарыма задумался. Он решил разведать обстановку, чтобы узнать, где затаились стрелки. Волк несколько раз подходил к ленте, громко выл. Однажды среди волчатников заметил охотника, который в этих местах промышлял давно. Значит, подумал он, двуногий должен быть опытным стрелком. Перемахнув ленту, Аарыма направился в сторону волков и громко завыл. Те сразу опознали его. Они были уверены, что это именно он выдал место их лежки охотникам. Стая ринулась к нему с явным намерением растерзать его. Готовый к подобному развитию событий, волк побежал в сторону знакомого ему стрелка. Только он перепрыгнул ленту, как раздался сухой выстрел, вздыбивший снег всего в двух-трех шагах впереди него. Волк хотел подвести погнавшуюся за ним стаю прямо к охотникам и чуть не поплатился за это. На его счастье, Баай Барыылаах Байанай* оказался на его стороне — охотник промахнулся. «Впредь надо быть осторожнее», — подумал Аарыма. Звук выстрела выдал охотников. Он вспугнул бегущую за Матерым стаю, и она вернулась обратно к спасительному лесному возвышению.

Следующий день выдался теплее предыдущего.

Аарыма продолжил свои «игры» и в этот раз решил вывести стаю на другого стрелка. Перескочив через ленту, он с громким воем побежал в сторону волков. И чужаки вновь, оскалив зубы, ринулись за ним. Матерый не стал испытывать судьбу, пустился наутек и снова перепрыгнул через ленту. Стая в какой-то момент довольно близко подобралась к нему, но неожиданно завернула к озеру и понеслась вдоль него прямо к большой дороге. Один из переярков, бежавший впереди всех, даже не понял, что отставшие от него волки свернули в другую сторону. Приблизившись к ленте, он замедлил ход, и этого хватило, чтобы стрелок уложил его одним метким выстрелом. Сегодня Байанай улыбнулся охотнику.

Как оказалось, обложенные волки не зря побежали в сторону озера. Они заметили брешь, образовавшуюся оттого, что сильный порыв ветра оборвал ленту. И через эту лазейку хищники вышли на дорогу, перебрались на другую сторону и были таковы. По всей видимости, в этот раз они сразу направились к родным местам — следы вели к верховьям Большой речки. Аарыма теперь был уверен, что предстоящим летом никто не будет посягать на его владения, охотиться на его добычу. Он остался без верной мудрой подруги, но ему хотя бы удалось с помощью хитрости избавиться от непрошенных гостей. Наглая стая чужаков до осени уж точно не появится в этих местах.

Все это время Аарыма не переставал искать того, кто погубил его верную подругу. Надеялся, что встретит этого двуногого на шумной

* *Байанай* — дух леса, покровитель охотников и рыбаков. *Баай Барыылаах* — постоянный эпитет к имени Байанай. Буквально — «имеющий богатство», «богатый».

облаве, но нужного запаха так и не учуял и потому легкой трусцой привычно направился в сторону родного логова. Его тень в лунном свете казалась громадной.

Поиски убийц

Наступила обычная для весны переменчивая погода — ночью основательно подмораживало, а днем все кругом тихонько таяло. При ходьбе из-под снега выступала талая вода, поскольку земля была еще мерзлая и влаги некуда было деваться. К тому же нынче зимой выпало как никогда много снега, так что он еще не скоро сойдет.

Какое-то непонятное чувство потянуло Аарыму к тому месту, где они с верной подругой впервые встретили пришлых волков. Когда волк пробежал мимо остатков некогда роскошного пиршества чужаков, ему неожиданно почудился едва знакомый запах. Он остановился, обнюхал основания мшистых кочек и вдруг понял, что наконец-то нашел то, что искал все это время! Трудно кому-то сравниться с волком по способности различать запахи, вот и Аарыма учуял из тысячи окружавших его ароматов нужный ему.

Волк еще раз тщательно все обнюхал и определил, что двуногих было трое. Первым был человек, который увез на железной упряжке зачоченевшее тело его верной подруги, второй запах оставил его напарник, а вот третий принадлежал двуногому соседу Аарымы! От этого неожиданного открытия у Матерого потемнело в глазах, гулко-гулко забилося несчастное волчье сердце и стало трудно дышать... Придя в себя, Аарыма припустил в сторону жилища двуногого соседа.

Приблизившись к знакомым местам, волк выбрал путь через лесистую возвышенность, растянувшуюся между двумя алаасами. Волк знал, что люди не любят буреломы, и потому, хоронясь за завалами беспорядочно упавших елей и лиственниц, можно было незаметно подобраться к человеческому жилью.

По пути Аарыма подкрепился попавшимся, на его удачу, в силки соседа зайцем. При этом вспугнул крупного черного ворона, дремавшего среди густых ветвей в ожидании рассвета и наверняка также собиравшегося позавтракать зайчатиной. Прожившая на свете немало лет птица весьма удивилась, увидев серого волка вблизи человеческого жилья. Она всполошилась и издала истошный крик. По ее разумению, место хищника где-то в тайге или в верховьях речки, но только не здесь. Ворон еще долго недоуменно вертел головой, а его круглые блестящие глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

Аарыма крадучись пробрался к лужайке за забором. Тишина. Почему-то не слышно собаки, а ведь она могла и унюхать его. Обойдя кругом ледник, волк дошел до уборной, но никого и ничего подозрительного не заметил. Собаки, оказывается, на месте не было. Хозяина дома, судя по всему, тоже не было — он имел обыкновение рано затапливать

печь. Если собака побежала за двуногим, рассуждал волк, то должна вернуться с развилки большой дороги. Значит, до ее возвращения надо исследовать двор и определить, кто приходил к хозяину усадьбы. Продолжая внимательно прислушиваться, волк тщательно обнюхал плотно утоптаный снег двора перед домом. Двуногие, убившие его верную подругу, тут побывали лишь проездом. И это было давно, свежие запахи отсутствовали.

Вскоре в доме послышался шум и из печной трубы показался сизый дым. Он нежной шелковой лентой заструился вверх, в уже давно просветлевшее прозрачное небо весны. Хлопнула дверь, и показался незнакомый волку двуногий. Медленно переставляя слегка согнутые в коленях ноги, он направился в сторону загонов, где стояли лошади. Невысокого пожилого мужчину нельзя было назвать табунщиком в полном смысле этого слова, тем не менее это был человек, присматривающий за лошадьми. Вот и сейчас он вышел во двор, чтобы подбросить сена старой кобыле и еще двум длинногривым, стоящим в отдельном загоне. Собираясь вытянуть железным крюком порцию застогованного сена, он краешком глаза заметил позади себя собаку. «Ты смотри, я-то думал, что она вчера вечером увязалась за хозяином, а оказывается, все это время тут находилась», — подумал он. Вытащив при помощи крюка несколько больших охапок сена, мужчина сложил аккуратную копну, и в это время вдали послышался знакомый лай. Удивленно подняв голову, он увидел хозяйскую собаку, не спеша трусившую к дому со стороны большой дороги. «Это как понимать?» — пронеслось в голове человека, и вдруг его прошиб холодный пот. Мужчина резко обернулся, но позади него уже никого не было. Он только сейчас понял, что совсем недавно на него смотрела вовсе не собака, а самый что ни на есть настоящий волк. Воображение услужливо подсказывало, что зверь был просто гигантского размера, в несколько раз больше их собаки. «Такой, глядишь, проглотил бы и не поперхнулся. Чуть завтраком серого разбойника не стал!» — подумал мужчина и представил, что по привычке попытался бы погладить собаку...

Вдруг собака громко залаяла и рванулась в сторону леса. Но, пробежав всего несколько метров и увязнув в глубоком снегу, живо повернула назад. Мужчина, глядя на нее, засуетился. Его даже сейчас от одного воспоминания о волке бросало в жар. Он наспех раскидал сено и засеменял в сторону дома. Открывая дверь, заметил, что дрожат не только руки, но и вечно болящие ноги: врачи давно поставили ему диагноз «артроз обоих коленных суставов».

«Совсем постарел... Так перепугался, что аж душа в пятки ушла... Слишком все неожиданно, да и громадная зверюга была...» — думал пожилой человек, подбрасывая в печь дрова. Потом громко чертыхнулся, вспомнив, что хозяйская собака очень уж похожа на волка. Такая же лобастая, такой же серо-бурый окрас, а хвост, длинный и толстый, всегда стелется над землей — точь-в-точь как у серого хищника. Хозяин

рассказывал, что это псу в поселке машина хвост отдала. Наверное, именно это внешнее сходство волка и собаки и запутало мужчину, тем более что он особо не приглядывался, а стоял к зверю спиной.

Немолодой мужчина в тот день больше во двор не выходил. Выглянул лишь под вечер, и то предварительно пальнув в воздух из ружья. На следующий день кормежка старой кобылы и двух лошадей превратилась в мучительный для человека процесс. К загонам он отправился с ружьем и в сопровождении хозяйской собаки. Выйдя во двор, вновь начал громко ругаться: лошади, не дождавшись привычной утренней кормежки, изрыли копытами всю землю возле дома. Хозяину усадьбы это явно не понравится. Пришлось, озираясь, отвести лошадей к загонам.

Для Аарымы также стало неожиданностью, когда, обойдя загон и собираясь вернуться в лес, он столкнулся с незнакомцем. Хорошо, что в тот момент человек не обратил на волка внимания, точнее, не понял, кто перед ним.

Теперь волк стал постоянно наведываться к дому, когда хозяин отсутствовал, а был только приглядывающий за усадьбой немолодой мужчина. Зверь чувствовал, что тот боится его. Хозяйская собака изредка облаивала волка, тогда он спокойно уходил в родной лес.

Через несколько дней из поселка на попутной машине приехал хозяин дома и почти сразу отправился обходить свои табуны. Осмотрев их, распорядился добавить сена и дать дополнительную подкормку. Аарыма, узнав о возвращении двуногого, оставил усадьбу в покое. До поры до времени. Он, честно говоря, в душе остерегался этого человека, который совсем не боялся его. Отсутствие страха волк чувствовал по исходящему от хозяина дома запаху — он был совсем другим, нежели у невысокого пожилого человека. Кроме того, волк видел, как уверенно ведет себя двуногий.

Хотя хозяин дома и приехал, но с ним не было тех двоих, убивших верную подругу Матерого. А ведь именно в ожидании встречи с ними Аарыма встретил весну здесь. Но волк был убежден, что они рано или поздно появятся.

Однажды хозяин усадьбы натянул вокруг пастбищ черную блестящую ленту и, уверенный, что обезопасил детей Джёсёгея*, вернулся в поселок. Узнавший об отъезде двуногого соседа Аарыма покинул логово и направился в сторону табуна, где одна из кобыл ожеребилась раньше всех. Он решил завалить того жеребенка и рассматривал это не как разбой, а как справедливую месть за убитую подругу. Аарыма до сих пор был уверен, что именно его сосед навел охотников на места обитания волчьей пары.

...Пастбище, где находился табун лошадей с намеченной жертвой, также было обтянуто черной блестящей лентой. Она громко шуршала на

* Джёсёгей — в мифологии народа саха небесный покровитель коней и отважных мужчин.

ветру, словно предупреждая всех, что приближается серый разбойник. Волк на какое-то мгновение даже остановился, не решаясь сразу перемахнуть через ленту, уж слишком еще был силен запах знакомого человека, который не боялся его.

К пасущимся лошадям волк подкрался по следам самих двуногих. Может быть, приглядывающий за хозяйством пожилой человек где-то тут, но Аарыма его ничуть не боялся. Хоть тот и был вооружен, волк не чувствовал в исходящих от него запахах угрозы для себя, наоборот, чуял страх самого человека. Матерый замыслил поживиться жеребенком, чтобы хозяин табуна, узнав об этом, позвал для поимки серого хищника тех двух охотников. И тогда Аарыма встретит их...

Ночью в лужах вода все еще промерзала до дна. Лошадям в такое время приходится туго, так как они могут легко поранить ноги о ледяной наст. И потому, добравшись заранее до пастбища, они дремлют в ожидании наступления утра, когда чуть потеплеет и можно будет без опаски копытить уже подтаивающий снег. Стояла тихая безветренная ночь, лишь изредка нарушаемая легким движением весеннего воздуха. Появившийся на свет раньше всех жеребенок устроился на прогретой за день проталинке и спал. Отдыхали и кобылы, которым роды еще только предстояли. Вожак табуна, молодой и сильный Тулуур — семилетний жеребец саврасого окраса, сын известного в этих местах жеребца по кличке Туллая, — на всякий случай обошел пастбище, но вроде все было спокойно, и вскоре, мотая время от времени головой, он задремал.

В самые суровые месяцы года двуногие часто подкармливают табуны, подвозя на тяжелой технике сено и другие корма. И в проложенных за зиму глубоких колеях снег начинает таять раньше, чем в нетронутых колесами и гусеницами местах. Именно по такой рано почерневшей земле к лошадям подбирался громадный волк. Он ступал бесшумно, словно лаская землю мощными мохнатыми лапами. На фоне темных елей было невозможно различить его хищную тень. Встречный воздух доносил до него терпкий запах кобыл, которые и представить не могли, что смертельная опасность грозит со стороны дороги, по которой к ним всегда приходила помощь.

Тулуур неожиданно вздрогнул и проснулся. Вокруг стояла мертвая тишина. Окружающий пастбище ельник затаился в ожидании какого-то важного события. Саврасый вожак обошел по кругу косяк кобылиц, все дремали — кто стоя, кто лежа. Но спокойствия в душе жеребца почему-то не возникло, ему, наоборот, показалось, что что-то страшное нависло над ними. Тревога росла, и он стал будить кобыл ржанием, ударом головы насильно поднимая крепко спящих. Вскоре все собрались в тесный круг. Вдруг показалась хозяйская собака, которая, словно подлизываясь, тихо ластилась, чего с ней никогда не бывало. Раньше, если слишком близко подойти к ней, могла и за ноздри пребольно укусить. Что это с ней?

Как оказалось, саврасый жеребец беспокоился не зря — скоро на этой поляне разыграется вечная драма жизни и смерти.

Мечь

Вслед за вожакom в сторону собачьей тени выжидательно посмотрел и весь табун. Кобылы привыкли, что пес обычно появляется вместе с хозяином, и некоторые лошади, думая, что это он, направились ему навстречу. Резво поскакал к собаке и жеребенок, несмотря на тихое и ласковое ржание матери, не разрешающей ему отходить от нее далеко. И вдруг тихо ползущий пес вскочил. Только сейчас до длинногривых детей Джэсёгея дошло, что к ним, прикинувшись собакой, подкрадывался волк! Из-за усилившегося ветра, дувшего в сторону серого, исходящий от него запах смерти, который лошади обычно чувствуют за версту, в ноздри им ударил лишь тогда, когда хищник предстал самим собой.

Прискакавший с детским любопытством тонконогий жеребенок повернулся, чтобы убежать под защиту матери, и тут волк сделал гигантский прыжок. Миг — и его зубы вонзились в нежную плоть шеи. Нападение было столь стремительным, что хищник по инерции перекувырнулся вместе с почти невесомой жертвой, успев разорвать тонкое горло жеребенка еще в воздухе. Примчавшаяся на помощь сыну кобыла моментально развернулась и нанесла задними ногами мощный удар, но промахнулась. Успевший уклониться от удара хищник отреагировал мгновенно — едва смертельно опасные для него копыта лошади опустились на землю, как волк вцепился зубами в ее заднюю ногу, стремясь разорвать сухожилия. Волчий план мог бы закончиться успехом, если бы не подоспел вожак табуна и с ходу не ударил Матерого передним копытом. Аарыма едва успел увернуться, но копыто все-таки задело по касательной его череп, отчего у серого хищника загудела голова, и он, разжав челюсть, отпустил добычу.

У волка хоть и затуманилось в голове, но ему хватило сил достичь в два прыжка ближайшей опушки, где он залег под большой лиственницей и, положив гудящую от удара голову на передние лапы, стал наблюдать за табуном. Боль не проходила. Саврасый жеребец собрал разбежавшихся во время нападения кобыл и погнал их в сторону другого алааса. Посреди пастбища виднелась тушка жеребенка, вытянувшего ноги в смертельной агонии. Кровь уже вытекла из разорванного горла и теперь сочилась тонкой струйкой. У маленького тельца стояла мать и, словно приговаривая: «Вставай, сынок! Вставай!» — тыкалась мордой в уже безжизненное и начинающее коченеть тело. Подошел жеребец и чуть ли не силком направил кобылу в сторону остальных лошадей. Пора было уходить. Пока табун двигался к краю алааса, несчастная мать еще несколько раз пыталась вернуться к мертвому жеребенку, но вожак оттеснял ее, не позволяя этого сделать. Только сейчас она почувствовала

острую боль от волчьих зубов и, сильно прихрамывая, медленно скрылась за деревьями вместе с саврасым вожак.

Умом кобыла понимала, что она навсегда потеряла жеребенка, но сердце матери отказывалось это принимать. Ей было трудно поверить, что сыночек не будет больше резвиться на проталинке, подпрыгивая на тоненьких ножках, что он больше не будет тыкаться мягкой влажной мордочкой в ее гудящее, переполненное молоком вымя...

Саврасый все это время шел рядом, следя, чтобы она не отстала и не повернула обратно. Другие кобылы часто и брезгливо фыркали, пытаясь поскорее избавиться ноздри от тошнотворного запаха свежей крови. Они шли неторопливо, однако были готовы по первой команде Тулуура свернуть в нужную сторону. Но вроде больше никто нападать на них не собирался, и табун вскоре благополучно достиг безопасного пастбища недалеко от усадьбы хозяина. Они остановились, решив дать набраться сил раненой кобыле. Разбредаться по лугу не стали, а сбились в тесный круг, чтобы, прислушиваясь к тишине, которая все еще таила опасность, дожждаться рассвета.

Никто не знал, как отразится эхо разыгравшейся ночью трагедии на судьбе каждого из них — и человека, и хищника, и длинногривых детей Джёсёгея...

Аарыма считал, что ума ему не занимать, но сегодня из-за его собственной глупости вожак табуна чуть не раскроил ему череп. Волк же видел, что саврасый жеребец находится в самом расцвете сил, да и размерами бог Джёсёгей его явно не обделил. «Не нужно было в пылу азарта на кобылу нападать, — размышлял Матерый. — Ведь вожак табуна был совсем рядом». Когда боль постепенно утихла, волк направился к задранному им жеребенку, чтобы наконец-то вкусить еще теплого мяса и восстановить силы. Разорвав едва уловимым движением острых зубов живот, он проглотил его нежное содержимое, даже не разжеванная. Заморив червяка, не спеша приступил к мясистому заднему бедру. Затем волк легко перекусил могучими челюстями еще совсем тоненький хребет, потом хотел было разделаться с другими вкусными мозговыми костями, но почувствовал, что каждый укус отдается в затылке тупой болью. Тем не менее вскоре от жеребенка осталась лишь шкурка с крохотными копытцами и маленький череп на шейных позвонках.

Наевшись, Аарыма не захотел вязнуть в глубоком снегу, а предпочел выбраться по своим следам обратно на дорогу хозяина. Уже по прекрасно утрамбованной тяжелой техникой трассе он порысил в сторону большой дороги, чтобы запутать следы. Через некоторое время уловил запах перебежавшего дорогу оленя, погнался было за ним, но вскоре передумал. Решил, что ему надо, сделав большой круг, вернуться к месту убийства жеребенка, — он теперь был уверен, что хозяин табуна уж точно приведет тех двух охотников, которые убили верную подругу волка. Аарыма будет дожидаться кровных врагов на другой стороне пастбища... Он искал их всю зиму и весну, но до сих пор не знает, что будет при встрече.

А олень никуда не денется — он так и будет пастись в редколесном распадке с образующимся летом небольшим озерцом со стоячей водой.

Волк бежал, и в его голове неотвязно вертелось: «Придут? Не придут? И что будет, когда они наконец-то появятся?»

Дымовая атака

Утром присматривающий за кобылами пожилой человек, не спеша и привычно раскачиваясь на больных ногах, пришел к месту тебенёвки табуна Тулуура. К своему немалому удивлению, он встретил косяк кобыл уже на ближнем алаасе. Мужчина потратил немало усилий, пытается отогнать их обратно. Уже на месте, кряхтя и чувствуя привычную ноющую боль в суставах, едва протиснулся в застожье. Отдышавшись, разметал за изгородь столько сена, чтобы кобылам хватило на несколько дней. Пока махал вилами, увидел, что собака возится с какой-то костью. Подойдя поближе, понял, что это останки их первого в этом году жеребенка. «То-то гляжу, что в табуне его нет, думал, что умаялся и отстал. Уснул где-то в сугробе, и его не видно», — произнес он вслух, будто разговаривал с кем-то. Затем подцепил вилами и перевернул то, что осталось от тушки, и вдруг заметил волчьи следы. Его аж передернуло — это были совсем свежие отпечатки лап напугавшего его матерого волка, которые ни с какими другими следами он спутать не мог. Он суетливо огляделся по сторонам, пальнул на всякий случай из ружья в воздух и, как мог быстро, засеменял в сторону жилья.

...Двуногий сосед волка был в ярости. Он решил переместить место подкормки табуна поближе к жилью. В течение двух дней и ночей они с немолодым помощником подтаскивали на санях сено к большому загону, заполняя его до отказа. И в течение двух дней и ночей над алаасом стался черный смрадный дым от горящих старых автомобильных покрышек, которые хозяин лошадей привез из поселка и поджег. Но тот, кого ждали люди, так и не появился.

А Аарыма в это время был уже далеко, не слышал пустой пальбы и не видел черного жирного дыма, застилавшего серое низкое небо. Он по-хозяйски обежал немалую площадь, принадлежащую ему, заглянул в самые дальние уголки, изучил и запомнил следы. И только сегодня вечером возвращался с верховьев Большой речки в сторону логова. Чем ближе волк подходил к родным местам, тем сильнее становился щекочущий ноздри запах чего-то горелого, который, как показалось ему, впитался в каждую веточку и листик окружающего его леса. Ощущение было не из приятных. В том месте, где Матерый задрал жеребенка, он обнаружил обугленные останки, которые двуногие сожгли на чем-то таком, от чего провонял весь его родной лес.

Стояла тихая лунная ночь. В невероятной высоте неба загадочно мерцали звезды. Деревья в лунной синеве казались таинственными,

отбрасывали длинные черные тени. Днем солнце основательно прогревало прозрачный весенний воздух, и снег уже давно сошел с южной стороны косогоров, а также с мест постоянной тебенёвки лошадей. Но в лесной чащобе снег лежал по-прежнему, он, как водится, растает в последнюю очередь. Матерому, окидывавшему внимательным взором родные места, нестерпимо захотелось завывать во все горло, но он сдержался. Конечно, он догадывался, что причиной всему действия его двуногого соседа, иначе этого маслянистого вонючего запаха здесь никогда бы не было.

Неизвестно, сколько бы Аарыма размышлял подобным образом, не обращая внимания на привычное тарахтенье трактора, если бы вдруг со стороны людского шума в небо не вырвались клубы черного дыма. Шум нарастал. Двухногие двигались в его сторону. Решив разузнать, есть ли среди них те люди, которые убили его верную подругу, волк принялся изучать следы и запахи. Свернув на дорогу, ведущую в направлении шума трактора, Аарыма прибавил ходу. Его вначале не удивило отсутствие свежих следов железных саней, он подумал, что двухногие, убившие Волчицу, могли приехать другим путем. Только пару-тройку раз в поисках свежих следов сунувшись в островки леса, волк осознал, что смрадным дымом теперь несет со всех сторон и он начинает нещадно щипать ноздри и жечь глаза. «Надо уходить», — подумал волк. Но не тут-то было! Куда бы он ни повернул, всюду его встречал тот же густой смрадный дым. У Матерого закружилась голова, а глаза слезились и плохо видели. Вдобавок ко всему он почти перестал различать запахи. Когда попадались особо густые клубы дыма, то ему казалось, что черная жирная копоть намертво прилипает к стенкам носа, щекоча и раздражая их. Еще немного — и вольный зверь, выросший в тайге, заблудился бы в редколесье. Если бы не уши, то волк, кажется, сам бы выскочил прямо к табунщикам. Уж тогда-то двухногий сосед своего шанса не упустил бы! Аарыма много лет соседствовал с ним и прекрасно знал, как тот стреляет из ружья. Попал бы точно промеж глаз.

Только потом волк догадался лечь пластом на снег. Над самой землей дым был, как оказалось, не такой густой, и теперь Матерый чувствовал лишь запах прилипшей к стенкам ноздрей гари. Немного продышавшись, заметил, что там, где усадьба двухногого, дыма вроде бы нет. Улучив момент, когда фары трактора отвернули в сторону, волк ползком выбрался на дорогу, ведущую к дому. Пробежав пару километров и поняв, что погони нет, волк свернул в лес и уже спокойно потрусил к верховьям речки.

Впрочем, спокойствие скоро сошло на нет, поскольку хищник почувствовал, что совсем перестал различать запахи. Сколько бы ни фыркал, стараясь избавиться от ощущения постоянно щекочущей ноздри гари, ничего не получалось — он не чувствовал запахов. Никаких. Волк знал, что его кормят не только ноги, но и уникальный нюх, и теперь он его потерял. Как ему выжить, если перестанет различать, где добыча, а

где враг? Но его уныние продолжалось недолго: чем дальше уходил он в тайгу от людей, тем явственнее ощущал, что нюх к нему постепенно возвращается. Волк немного успокоился, но это было совсем не то обоняние, что было до происшествия. Видимо, так и будет, пока облепившая нежные, чувствительные обонятельные волоски жирная гарь окончательно не выветрится из волчьего носа.

Аарыма дал себе зарок: в присутствии двуногого соседа в его усадьбу не соваться. Не стоит рисковать лишней раз. Нынешние люди ездят на технике, шум которой слышен издалека, так что при желании всегда можно быть в курсе того, кто приехал к соседу или уехал от него. Также волк решил, что отдохнет, уединившись в верховьях своей речки, а заодно и поохотится на убежавшего от него одинокого оленя. Почему-то в эту ясную лунную ночь вечный друг волка небесное светило, казалось, смеялось над ним, а игривые мерцающие звезды в вышине были готовы пуститься в пляс, насмехаясь над ним и его мыслями. Аарыма вновь взгрустнул, вспомнив верную подругу, а сердце сжалось от неизбывной боли. Отбрасывая тень, похожую на обрубок толстого бревна, волк запрокинул лобастую голову к небу и начал вечную песнь о жизни и смерти, любви и печали, верности и расставании...

Огненный дождь

Как Аарыма и задумывал, он славно отдохнул в верховьях Большой речки. Между тем набрала силу весна. И все это время двуногие не беспокоили его, да и он не искал встречи с ними. Обоняние полностью не восстановилось, но здесь, в хорошо знакомых ему с детства местах, в родной тайге, он уж точно не упустит добычу, всегда узнает, кто и зачем приходил.

Сегодня волк собрался поохотиться на того самого оленя, за которым не стал гнаться в прошлый раз. Решив удостовериться в том, что добыча никуда не ушла, Аарыма сделал большой круг. Следы подтвердили его догадки — олень был на месте, в редколесном распадке с образующимся летом небольшим озерцом со стоячей водой. Определив направление ветра, волк добежал до нужной ему точки и выбрал самый короткий путь для скрадывания. Одно плохо — солнце окажется сбоку, но это охота, пусть и у оленя будет шанс на спасение, ведь у нападающей стороны всегда есть преимущество. Стараясь ступать очень тихо, вжавшись в землю между кочек, Аарыма начал подкрадываться к добыче, словно маленькая гибкая кошка. Время от времени он останавливался и замирал, чутко прислушиваясь ушами-треугольниками к обстановке. В такие моменты он становился похожим на музейное чучело. По предположениям волка, справа, где кончается высокий кочкарник, должно было быть то самое маленькое круглое озерцо с чистой прозрачной водой. Олень наверняка пасется рядом — там для него есть обильная пища.

Пока волк подкрадывался, вовсю начало светить весеннее солнышко. Значит, скоро прилетят утки, а вместе с ними придут двуногие, и он будет вынужден искать себе более тихое место для охоты.

Чуть дальше высокого болотистого кочкарника в озерцо вдавался узкий мыс, густо поросший тальником. По нему волк подошел вплотную к месту, где должен был находиться олень. Запахов было много, но серый охотник не сумел определить, какой из них самый свежий. Долго стоял, прислушиваясь и стараясь уловить и различить запахи. С тех пор как он надышался черного смрадного дыма, обоняние до конца так и не восстановилось. Но Аарыма надеялся, что загонит жертву в высокий кочкарник у озера и, тихонько подкравшись, завершит нападение стремительным броском. Только волк сдвинулся в очередной раз с места, как в тальнике на противоположной стороне зыбкой мари что-то мелькнуло. Все произошло, когда хищник находился напротив солнца, и он не сразу сумел разглядеть, что это было. Лишь мгновения спустя понял — это был олень, к которому он так долго и тщательно подкрадывался. От досады серый хищник стремглав бросился к добыче прямо через марь! Как назло, кочки действительно оказались высоченными, а между ними была вязкая болотная жижа: оступишься — и вовек оттуда не выберешься. Перепрыгивая с одной качающейся кочки на следующую, такую же ненадежную, Аарыма кое-как перебрался на другую сторону мари. Несколько раз чуть не упал в черную трясику кочкарника.

Волк, пройдя немного по следу вновь сбежавшей от него жертвы, был весьма удивлен тем, что та вскоре свернула с дороги на просеку, ведущую прямо к дому его двуногого соседа. «Что за бестолковый олень? — подумал Аарыма. — Ведь слева от просеки проходит прекрасная удобная ложбинка. Вместо того чтобы скрыться по ней, бедняга помчался прямо к дому двуногого!»

А еще волк размышлял о том, что если бы была жива его верная подруга, то они ни за что не упустили бы этого оленя. Уж она-то всегда безошибочно определяла, где сподручнее устроить засаду, чтобы никто не смог от них сбежать. Так и было всегда... «Ладно, охота продолжается, посмотрим, на чьей стороне будет сегодня удача», — подумал волк и направился к тому месту, где планировал перехватить оленя. А куда тот денется? Ведь рано или поздно все равно придется свернуть с просеки, не доходя до дома двуногого.

Просека проходила по южной стороне усадьбы, потом упиралась в озеро, из которого люди брали воду и где рыбачили, а за ним продолжалась. Волк должен был обойти озеро, чтобы перехватить жертву на заброшенном ётёхе* на другом берегу. Аарыма бежал уверенной рысцой, точно зная, где находится олень. Но что это? Серый от удивления чуть

* Ётёх — место, где ранее стоял дом, остатки заброшенной усадьбы, жилья. Поскольку предки народа саха раньше селились по принципу «один алаас — одна семья», ётёхи встречаются повсеместно.

не присел на все четыре лапы, когда увидел, что олень не свернул направо, а, наоборот, взял влево, в сторону человеческого жилья. Ну что ж, придется волку огибать озеро по правой стороне, чтобы избежать встречи с двуногими.

...Хозяин дома на пару с немолодым мужчиной, помогавшим ему зимой присматривать за лошадьми, перебирал рыболовную сеть. Они уже предвкушали, как наловят в ближайшем эбэ* вкуснейших свежих карасей. Ворота усадьбы были не закрыты. Табуны окончательно еще не перегнали на летние пастбища, вот и сейчас часть кобыл не отходила от жилья. Так обычно продолжается до начала весенней охоты, когда ближайшие озера и алаасы заполняют целые отряды с ружьями, а выстрелы гремят ночи напролет. Лошади не любят пальбу, и они тут же уходят на дальние пастбища. Вдруг громко и остервенело залаяла собака, которую на время ожереба кобыл на всякий случай привязали к цепи. Мужчины дружно повернули головы и, к своему изумлению, увидели, что прямо посередине двора, перебирая стройными ногами, на месте крутится не менее удивленный молодой самец оленя. Помощник хозяина усадьбы тут же, прихрамывая, сбегал за ружьем. И только в этот момент олень заметил открытую изгородь и поскакал на свободу. Мужчина проворно вскинул ружье, прицелился, но хозяин опустил ружья ствол.

— Не стреляй... Не видишь, бедняжка насмерть перепуган, бежит от чего-то или, скорее всего, от кого-то... Пусть живет, может, этот олень к нам на удачу забежал...

— И то верно. Иначе какой зверь в здравом уме к людям во двор придет? — согласился его невысокий товарищ.

Прихватив только что закипевший самовар, мужчины отправились на веранду пить чай. Хозяин дома сразу догадался, что забежавший к ним во двор олень — это неспроста, значит, где-то рядом его старый знакомый. «Ну ничего, есть для тебя у меня подарок, — подумал он. — Вот стемнеет, я тебе его и покажу. Повеселимся...»

Когда мужчины, выпив чаю, отправились к озеру ставить сеть, они внезапно услышали вой. Три коротких, но отчетливых волчьих сигнала донеслись с той стороны, куда ушел олень.

— Ох, неспроста воет волчара, упустил добычу! Понимаю, как ему досадно... Хе-хе-хе... Как говорится, на каждого быстроногого находится еще более быстроногий! — потирая руки и раскуривая сигарету, заключил невысокий человек.

Хозяин дома промолчал. Он-то сразу понял, что это был не скулеж от досады, а победный клич — тойук**. «Удача сегодня была не на

* Эбэ — бабушка. Так в народе саха уважительно называют озера, реки, алаасы, леса и другие значимые для жизни людей места.

** Тойук — национальная песня-импровизация народа саха, исполняемая в особо торжественных случаях.

стороне оленя, — рассуждал мужчина, пытаясь понять, как действовал его серый противник. — Получается, что олень пересек поляну по правой стороне и вышел прямо к озеру, где его и поджидал волк. Если бы он взял влево, то ушел бы к речке, где полно оленьих следов и запахов, и там бы оторвался от серого. Точно! Прими олень влево, он бы спасся, поскольку волк, остерегаясь нас, не успел бы на перехват. Ведь ему пришлось бы обогнуть озеро по гораздо большему кругу. Умен волчара, умен... Или просто повезло... Но ничего... Хорошо, что ты рядом и гоняться за тобой не надо. Вот наешься до отвала, а вечером мы с тобой и повеселимся...»

Весеннее солнце слепило глаза, но воздух был по-прежнему холоден.

Из тех сетей, что напарники перебрали, они взяли самую короткую и поставили на узенькой закраине — небольшой полоске чистой воды между льдом и берегом. Больше сеть и ставить-то негде. Закраина действительно узкая, в ней, наверное, могли бы поместиться лишь несколько поставленных в ряд лодок, но мужчины так хотели свежих карасей, что решили попытаться счастья даже на такой воде. На самом деле это уступка хозяина усадьбы помощнику, который, как только появилась полоска воды на озере, не переставал повторять: «Может, сети поставим? А вдруг поймает?» «А чем черт не шутит», — согласился хозяин.

Мужчины собирались проверить сеть вечером, а пока у них было полно дел. Захватив топоры и гвозди, а также большой моток проволоки, они отправились проверять и чинить изгородь.

Весна в этом году выдалась ранняя. Наверное, уже скоро появятся особо любимые народом саха утки — кряква, шилохвость и чирок-клоктун. Тогда все окрестные озера и алаасы и даже самые дальние охотничьи избушки заполнят и стар и млад — все, для кого весенняя охота — это особая страсть, священное действо, даже если ты, оторвавшись от малой родины, всю жизнь прожил в городе. Они ждут его весь год, вспоминая долгими зимними вечерами былые перипетии, ибо какая охота без приключений?

Аарыма, как и предположил его двуногий сосед, подловил молодого самца оленя именно там, где и рассчитывал. Честно говоря, ему откровенно повезло: на счастье серого охотника, добыча сама выскочила прямо на него. Олень, как только ушел от людей, в несколько прыжков преодолел небольшую поляну. Вышел на заброшенный ётёх и только ступил на знакомую просеку, как перед ним словно из-под земли возник волк. Молодой самец от неожиданности и испуга прыгнул в сторону крохотного озерца и оказался в кочкарнике. Пока он спотыкался между кочками, волк настиг его и одним движением острых как бритва зубов рассек оленю пах. Оттуда сразу вывалились внутренности. Олень, наступая на собственные кишки, сделал по инерции еще несколько шагов, и в это время волк вцепился смертельной хваткой в его горло. Все было кончено. Первым делом хищник вдоволь напился теплой крови, а

потом, чуть посидев, трижды издал победный вой, который и услышали его двуногий сосед с напарником. Аарыма имел привычку издавать подобный клич, когда добыча была честной, а не мясом падали или сворованной живности двуногих. Успокоившись, волк впился зубами в нежную брыжейку. Пир начался.

Волк ел не спеша. Основательно и с перерывами. Только теперь он почувствовал, как утомился за последние дни. Во время очередного отдыха отошел немного в сторону и прилег, положив голову на лапы и наблюдая за тем, что происходит вокруг. В предвкушении угощения начали слетаться вездесущие крылатые санитары леса — вороны, почти мгновенно узнавшие об удачной охоте серого хищника. И только местный старый лис, также ожидавший своей очереди к лесному столу, следил за волком на почтительном расстоянии.

Вечером набежали облака, так что стемнело рано. Волк хоть и знал, что место лесного «застолья» уж слишком близко к усадьбе двуногого, не удержался и в несколько подходов набил себе полное брюхо, так что ноги не держали его. И теперь в сытой неге лежал, высунув язык и прислушиваясь к звукам. Вдруг шумы, доносившиеся со стороны дома двуногого соседа, начали усиливаться, приближаясь к нему. Но в такой темноте ему не стоит особо бояться, решил слегка удивленный ночной активностью двуногих волк и спокойно продолжил слушать, что будет дальше. Однако возникшая тревога никуда не делась, и, хотя сытость была так приятна и никуда не хотелось идти, серый привстал, чтобы потихонечку убраться отсюда подальше. Вдруг прямо над головой Аарымы раздался сумасшедший треск и грохот, как будто небо расколосось пополам, все кругом заискрилось сполохами ослепительно яркого света, и начался огненный дождь. Волк, ничего не успев понять, мгновенно вскочил и дико завертелся на месте. Только потом, чуть опомнившись, он устремился в глубь леса. Он бежал, а сзади продолжался адский грохот и огненное светопреставление. Время от времени цветные искры, казалось, сыпались прямо на него. Сердце, только что лениво бившееся после теплой сытной еды, теперь металось, как попавшийся в силки снегирь. Еще немного, и оно бы выскочило из волчьей пасти.

Аарыма выбежал на просеку и что было силы пустился прочь.

Незадолго до этих событий мужчины, которым Баай Барыылаах Байанай выделил-таки толику свежих карасей, собрались распробовать первый улов. В предвкушении свежей ухи мужчины много говорили, шутили. Хозяин усадьбы сегодняшним днем был доволен — они с помощником славно поработали, прошли с десятков километров изгороди, да и Байанай не обделил. После ужина хозяин принес пакет, полный разной пиротехники.

— У нас сегодня какой-то праздник? Хе-хе-хе... Сколько же тут салютов! И когда их будем запускать? — оживился пожилой мужчина.

— Сегодня. Как только стемнеет, пойдем и поздравим нашего серого друга, — ответил владелец дома.

Невысокий мужчина, хотя ничего толком и не понял, радостно закивал головой. Это были те самые фейерверки, которые обычно запускают в новогоднюю ночь и которые чуть не разорвали сегодня сердце Аарымы. Их хозяину усадьбы некогда подарил друг, а он нашел им вот такое неожиданное применение.

...Прошло несколько дней. Волк, перепугавшийся в памятную ночь светопреставления, уже успокоился, но возле двора бывшего соседа больше не появлялся. Он наведывался лишь в самый дальний от усадьбы двуногого алаас. Человек, конечно, был рад-радешенек, что прогнал матерого хищника простыми фейерверками, но они оба не знали, что на этом их противостояние еще не закончилось.

Встреча

Настали дни, когда весеннее солнышко светит напропалую и человеку совсем не хочется заходить обратно в уютный, но все-таки слегка поднадоевший за долгую зиму дом. Уже давно растаял снег, осевший толстым слоем в лесу на ветвях деревьев, улетучился и снег, лежавший на южных и северных косогорах, сохранился он лишь небольшими островками на дальних таежных перевалах. Там хоть и журчат ручьи и талая вода залила все кругом, но грунт по-прежнему остается мерзлым. В это время — перед началом массовой весенней охоты на уток, когда лошади пугаются дружной ружейной пальбы, — коневоды стараются успеть обновить табуны, распределить кобыл к жокакам, оформить окончательные списки и проставить клейма.

Выяснилось, что у двуногого соседа Аарымы не хватает одного косяка во главе с молодым жеребцом. На поиски табуна, место тебенёвки которого находилось в верховьях Большой речки, отправились на тракторе.

Природа проснулась от зимней спячки, и одно удовольствие было наблюдать за ее чудесным преображением. На небольших озерцах гуляли волны, заманивая первых перелетных птиц, — охотники обожают такие водоемы. В середине больших и глубоких озер лед еще и не думал таять, но закраины были уже достаточно широки, чтобы привлечь к себе уток. По пути постоянно встречались чибисы, появившиеся в этих краях не так давно, и вездесущие бекасы испуганно взлетали буквально из-под ног, издавая ни на что не похожий вибрирующий звук.

...Мужчины к последнему искомому алаасу добрались довольно быстро, аккуратно в полдень. Солнце стояло в зените у них прямо за спиной.

В это же самое время, пройдя только ему ведомыми тропами, в алаас заглянул Аарыма. Никакого определенного плана у волка не было, но какая-то неведомая сила именно сегодня заставила его ступить на

заброшенное стойбище с одиноко растущей старой сосной. Раньше здесь было два отдельных озера, но со временем они слились в одно, растянувшееся вдоль всего восточного края алааса. Озеро было продолговатое и полноводное. Южная его оконечность упиралась в оторочку густого ельника, а с западной и северной стороны оно было окружено редколесьем из деревьев разных пород. На севере и юге обширного алааса возвышались небольшие холмы с остатками старых ётёхов. Лед в озере уже растаял, сохранился лишь в центре двух бывших стариц, где самые глубокие места. Прохладный весенний ветерок нежно пологал гладь озера, и солнечные лучи плясали на воде мириадами ярких бликов.

По заброшенному за ненадобностью оросительному каналу Аарыма пробрался к одному из ётёхов. Будто проверяя свой нюх, он с удовольствием вдыхал запах первой зеленой травки нового года. На холме гулял легкий ветерок, и волк улегся в тени старой ивы. Вдали послышался шум трактора. Судя по звуку, железная повозка — так волк воспринимал любую технику — двигалась с юго-востока прямо в сторону Матерого по лесной возвышенности, разделяющей несколько алаасов, озер и речек. Техника приблизилась, всюду рассыпалось дробное эхо, и стало непонятно, в каком месте трактор заедет в алаас. Доселе переменчивый ветерок превратился в довольно сильный южный ветер, затихающий лишь временами. Аарыма, пытаясь разглядеть противоположный берег, то вставал, то садился, но ему мешали танцующие на озере солнечные блики.

Дорога, по которой в этот самый дальний и большой алаас обычно приезжали табунщики и редкие охотники, уперлась в воду — зимой действительно было много снега. Делать нечего, мужчины остановили трактор у лесной опушки и слезли с него. Двуногий сосед Аарымы взял ружье и, достав бинокль, пристроился на небольшом пригорке у развесистой ивы. Он внимательно рассматривал берега озера, холмы, рощицы скромных березок, напоминающие сгрудившихся в круг девушек. Открывшаяся ему после долгой езды по тайге панорама — простор, залитый ярким весенним солнцем от края и до края, — будоражила душу, заставляла учащенно биться сердце. Было в этой картине что-то родное и бесконечно дорогое. Мужчина вздохнул. Конечно, бинокль он захватил не для того, чтобы любоваться пейзажами, а в надежде поскорее обнаружить запропастившийся табун. Вдруг на одном из холмов у большой ивы он заметил какое-то движение. Ему показалось, что это была чья-то голова с торчащими ушами. Кто это? Пока поправлял бинокль, зверь встал. Человек увидел, что это тот самый матерый волк, который нынешней зимой обложил его табуны и его усадьбу. Сейчас огромный хищник смотрел прямо в его сторону.

Аарыма, изучающий лес на другом конце алааса, вдруг заметил, что чуть выше привычных солнечных бликов на озере что-то сверкнуло. Он насторожился и внимательно вгляделся. О-о, это был его двуногий

сосед, смотревший с того берега прямо на него! И волк сам не понял, почему по спине пробежал неприятный холодок.

...Прилетевшие с других озер чайки вперемишку с местной стаей таких же шумных беспокойных товарок устроили базарный гомон. Это озеро богато рыбой, хватит всем, но птицам лишь бы пошуметь. Вдруг мирную картину разорвал выстрел, эхо которого, казалось, мигом облетело алаас, дошло до самой его глубины и пропало где-то в лесу. Наступила непривычная тишина. Замолкли даже только что кричавшие на озере чайки. Лишь слышно было, как по-прежнему у опушки леса тарыхтит трактор и где-то в поднебесье заливается какая-то птаха...

Глава вторая

Дитя природы

Бывает в пору притихших в золотом убранстве осенних дней время, когда миновавшее жаркое лето, сдиравшее кожу одним лишь знойным дыханием, напоминает о себе вновь воссиявшим ярким солнцем. Лето дарит на прощание ревниво оберегаемые от сестрицы-осени щедрые на тепло деньки, когда благодатное светило уже не обжигает, а только ласкает и обнимает тебя прощальной нежностью. В такие заполненные негой дни кажется, что скоро вновь наступят белые ночи, когда совы, перепутавшие время суток, перестают летать. Бабье лето — а это оно и есть — расчистило лазоревый купол неба до самой его неимоверной выси и пустило призрачное дрожащее марево резвиться по алаасам, по пригоркам, по лесам.

Над голубыми чашами озер, словно разорванные после дождя клочья темных облаков, висят стаи не так давно ставших на крыло молодых осенних уток. У них уже накачанный жиром пух, но маховые перья держат еще не так уверенно. Когда они дружно взлетают, то возникает ощущение, что кто-то очень большой и добрый начал взбивать озеро мутовкой, готовя гигантский кёрчях*. Это ни с чем не сравнимое, восхитительное переживание: в утренней легкой дымке, когда с озера тянет свежестью и по-особенному пахнет тиной, ты сначала слышишь кряканье невидимых уток, а потом видишь, как, будоража душу и сердце, по чьей-то невидимой команде в воздух разом поднимаются сотни птиц, сверкая в солнечных лучах новыми чистенькими перьями.

Легкий ветерок, рассказывая свою бесконечную сказку, гулял по золотому царству алааса. Трогательно трепещи и беззвучно кружась, на землю падал желтый лист. Нет, он был не одинок. Вскоре рядом с

* Кёрчях — взбитые мутовкой сливки, якутское национальное лакомство.

ним безмолвно ложился другой такой же лист. Глядя на тихий листопад, осторожно ступавший по земле Аарыма вспоминал детство, которое, как казалось ему, было бесконечно счастливым. Воспоминания представляли словно живые, проносились перед глазами яркими волшебными картинками.

Этот алаас нравился ему с детства. Двуногие в здешних местах появлялись редко, так что маленьким волчатам можно было резвиться от души. Осенью, бывало, тут никого из людей не встретишь — сенокосчики уже вернулись в села, а для любителей пострелять уток еще рановато. Серьезные охотники появлялись совсем поздно. Мать любила приводить сюда выводок именно в это время года. Волчата с удовольствием гоняли зайцев, добывали припозднившихся утят, а также давали жару местным лисам и лисятам, которых им приносила волчица. Маленькие хищники смешно кусали их, душили так, что стоял истошный лисий вопль, но мать никогда не позволяла им добывать жертву. «В лесу должно быть всякое зверье, — внушала она своим деткам. — Нельзя истреблять все подчистую, мы живы лишь потому, что есть они. Подумайте, что будет, если вы загоните и убьете всех оленей. Чем будете питаться на следующий год? Надо добывать только то, что нужно для еды, — это закон природы, и его надо всегда соблюдать. А если вы нарушите его, то в лесу пропадет любая живность — и жучки, и птички, и зайцы, и олени, даже деревья здоровые перестанут расти. Так что никогда не берите сверх меры того, что растет, бегаёт и летает в вашем лесу. Берите только то, что вам нужно сегодня».

Урок матери наш волчонок впитал вместе с ее молоком.

Аарыма, вспомнивший детство, с удовольствием повалялся на нежно-зеленой отаве на поляне, окаймленной лесом в золотом осеннем убранстве. Чуть поодаль, на восточной стороне алааса, волк заметил местного лиса, деловито снующего между кочек. Поддавшись игривому настроению, хотел было позабавиться с ним, заставив убежать с громким и тонким тьявканьем, но потом сдержал свой порыв. Только сейчас Аарыма рассмотрел, что лис уже далеко не молод, шерсть его приобрела местами серовато-бурый цвет, ну точь-в-точь сиводушка. «Постарел братец», — промелькнуло в голове волка. А ведь кажется, что лишь совсем недавно солнечные лучи переливались золотом на ярко-рыжей шубке. Да и сам волк не становился моложе, с годами и его шерсть приобрела почти пепельный окрас. Одно лишь утешение, что он уже при рождении был светлее остальных братьев и сестер и в этом был похож на мать. Та была такого же белесого окраса, с едва заметной темной полосой вдоль хребта. И конечно, седых подпалин ему прибавила и неизбывная тоска по верной подруге...

Раздумья волка прервал шум трактора и лай собаки вдали. Он внимательно прислушался. «Домой возвращаются, — догадался Аарыма. — Скоро остановят дышащую смрадом железную повозку и пойдут пешком. А этот белый пес, облаивающий все подряд, совсем ничего не

замечает. Даже того, что буквально перед его носом. И самое забавное, что, почуяв запах Матерого, тут же пускается по следам, будто может догнать и схватить. Интересно, а его мать, которая помесь собаки и волка, с ними? Может быть... Все-таки кровь дает о себе знать, и умная собака по пустякам не лает».

Пропадавший все лето в верховьях благодатной Большой речки, Аарыма лишь сегодня посетил на короткое время алаас детства и был счастлив, вволю надышавшись воздухом родной стороны...

Но волку надо было уходить — охота и рыбалка двуногих в этих местах не скоро закончатся, а затем появятся охотники и на крупного зверя. Правда, те будут больше по речкам и распадкам промышлять, но все равно до снега, который уже не растает и не сойдет с алаасов до самой весны, Матерому тут делать нечего. Он решил схорониться в густом мыске лесистой возвышенности у истоков небольшой речушки. Оттуда и будет совершать вылазки. Волк знал, что двуногие страсть как не любят пробираться по чащобам и буреломам и всегда обходят такие места стороной. Такие мысли крутились в голове Аарымы, пока не пришла другая — он решил заглянуть в алаас с никогда не пересыхающим летом глубоким озером, где в минувшем году стая чужаков задрала кобылу его двуногого соседа. Серый ступил в лес и тут же растворился среди деревьев, будто и не было его. И лишь оставленный им запах подскажет собакам, что тут недавно проходил матерый хищник.

Встреча с медведицей

Подойдя к нужному ему пастбищу, волк решил обогнуть его с восточной стороны. Но не успел он пробежать и пару сотен метров по ближайшему к алаасу перелеску, как ему в нос ударил резкий запах тухлятины. Тяжелый запах исходил от густых зарослей елей вперемежку с лиственницами. Аарыма осторожно обежал чащобу и зашел с другой стороны. Как он и предполагал, это были остатки добычи косолапого, точнее, косолапой хозяйки тайги, которая, по своему обыкновению, прикопала в землю то, что не доела. Останки, как установил волк, принадлежали позднему жеребенку. Несмотря на то, что медведица завалила обеды дерном и мхом, уже успевшее протухнуть на жару мясо издавало специфический аромат.

Аарыма хорошо знал эту медведицу, которая водит за собою медвежонка. Еще в совсем юном возрасте она поселилась в этих краях. Первое лето провела рядом с алаасом, где жили двуногие. Далеко не уходила. Не раз волк видел забавную картину: уже достаточно взрослая медведица, забравшись на копну сена, вдыхает в полудреме запах еды, которую готовят двуногие. Забавная история случилась с ней и когда пришло время отметить территорию. Медведица не содрала кору со ствола заметного дерева, как другие, а оставила кучу помета опять же на стоге сена. С тех пор она и являлась косолапой хозяйкой этих мест.

Чем старше она становилась, тем больше портился ее нрав. Хорошо изучив повадки двуногих, хитрая медведица не вступала с ними в открытый конфликт, в усадьбу не лезла и всячески избегала встречи. Однажды на пригорке недалеко от ётёха, где сегодня Аарыма, вспоминая детство, нежилась на зеленой отаве, огромный самец оставил метку на дереве. Медведица также отметилась. На следующий год у нее появились медвежонок. Став матерью, она завела дурную привычку убивать по весне только что родившихся жеребят, а осенью показывала своему отпрыску, как надо заваливать кобыл. Двуногие, конечно, все эти нападения на домашнюю живность приписывали волку и мечтали добыть его.

«Тот жеребенок, что я задрал нынче весной, не в счет — это было в отместку за кровь убитой подруги», — мысленно проговорил волк. Эх, откуда было серому знать, что настоящие убийцы, как и чужая стая волков, в этих краях были лишь временщиками и больше их здесь он вряд ли увидит.

Выйдя из чащобы, где лежали останки жеребенка, волк собрался было идти в свою сторону, когда его уши уловили непривычный для лесной жизни шум. Он удивленно остановился. Аарыма тоньше, чем другие звери, воспринимал звуки родного леса. Они складывались для него в гармоничную музыку, в которой ему была знакома любая нота. В том числе и та, которая выбивается из общего ряда. Вот и сейчас услышанный им шум был сторонним и нехарактерным для тихого осеннего дня. Вскоре волк определил, что не сулящие ничего хорошего звуки доносятся с заброшенных пашен, расположенных в северной стороне алааса. Неслышно ступая по мягкому мху, он пересек еще не сбросивший хвою небольшой лиственничный лес, прошел мимо вечно влажных полян с родниковой водой и попал на самую зрелищную часть лесного представления. Оказалось, что это медведица с таким шумом гоняет взад-вперед табун лошадей. Волк еще больше удивился: «Что это с ней? Могла бы давно схватить любую кобылу... Наверное, медвежонка учит...»

Волк решил подойти еще ближе. Прильнув к стволам деревьев и буквально слившись с ними, беззвучно ступая по усеянной желтыми листьями земле, он двинулся дальше. На его счастье, ельник закончился и потому не было вездесущих дроздов, которые своей трескотней могли бы выдать его присутствие.

Подкравшись со стороны леса к краю заброшенной пашни, Аарыма наконец-то разглядел в деталях, что происходит. Оказывается, он правильно предположил — весь шум из-за того, что бурая хозяйка тайги учит медвежонка охотиться. Малыша волк заметил сразу. Медвежонок из последнего помета косолапой, более темного, чем мать, окраса, затаился у основания ствола растущей на опушке могучей раскидистой лиственницы. Но ребенок есть ребенок, и он от любопытства часто высовывался и вставал чуть ли не во весь рост. Затем прятался вновь. Не удивительно, что дети Джёсёгея заметили его давно. И как только косолапая пыталась направить косяк кобыл к малышу, сидящему в

засаде, табун стремительно уходил вдоль озера в другую сторону. На взгляд Аарымы, темно-рыжий молодой вожак ловко управлялся со своим стадом. Это был типичный жеребец якутской породы — невысокого роста, но массивный и крепкий, с короткой толстой шеей и большой головой. Его запотевшая и отдающая медью шерсть блестела в лучах уже начавшего склоняться к вершишкам деревьев солнца, а густая, соломенного цвета грива разметалась во все стороны. Ему во всем помогала бежавшая впереди косяка саврасая кобыла. Она года на два младше вожака, но росла вместе с ним и потому понимала каждое его намерение. Вслед за саврасой поворачивали в нужную сторону и молодые кобылы, и табун дружно уходил от загонщицы. И в этот раз косяк, поднимая копытами серебристые фонтаны на озерном мелководье, стремительно исчез за опушкой леса на другой стороне алааса. Бурая хозяйка тайги взревела от досады и так мощно хлопнула лапами, что дрожь земли ощутил и Аарыма. Волк от неожиданности чуть дернулся, но разозлившаяся на не вовремя высунувшегося медвежонка мать не заметила его. Косолапая расчиховалась не на шутку и решила во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Выглядевшая в лучах склонившегося еще ниже солнца бурым мохнатым мячом, она в несколько огромных прыжков закатилась в лес.

Серый с косолапым хоть и живут в одном лесу, но всегда сторонятся друг друга, по одной тропке не ходят, враждуют. Так было испокон веков. Аарыма, который в этом вопросе не был исключением, почувствовал какое-то особое озлобление на своего кровного врага. И дело вовсе не в том, что медведица решила задрать сегодня кобылу. У волка вскипела кровь оттого, что косолапая преступила законы тайги и, вместо того чтобы искать добычу в лесу, жирует на домашнем скоте двуногих и к этому же приучает своего ребенка. Она не думала о завтрашнем дне, о том, что настраивает людей против лесных зверей. Не этому его учили мать-волчица и верная подруга. Нельзя зверю ссориться с двуногими. Аарыма чтит законы тайги и лишь недавно увидел, как стая пришлых волков питается мясом кобыл. Их, конечно, не оправдывало то, что они убивали домашний скот прежде чем двинуться в дальний изнурительный переход или перед забирающим много сил гоном. Когда Аарыма следил за чужой стаей, он и сам распробовал это мясо. Но то были чужие остатки, а не его жертвы. Впрочем, какими бы ни были его мотивы, волк вознамерился вмешаться в происходящее и подсобить двуногому соседу, не поднявшему на него ружье.

Земля загудела от топота множества копыт. Показался скачущий прямо в сторону волка косяк во главе с саврасой кобылой. Медведица тоже неплохо знала эти места и, помчавшись через лесистую возвышенность наперерез табуну, догнала его и пустила обратно. В приближающихся сумерках мокрая от пота шерсть кобыл потемнела, и казалось, что дети Джёсёгея надвигаются сплошной черной лавой. Темно-рыжий

вожак с разметавшейся густой светлой гривой скакал во весь опор отдельно, вдоль берега. «Значит, и сама косолапая бежит вдоль озера, — подумал волк. — Верное решение приняла, теперь им никуда от нее не деться».

Солнце, собравшееся было уйти за горизонт, зацепилось за ветви деревьев, чтобы досмотреть до конца таежный переполах.

Длинный узкий холм, по которому несется-стелется табун, проходит через старый ётёх и далее тянется вдоль всей северной оконечности алааса. Слева от холма расплескалось озеро и разбросаны небольшие островки леса, справа — заболоченное русло речушки с глубокими топкими местами. Как только косяк проскачет холм до конца, ему ничего не останется, как пробежать мимо могучей раскидистой лиственницы. И вот тогда бурая хозяйка леса зацепит одну из лошадей и научит медвежонка добивать жертву.

Аарыма, оскалив зубы и демонстративно громко зарычав, помчался к затаившемуся под могучей лиственницей малышу. Медведица-мать, конечно, не могла не увидеть и не услышать этого. Она дико взревела и пулей вылетела из глубоко вклинившегося в открытый алаас густого леса. Теперь она была похожа на большой кожаный мешок, который кто-то изо всей силы бросает на ковер из желтых листьев. Во время небольшого переполаха, возникшего в косяке, сивая кобыла-двухлетка, сама того не понимая, выскочила вперед и оказалась на пути медведицы. Зверь несся на защиту своего ребенка и отмахнулся от кобылы, как от надоедливой мухи, отчего та отлетела в сторону. «Пора», — подумал следивший за бурой хозяйкой леса волк и побежал обратно. Медведица резко осадилась, развернулась в мгновение ока и пустилась в погоню за волком. Надо сказать, что косолапые лишь кажутся неуклюжими — их силе, ловкости и быстроте могут позавидовать многие животные. Волку показалось, что страшное дыхание медведицы раздается прямо над его головой и она вот-вот прыгнет на него. От его недавней осторожной поступи не осталось и следа, серый бежал что есть мочи. Хорошо, что лес был совсем рядом, и волк юркнул в спасительную чащу, в густые заросли ивняка. Бурая хозяйка леса, ломавшая в ярости ветви и двигавшаяся напролом, постепенно начала отставать. Аарыма перешел на спокойную рысцу. Сейчас, как он полагал, медведица-мать осознает, что в густой чащобе ей волка не догнать и она должна вернуться к малышу. Ведь ей неизвестно, сколько всего волков тут собралось.

Когда, чуть успокоившись и отдышавшись, волк припал к воде, со стороны опушки, за которой на старом ётёхе укрывался табун, появились кобылы. Они безостановочно фыркали, мотали головами и, похоже, волка совсем не замечали. Подойдя к большой луже, которая образовалась на ведущей к жилью двуногого дороге, кобылы замедлили ход. Матерому это не понравилось, ему хотелось, чтобы лошади поскорее убрались отсюда. Он с рычанием выскочил прямо на них. Табун,

разбрызгивая во все стороны теплую воду, умчался к алаасу владельца. Была среди них и отмеченная бурой хозяйкой леса кобыла. Отчетливый след медвежьей лапы на ее бедре невозможно было перепутать ни с чем. Ободранная кожа болталась, и всю сочилась кровь.

С чувством исполненного долга Аарыма покинул алаас по руслу старого пересохшего канала. Пробегая мимо ётёха, где совсем недавно проходили кобылы, волк почувствовал, как защекотало в ноздрях от висящего в воздухе терпкого запаха лошадиной мочи и пота. Именно здесь весной в последний раз волк встретился со своим двуногим соседом, с которым долгие годы жил в ладу. Наверное, в душе у того тоже что-то екнуло, и поэтому он не стал стрелять в Аарыму, а просто пальнул в воздух. Он как будто предупредил его. Волк этот сигнал уловил и теперь обходил усадьбу и табуны соседа стороной.

Матерый размышлял о том, как незаметно пробраться в свое укромное логово в густом мыске лесистой возвышенности, какой сделать крюк, чтобы запутать следы. Перед тем как исчезнуть в лесу, остановился у опушки. Прислушался. Принюхался. Вроде все спокойно. Лишь одно удивило его: вместо привычного алого заката солнце садилось за горизонт, сверкая как днем.

Еще мгновение, и волк шагнул под полог родного леса. Дитя природы, волк каждый раз демонстрировал свою способность растворяться, исчезать в ней, как будто его и не было. Он соблюдал законы тайги, и тайга защищала его...

Тревожная зимовка

Наступила зима. Землю укутал толстый слой снега, который теперь будет только нарастать. Утомительные ночи становились все длиннее, дни — короче, солнце поблекло, и в окутавшем землю тумане едва виднелся его белый лик. Все вокруг замерло — и земля, и небо. Все живое с бегущей по жилам горячей кровью погрузилось в долгий дремотный сон в надежде благополучно пережить истощающие силы, изнурительные дни. Зима уже показала свой суровый нрав, заставив трещать от холода деревья в опустевшей тайге. Ее серебряный хлыст, несущий жестокие морозы, просвистел над лесами и алаасами, заковал реки и озера в ледяной панцирь — на их замерзшей глади, если повезет, можно услышать нежный хрустальный звон снежинок. Взвихрились свирепые бураны, взметая снежную пыль до самого неба, а выпавшие тяжелые хлопья склонили ветви деревьев до самой земли. В морозной тишине, укрывшись белой шубой, громадная кряжистая лиственница прервала до весны свой вечный тойук. Поникла и милая березовая роща, даже во сне тоскующая о лете, о неумолкающем зеленом шуме...

И без того густая светлая шерсть Аарымы к зиме стала еще гуще и длиннее. Осенью на южном стыке своей территории с владениями

другой стаи он обнаружил тушу старой кобылы, неудачно ступившей на голый лед и, не в силах встать, там же околевшей. Волк подъял ее подчистую и начало зимы встретил сытым, с хорошим запасом жира и потому не обращающим внимания на первые крепкие морозы. До больших холодов накопивший силы хищник еще удачно поохотился. Хотя его шкура поседела и почти сравнялась белизной со снежной крупой, волк знал, что сила и выносливость скоро ему понадобятся. Время от времени он обходил владения — приноживался, приглядывался, выяснял, что случилось, кто пришел-ушел. После приключения с бурой хозяйкой леса он частенько заглядывал на участки двуногого соседа, чтобы проверить, всё ли там в порядке. «Нынче чужаки что-то припозднились, — размышлял серый, направляясь в сторону усадьбы двуногого. — А то, помнится, в прошлом году здесь появилась большая стая, натворившая немало бед. Да, припозднились чужаки... Значит, в этом году гон будет в другом месте...»

Лошади двуногого подошли на кормежку. Хозяева уже давно переехали на зимовье, и из печной трубы вился легкий дым. Еще не приблизившись к усадьбе, волк уловил аромат вареного мяса, приятно щекотавший ноздри. «Какой только едой не питаются двуногие!» — всегда удивлялся он. Когда собаки не было, волк иногда почти вплотную подходил к дому, и он начал уже немного разбираться в том, что и как готовят люди. Он еще в нежном возрасте задавал матери вопрос, почему двуногие едят только вареное мясо и почему им не нравится свежая и сочная, с кровью, плоть. Волчица отвечала мудро и просто: мир двуногих устроен так. Но главное, мать объяснила ему в детстве, как вести себя с огнем, прирученным людьми для домашнего очага, однако в лесу становившимся страшным злом, уничтожающим все на своем пути.

Также волк учуял на расстоянии, что хозяйская собака на месте. Это была небольшая, размером с прошлогоднего волчонка, сука. Лающего без толку белого пса не было. Все тихо и спокойно. Можно идти дальше. И Аарыма направился к останкам недавней добычи. Внезапно он наткнулся на следы волков, ведущие на юг от усадьбы двуногого. Судя по тому, как хищники пересекли территорию Аарымы — цепочкой, след в след, и даже не отвлеклись на запах кобыл, — у них была какая-то другая важная цель. Волк в раздумье побежал дальше. Недалеко от большой дороги хищник вышел на свой же след, оставленный им, когда он погнался несколько дней назад за пятью оленями. Других волчьих следов нет. Значит, стая пересекла его территорию и целенаправленно ушла куда-то на юг. Что бы это значило? В тот раз из пятерых оленей ему удалось отсечь одну оленуху и загнать ее в чащобу. Плотно пообедав, оставшуюся часть туши Матерый спрятал в укромном месте и теперь отправился туда. Кроме того, волк был уверен, что прочие олени не ушли далеко, а пасутся в богатом ягелем и ягодами распадке. Там летом вдоль длинного лесного увала протекает небольшая речка.

Вскоре волк набрел на след трех лосей. Они тоже вели на юг. «Так вот, оказывается, зачем пришли чужаки — они преследовали сохатых», — догадался Аарыма. Было видно, что волки двигались осторожно, с подветренной стороны и на приличном отдалении от лосей, чтобы добыча не почувствовала их запаха. Впрочем, это не составляло особого труда — треск ломаемых тремя лесными великанами промерзших ветвей был слышен издалека. Чувствовалось, что хищники преследовали добычу давно — впереди идущие волки, чтобы не изматываться, время от времени менялись местами с шедшими позади. След такой пересменки Аарыма заметил на краю большого поля с глубокой снежной целиной. Волки всегда точно рассчитывают, когда наступает верный момент для нападения, и потому не торопились с заключительной атакой — всему свое время. Это, видимо, были хищники, привыкшие охотиться в пойме речушек. Подойдя к густому ивняку, растущему вдоль водоемов, стая отправляла на разведку одного волка и только потом решала, куда двигаться дальше. Следы говорили о том, что лоси иногда останавливались, чтобы полакомиться ивовым лубом, значит, о погоне они не догадывались и чувствовали себя спокойно.

Аарыма вспомнил об утраченной подруге, и мучительные мысли вновь начали терзать его душу. «Эх, если бы Волчица была рядом со мной, то мы бы ни за что не прошли мимо лосиных следов, а устроили бы на сохатых засаду», — с тоской подумал волк. А стая чужаков поохотилась бы вместе с ними или вовсе повернула обратно в свои края. То ли полнолуние подействовало, то ли воспоминания всколыхнули душу, но волк сел и запрокинул лобастую голову, чтобы излить свою печаль в песне. Однако в последний момент одернул себя — нельзя преступать законы тайги, нельзя мешать тому, кто охотится сейчас. Он помнил и чтит эти заповеди таежной жизни. Его серых сородичей тоже кормят ноги, они честно охотятся за своей добычей. «Пусть Байанай улыбнется им...» — подумал волк и направился туда, куда и шел изначально. Он сначала утолит голод, а потом, как и планировал, отправится на поиски тех самых четырех оставшихся оленей. «Хорошо бы на этой стороне Большой речки настичь их, погонять по глубокому снегу, чтобы быстрее выбились из сил...» — мечтал волк.

Из-за того, что остатки туши, да и сами олени находились по ту сторону дороги, по которой ездят железные повозки, волк был вынужден неоднократно переходить трассу. Уже привыкший к этому, он никогда не пересекал ее где ему вздумается, а пользовался следами лошадей. Звук железных повозок слышен издалека, и потому волк был уверен, что каждый раз вовремя прятался и его тут никто не видел.

Подходя к предполагаемому месту стоянки четырех оленей, волк принял чуть правее, чтобы ветер дул в нужном ему направлении, и сразу же наткнулся на след других серых хищников. Их было четверо. Они хоть и прошли еще вчера, но в неподвижном морозном воздухе запах чужаков отчетливо чувствовался до сих пор. Аарыма невольно ощерился,

узнав их, — это были волки из стаи, наделавшей здесь в прошлом году много бед. Он тут же решил проследить за ними. Что до оленей — если они находятся в том самом распадке с хорошим ягельником, то будут пасть еще долго. Если они не двинутся дальше к северу, то их там никто не найдет. А сейчас для Аарымы наступила решающая пора, которой он ждал и к которой исподволь готовился. Пробил час стремительной погони и такого же быстрого отхода; момент, когда надо догонять и нападать, драться и защищаться; время, когда надо забыть о еде, отдыхе и сне. Он будет следовать за чужаками по пятам и сделает все, чтобы они не остались в этих краях.

...Аарыма нагнал волков недалеко от лесной возвышенности, где в прошлом году их многочисленную стаю обложили двуногие и добыли одного хищника. В этот раз они проследовали мимо. В пылу погони Матерый не заметил, что волки разделились на две пары, и угодил в западню. Поняв, хоть и с опозданием, свою оплошность, он резко прыгнул вправо, стремясь уйти через большую дорогу. Вместе с ним прыгнул и один из чужаков, поджидавших его в засаде. Местный волк увернулся от него чуть ли не в воздухе. Аарыма схватил нападавшего за первое, что оказалось рядом с его клыками, и мотнул лобастой головой по направлению прыжка. Не ожидавший этого волк перекувыркнулся в воздухе и пролетел по инерции дальше. Второго волка, так же стремительно бросившегося на него, Аарыма встретил уже на ногах. Легко уклонившись в сторону, хотел вцепиться чужаку в горло, но тот оказался проворным и сильным противником. Хищник вовремя успел отвернуть уязвимое горло и подставил область ключицы с густым мехом и подшерстком. Пока Аарыма сплевывал вырванный клочок густой шерсти, напавший первым молодой волк встал, но побоялся наброситься сразу. Его нерешительность позволила Аарыме избежать жестокой схватки, которую могли бы устроить два смелых волка. Но этот, первый, оказался трусоватым напарником. В этот момент послышалось разгоряченное дыхание другой пары волков, а это уже серьезная сила. Одновременно против четверых чужаков местный волк выстоять не мог. Оскалив зубы, он бросился на показавшего нерешительность волка, и тот отпрыгнул в сторону. Аарыма не стал с ним возиться, а сразу пустился бежать. И как раз вовремя — подскочивший сильный чужак из первой пары едва не вцепился зубами в его подколенный сустав, что сразу бы решило исход схватки.

Углубившись в густой лес, Аарыма повернул вправо. Преследователи отстали. Пробежав немного в сторону логова, волк взял влево и, пугая след, пошел делать круг. Эта земля, где Аарыма встретил пришлую стаю, как и примыкающая к ней обширная территория к юго-западу и северо-западу, издавна принадлежала старому волку, ровеснику его матери. Некогда грозный хищник, видимо, совсем постарел, раз перестал следить за своей землей — чужаки в эти края проникают через его леса и поля и чувствуют себя здесь весьма вольготно. Аарыма, уважа-

ющих законы тайги и территорию других волков, раньше сюда вообще не заглядывал.

...Начало светать. Темное пространство над головой постепенно вылиняло, а нежно-алая узкая полоска неба над верхушками деревьев стала неумолимо расширяться. Аарыма лежал в своей привычной позе — положив голову на лапы — и сквозь дрему думал о ночной встрече, которая чуть не закончилась его гибелью. Чужаки, конечно, заранее предполагали, что встретят местного волка, и, наверное, готовились к этому. Но Матерого удивило, что уж слишком быстро пришлые волки прознали, что он идет за ними по пятам, и успели устроить засаду. Если бы один волк в их стае не дрогнул, а сам Аарыма не успел убежать, то его бы загнали в чистое поле и там уж вчетвером расправились с ним. Жестоко и хладнокровно... «Теперь я буду охотиться за вами», — начал Матерый строить планы по изгнанию чужаков. Сперва он займется теми, кто в одиночку отойдет в сторонку. Потом будет играть у пришлых волков на нервах, заставит гоняться за собой и выведет прямо на двуногих.

Суровая зима с туманами и вьюгами начала отпускать свою ледяную хватку: трескучие морозы отступили, дни заметно удлинились. С наступлением теплых деньков стало больше чадящих дымом железных коней, стремительно рассекающих снежные просторы. Их извилистые следы расчертили вдоль и поперек все ближайшие алаасы и перелески.

Недалеко от опушки леса, где чужаки столкнулись с местным волком, они завалили уже вторую взрослую кобылу. Аарыма следовал за ними по пятам. У него не было времени на охоту, и потому до прихода людей он перехватывал остатки пиршества волчьей стаи. Уж сколько раз он пытался навести на них двуногих, но охотники никак не могли обложить хищников. Аарыма одним своим видом выводил из себя чужаков, и те сразу бросались вдогонку за ним, готовые растерзать его. И тогда он специально пробегал мимо табунов, мимо знакомой усадьбы, мимо охотничьих избышек, но пока все без толку. Лишь однажды, когда четверо волков переваривали мясо очередной убитой ими кобылы, местному волку наконец-то удалось навести охотников на их след. Окладчики сразу обнесли специальной лентой густо заросшую деревьями возвышенность, где затаились хищники. Аарыма привычно перепрыгнул ленту и схоронился на другой стороне большой дороги в ожидании, чем все закончится. Назавтра подъехало еще несколько железных коней с охотниками, но и в этот раз двуногие остались ни с чем. Оказалось, что, как только загонщики двинулись по направлению к лесу, волки, наученные прошлогодним опытом, перепрыгнули, как и Аарыма, ленту. Потом они перешли большую дорогу и сразу свернули к знакомой тропе, по которой явились сюда. Чужаки чувствовали, что местный волк где-то рядом, но не стали тратить время на его поиски и проследовали своим путем.

«Настало время гона, и они больше не появятся в этих краях», — думал Аарыма, направляясь в сторону своего логова. Волк знал, что нынче гон пройдет на той стороне большой речки, и чужаки наверняка ушли туда. Скоро к ним присоединятся и волки с сопредельных территорий. В первую очередь — опытные волки-охотники, которые бывают в каждой стае и на которых и держится волчья семья.

Во время очередного обхода территории Аарыма обнаружил следы волков-охотников, тех, которые гнались за лосями. Волки возвращались обратно, но их было всего четверо. Что у них случилось, почему их стало так мало? Ответов на эти вопросы у него пока не было, и он отправился к тем самым оленям, охота на которых постоянно откладывалась.

Олени, оказывается, действительно долго паслись в распадке с богатым ягельником, и к ним, судя по следам, подъезжал двуногий на железном коне. Волк узнал его — это был человек, живущий в местности, где ночи напролет горит огонь. То ли волк встревожил оленей, то ли еще раньше двуногий вспугнул, но их уже не было. Они ушли дальше. Аарыма проследовал за ними. Уже бывшие настороже животные даже близко не подпустили его к себе, а сразу двинулись в сторону речки — пересекли большую дорогу и ушли по южной оконечности пастбища, где зимовали табуны двуногого с железным конем. Волк пустился вдогонку за ними. Олени шли, пока не наткнулись на следы волков-охотников, отправившихся на ту сторону большой речки на гон. Они резко повернули налево, но недалеко набрели на следы железных коней и вновь свернули, на этот раз вправо. Миновали кочкарник и остановились у косогора с редким сосняком и хорошим обзором. Волк, лишь сутки назад находившийся на волосок от смерти, решил передохнуть сам и дать оленям возможность успокоиться, чтобы усыпить их бдительность и прийти к ним позже. Заодно он проверил, куда ведут следы железных коней. А привели они его к домам, где в окнах свет горит и по ночам. Лошади спокойно кормились в загоне. Слишком близко подходить Аарыма не стал и повернул назад. На обратном пути он удачно встретил оленя, которого загнал в ложбину с густым тальником. Добыча оказалась кстати — он был голоден. Потом, восстановив силы, снова отправился проведать оленей, пасшихся в сосновом лесу, но те вновь не подпустили его. Они были настороже. Решив, что эти животные все равно далеко не уйдут, волк оставил их в покое.

...Через некоторое время Аарыма опять вернулся к оленям и обнаружил, что их выследили двуногие на железной повозке. Подойдя поближе, он, кроме знакомого запаха, уловил другой, и у него потемнело в глазах. Волк оскалил зубы и вздыбил шерсть на загривке. Он помнил этот запах, принадлежащий одному из тех двуногих, которые лишили жизни его верную подругу. Запах был совсем свежий. И этот двуногий промышлял такими же изуверскими железными штуками, как те, от которых погибла его волчица. С налитыми кровью глазами Аарыма пустился вслед за железными санями.

Смирение с судьбой

Щиплющий щеки мороз ослаб и превратился в легкий морозец, когда, чтобы согреться, достаточно хлопнуть себя ладонями. Колючие зимние вьюги, не сумевшие сдуть с земли ее снежное покрывало, сменились резкими порывами весенних ветров. Всем стало трудно передвигаться через затвердевший наст посеревших сугробов. Ночи хоть и стали короче, а дни длиннее, но воздух был по-прежнему морозен. Однако ход времени неумолим, и теплых солнечных дней становилось больше.

В наступающих сумерках лес был полон загадочных звуков. Кто-то без устали хрипло дышал, будто надували кузнечные мехи, и проносился легкий топоток, было слышно чье-то глухое рычание вроде бормотания и резкий треск веточек. Это преисполненный ярости Аарыма, оскалив зубы, мчался по накатанной людьми дороге. Прибежав без остановок к жилищу человека с железной повозкой, волк обогнул лужайку перед домом и со стороны леса проник на задний двор. У хозяина собаки нет, и волк хотел узнать — здесь ли охотник, за которым он явился сюда. Никто не выходил и не заходил. Лишь у начала большой дороги время от времени подъезжали и останавливались железные повозки, откуда выходили двуногие и о чем-то разговаривали. Вот они собрались у другой железной повозки — пытались развернуть ее или сдвинуть с места. То ли ресницы заиндевели и мешали смотреть, то ли наступающие сумерки были тому виной, но волк толком не смог разглядеть, чем они там занимались. Тщательно прижавшись к земле, он по небольшому углублению, вырытому в снегу копытами лошадей при тебенёвке, приблизился к двуногим насколько мог. Вдруг ему в ноздри ударил запах ненавистного врага, видимо, с последней железной повозки белого цвета, когда в ней открывали дверь. Когда все уехали, он еще раз тщательно принюхался. Так и есть — это был тот самый двуногий! От досады волк сначала даже взвыл, но тут же умолк. «Я не буду сидеть и выть, я добьюсь своего». Он заскрежетал зубами и пустился вслед за железной повозкой с ненавистным ему двуногим. Матерый подозревал, что если сейчас не догонит врага, то скоро может забыть его запах и не узнать этого человека при встрече. Осиротевшее сердце подсказало, что надо действовать.

Выйдя к лесу, растущему вдоль большой дороги, Аарыма в пылу погони помчался прямо по снежной целине в ту сторону, куда уехал его враг. Ко времени четырехчасового чаепития двуногих поверхность снега постепенно начала твердеть, стало трудно передвигаться, но Аарыма без устали стелился в размеренном быстром беге. По звуку проезжавших железных повозок определял, далеко ли находится от дороги. Когда начало темнеть и уменьшилось количество техники, волк все чаще стал выходить к дороге, чтобы определить свое положение. Затухающий свет неба едва озарял заснеженные поля, а в чаще леса стало совсем

темно. Вскоре движение по большой дороге прекратилось. По понятиям Аарымы, любой путь имеет начало и конец, и волк рано или поздно догонит ненавистного ему двуногого в конце этой дороги...

В едва уловимый миг между сумерками и появлением на небе ясного месяца и первых мерцающих звезд наступает крошечная тьма. В эту пору гнетут тяжелые мысли, душа сжимается от какого-то неясного предчувствия: кажется, что не только день и ночь, свет и темнота поменялись местами, но и красота и добро уступили злобе и пороку. Притих и дитя природы волк, положив, как всегда, голову на передние лапы и прикрыв глаза.

Прошло немного времени, и волк вновь начал лихорадочно размышлять. Он словно переродился — еще окончательно не поняв, что случилось, почувствовал таинственное дуновение чего-то, а открыв глаза, увидел россыпь сияющих звезд и луну — они звали его куда-то в путь. И будто к силе прибавилась сила, к мощи добавилась мощь. Аарыма вскочил и, едва касаясь земли подушечками пальцев на лапах, помчался по утоптанной табунами придорожной ложбине. Его приветствовал радостный месяц — не такой яркий, как полная луна, и больше похожий на краешек желтой оладьи, но все-таки освещающий волку путь. Тени деревьев растягивались и принимали причудливые, порой просто фантастические очертания. Радостно заблестели и бесчисленные звездочки, переливающиеся, словно рассыпанные на темном холсте золотые песчинки. Они, казалось, благословляли волка, приближаясь, становились крупнее и ярче. Приветливый месяц тоже подбадривал волка и, давая понять, что тот не один, летел по небу с ним наравне и нашептывал: «Ну-ка...» Пробежав примерно два десятка километров, Аарыма достиг высокой длинной гряды, а когда взобрался туда и посмотрел вниз, то у него захватило дух от изумления. В таинственном свете ночного светила перед волком открылась впечатляющая панорама.

Большая дивная дорога тянулась идеально прямо и уходила вдаль. Если бы кто-то, имеющий крылья, воспарил в ночной вышине, то увидел бы, что по обеим сторонам дороги в лунном сиянии матово блестя обширная долина. Трасса была оторочена густыми зарослями ивы, и снег на ветвях деревьев искрился так, будто на воротник богатой шубы разом высыпали все звезды мироздания. И тут же текла довольно крупная речка, которая, видимо, вольготно разливается весной, но сейчас, накрывшись теплым снежным одеялом, спокойно спала в своем привычном русле. Через нее был перекинут большой автомобильный мост, в свете приветливой луны показавшийся волку чуть ли не золотым. Дорога перебиралась по нему на другой берег и, утончаясь, серебряной нитью исчезала во мгле. Дальше, где даже волчий глаз переставал различать оттенки зимнего леса, за молчаливой тенью ночной тайги была еле видна огромная извивающаяся туманность. Откуда Аарыме

было знать, что это была Великая река. По обеим сторонам реки в небе висели мигающие красные и желтые огни — огни опор высоковольтной линии, о чем, конечно, волк тоже не знал. И там же, чуть ближе, за лесом в конце долины, раскинулось нечто гигантское, которое дышало подобно живому существу. Его теплое дыхание поднималось в небо клубами дыма и превращалось в белесое облако тумана, окутавшее все вокруг. А самый большой столб дыма в свете ярких ламп был похож на лунную дорожку, по которой откуда-то с небес величаво нисходило волшебное сияние и медленно рассеивалось по земле.

Истинное дитя тайги волк, все время проживший в верховьях речки, увидел то, чего не видел, узнал то, о чем никогда не догадывался. Вначале даже оторопел. Ошеломленный, юркнул обратно в лес, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. В знакомой обстановке быстро пришел в себя и решил, что, преодолев такое расстояние, не должен отказываться от изначального намерения. Аарыма начал осторожно спускаться вниз в долину. Месяц по-прежнему продолжал помогать волку и через лесной частокोल приветливо освещал дорогу. Прикрываясь деревьями — такими же, как и в верховьях его речки, — волк спустился к подножью высокой гряды и обрадовался, почувствовав, что и земля, и снег здесь были такие же, как и в его родных краях. Заметив обходную дорогу, расположенную справа от моста, перешел реку и по протоптанной лошаадьми тропинке беспрепятственно пересек сказочную долину. По пути встретил несколько пасущихся кобыл, но те на него даже внимания не обратили. Видимо, приняли за собаку. Сразу за долиной вошел в лес и продолжил путь параллельно большой дороге. Волк бежал, и нос его улавливал множество запахов — и кобыл, и двуногих, и разных железных повозок. Когда Аарыма достиг окраины поселка, наступила полночь.

Пытаясь понять, как пройти дальше по большой дороге, волк осторожно прополз к небольшой березовой роще, притулившейся метрах в четырехстах от первого дома. «Дорога, оказывается, не идет прямо, а петляет между многочисленными, словно деревья в лесу, домами, — подумал в замешательстве волк. — Если идти по правой стороне, то там горит свет и слышен лай собак. Пробраться между домами тоже не получится, там тоже столько собак, что, попади я к ним, от меня даже шкуры не останется. Может, стоит попробовать пройти вдоль реки...»

Аарыма, как и планировал, перебежал дорогу около последнего дома, прошел к реке и сквозь ветви деревьев осторожно заглянул вниз. Он в очередной раз подивился ширине раскинувшейся перед ним Великой реки. Матерый раньше не видел такой огромной ледяной долины. Кроны вековых деревьев, росших по берегам заснеженной реки, не могли перекрыть ее, как это обычно бывает с таежными речками. Дитя природы волк вновь испытал чувство робости перед величием стихии. Пока он всматривался вдаль, к реке по пересекавшей ее широкой зимней дороге с лаем и дракой спустилась большая свора местных собак. Продолжая

набрасываться друг на друга, часть из них перешли реку. Мудрый волк понял, что время гона наступило и для собак, также он уразумел, что сейчас, в пору собачьих свадеб, ему не удастся перебраться через реку. В своре, которую он видел, были псы размером с хорошего жеребенка. Даже если привести всех волков с верховьев его речки, то ничего путного из противостояния этим многочисленным собакам не выйдет. Стоит залаять одной собаке, как со всего большого поселка сбегутся все остальные. Если сейчас волк пойдет по дороге, то его вмиг разорвут, и неизвестно, достанется ли всем хотя бы по клочку его густой зимней шерсти.

Ни к какому решению Аарыма так и не пришел и вернулся обратно к березовой роще. Только он улегся, как из-за поворота, ревя мощными моторами и ослепив его ярким светом фар, появились припозднившиеся автомобили. Они подъехали прямо к тому месту, где лежал волк. Перепуганный и ослепленный, чуть не натыкаясь на деревья, он бросился в лес. Теперь сын природы наконец-то осознал, почему всегда инстинктивно избегал двуногих в лесу. Они превосходят всех умом, многочисленны и очень организованны, подчинили себе разных животных и даже железными повозками командуют. Волк четко уяснил: противостоять двуногим и состязаться с ними никто не в силах. Он увидел, как живут люди, и душа его приняла предначертанное судьбой. Аарыма не догадывался, что двуногий, за которым он пришел в незнакомые ранее дали, в это время, поставив машину в гараж и посидев с домашними за уютным вечерним ужином, спал и видел десятый сон. Причем его дом стоял первым от березовой рощи, где скрывался волк. Да и что Аарыма мог сделать, даже если бы узнал об этом? Просто жизнь волка на этом бы оборвалась. Сын природы не мог противиться решениям Урдук Айыылар — жителей Верхнего мира, сотворивших все живое в Среднем мире. Вершители судеб всего сущего predeterminedли изначально, что человек на древе жизни располагается выше волка.

От бессилия и обреченности он зарычал на повстречавшихся ему кобыл, но даже они, чувствуя близость хозяев, лишь лениво посмотрели в его сторону. Еще больше расстроившийся волк решил развеяться, да и подкрепиться надо было давно, и он двинулся к речке с золотистым мостом.

Оттаявшее сердце

Эта речка несла свои воды с юга, со стороны родных краев Аарымы, и он отправился вверх, против течения. По пути уже никуда не спешащий волк обстоятельно знакомился с новыми местами, обследовал все впадающие в речку ручьи и ручейки, все прилегающие к ней леса и перелески. Волчья память автоматически фиксировала увиденное, он узнал, какие птицы и звери тут обитают, на кого охотятся и кто охотится на них. Чем дальше он уходил от жилья ненавистного ему двуножного,

тем легче ему становилось. Он с удивлением почувствовал, что душа наконец-то освободилась от тяжелого бремени, а сердце, заледеневшее от горя и одиночества, оттаяло и вновь встрепенулось.

...Весенние дни стали более длинными, и светать начало рано. Сначала горизонт окрасился в нежно-алый свет, озарив теплыми красками облака, и лишь потом робко выглянуло долгожданное светило. Прошло еще какое-то время, в течение которого огромная заснеженная тайга наполнялась светом предстоящего дня. Еще мгновение, и солнце стремительно взошло, разбрызгивая по лазурной небесной шире яркие золотистые лучи. Волшебство восхода волк наблюдал с поляны у сосновой рощи. По мере того как солнце поднималось, растянувшиеся на искрящихся снежных бугорках тени задумчивых сосен начинали сжиматься. Утро нового дня наполнилось радостным птичьим щебетаньем, воспринятым Аарымой как торжественная музыка. Волк с тех пор, как потерял подругу, забыл, что восход — это всегда волнующее до глубины души, завораживающее зрелище. Сегодня ему показалось, что солнце взошло по-особому, обещая что-то доброе и желанное.

Таежный хищник весь день рыскал по притокам реки, обежал обширную территорию. Тут оказались богатые на всякую живность и прекрасные для охоты урочища, леса и густо заросшие деревьями пологие сопки. Ему все это пришлось по душе, но была и странная местность, которая произвела на него удручающее впечатление. Там стояла мертвая тишина — волк не заметил ни одной живой души, даже птички малой не увидел. Огромные беспорядочные навалы земли и камней, извлеченных из самых недр, уничтоженная почва, на которой теперь ничего не росло, выкорчеванные деревья — все это, конечно, другого впечатления на истинного сына тайги произвести и не могло. Было ощущение, что от вырытого двуногими огромного котлована дохнуло преисподней и зверье и птицы в страхе покинули эти места. Лобастый серый тоже поспешил убраться с мертвой земли.

...Чуть выше по течению закончился сосновый лес, не было видно даже молодой поросли. Потому, вероятно, здесь не было и глухарей, любящих эти высокоствольные хвойные деревья. Вскоре начались уже знакомые Аарыме места. Добравшись до урочища, где стая чужаков прошла на гон, волк повернул к большой дороге. Он пересечет ее и пустится напрямик в сторону своего логова.

Вечерело. Старательно согревавшее весь день землю солнце утилось и собралось на покой. Оно спряталось за верхушки деревьев и, озарив лес прощальными лучами, прикрыло ясные очи и закатилось за горизонт. Но его отблески еще какое-то время слабо освещали землю, пока окончательно не наступили сумерки.

В это время Аарыма у края густого леса с растущими вперемежку елями и лиственницами выжидал момент, чтобы пересечь большую дорогу. Показалась железная повозка, которая почему-то замедлила ход и включила свет на полную мощность. Лобастый волк с удивлением

увидел прыгнувшего в сторону зверя. Он не успел разобрать — то ли собака это была, то ли волк. Чужаков здесь не должно было быть. Или... Неужели те самые волки вернулись? Тогда почему этот один, а где остальные члены стаи? Заинтригованный таежный хищник затаился и, превратившись в сплошные глаза и уши, стал ждать, что будет. Двунogie не остановились, а проехали дальше. Зверь вновь вернулся на дорогу и продолжил путь. На взгляд Аарымы — волк волком. Тогда почему он бежит по дороге, словно собака? Недоумение только усилилось. Вновь показалась железная повозка. Теперь она ехала с противоположной стороны. Зверь, как и в прошлый раз, прыгнул в сторону. На этот раз повозка двуногого остановилась напротив того места, куда он скрылся. Ветер поменял направление и подул со стороны дороги, но из-за смрада, тянущегося вслед за железной повозкой, по-прежнему было невозможно разобрать по запаху, волк это или собака. Вдруг Аарыма заметил, что открылось окошко железной повозки и оттуда выглянуло что-то похожее на палку. Сердце волка екнуло. Это было изрыгающее пламя жестокое приспособление двуногих, которое убивает на расстоянии. Эх, кто бы там ни был — волк или пес, — ему пришел конец. С такого близкого расстояния не промахиваются. Только что бежавший по дороге зверь сейчас уткнется мордой в землю, и белый снег окрасится кровью. Но двуногий почему-то медлил, выстрела все не было и не было. Что-то говорил. Ветер доносил обрывки фраз: «Собака... Волк... Черт его знает... Собака, что ли...» Железная повозка взревела и тронулась с места.

Аарыма в несколько больших прыжков оказался у дороги и со всего размаху налетел на того самого зверя, за которым только что следил. Тот кубарем скатился с дорожной насыпи. Волк успел определить по запаху, что это все-таки была собака. Более того, это была собака его двуногого соседа! Аарыма хотел было тут же растерзать ее, вцепиться в горло своего некогда смертельного врага, который почему-то оказался ночью один на дороге. Но что-то остановило его — может быть, именно то, что она была собакой его двуногого соседа, не выстрелившего в него тогда на алаасе, или еще что-то, — и она осталась жива. Волк, поражаясь сам себе, спокойно сидел и наблюдал, как собака поднялась, оскалила зубы и зарычала. Потом прижала уши и чуть присела — она была готова к прыжку, если Аарыма двинется в ее сторону. «Она не лает и не убегает, поджав хвост, как трусливая собака при встрече с лесным зверем, а совсем как волк оскалила зубы и готова напасть», — удивился Аарыма, не желавший вступать с ней в драку. Хотя, конечно, это была бы не драка, а убийство со стороны волка, и он осознавал это. Матерый отпрыгнул в сторону и побежал по еще глубокому снегу напрямик к укрытому мраком лесу.

Чуть не ставшая добычей волка и чудом не застреленная людьми собака вышла на большую дорогу и побежала по трассе вслед за своим хозяином. Она уже несколько лет жила у человека со слегка согнутыми

в коленях от болезни ногами. Теперь он ее лесной хозяин. Сегодня он на машине отправился в поселок. Команды сторожить не было, да и охранять в зимовье особо нечего, и она побежала вслед за ним. Честно говоря, она соскучилась по играм с хозяйскими детьми, которые росли рядом с ней и искренне любили ее, всегда ласкали и баловали. Именно дети дали ей прозвище Кыыстара. И еще она очень соскучилась по вкусным угощениям хозяйки. Но до поселка Кыыстара сегодня так и не добралась, поскольку встретила возвращающегося к зимовью на тракторе хозяина. Пришлось разворачиваться и бежать обратно. Она сызмальства усвоила закон, согласно которому никогда нельзя бросать хозяина и нужно быть готовой отдать за него жизнь. Он должен быть уверен, что всегда может положиться на свою собаку, как на самого себя. Кыыстара привязалась к раскачивающемуся на больных ногах хозяину, и, что бы ни случилось с ним, она никогда не оставит его одного. Сейчас ей надо добраться до маленького села, пройти по следу снегохода до развилки просек, а затем проследовать за трактором к зимовью. Так она значительно спрямит путь — получится всего-то десять с небольшим километров — и уже скоро окажется дома. С такими мыслями любимая собака хозяев Кыыстара быстрой рысцой спешила к зимовью.

Взошла луна — еще не полная, но радостная, как и во все последние дни. Высыпали звездочки, начавшие игриво перемигиваться. Потянул западный ветер — скоро он нагонит облака. Кыыстара уже прошла небольшое село и очутилась на просеке, которую, казалось, вот-вот поглотит темнота окружавших ее густых деревьев. И вдруг она заметила смутно выделяющуюся фигуру огромного зверя, чья густая шерсть на загривке отсвечивала в свете луны матовым блеском. Собака табунщиков поняла, что сворачивать в сторону леса бесполезно: она сразу увязнет в снегу с ледяным покрытием и ее растерзают так, что даже клочка шкуры не останется. Бежать обратно тоже нет смысла — догонят в два счета и разорвут. Оставалось только вступить в драку, а потом, если удастся выжить, доползти до хозяина.

Попавшая в безвыходное положение верная своему хозяину собака приняла тяжелое решение. Она ссутулилась и начала медленно приближаться к волку. Тот даже не шелохнулся. И вдруг он издал что-то среднее между воем и лаем, исторгая в своей не то песне, не то рассказе неизбывную печаль. Кыыстара вначале не поняла, что происходит, но потом в глубине ее души что-то дрогнуло, взыграла проснувшаяся кровь предков...

Подувший с запада ветер принес серые тяжелые облака, обложившие все небо и закрывшие луну и звезды. Последнее, что увидела луна: громадный волк и собака в половину меньше его ростом сидят и, запрокинув головы, то ли воют, то ли поют.

Через неделю хозяин собаки рассказал всем, что она приходила в поселок за ним и потом пропала. Человек, который чуть не застрелил

ее на трассе, вспомнил, где видел ее. Попытались было поискать следы, но после снегопада это оказалось бесполезным занятием.

Вскоре хозяин собаки вновь появился в поселке и немало удивил всех, рассказав, что Кыыстара пришла домой. Никто не знал, где больше недели пропадала подопечная невысокого человека с больными ногами. Об этом, видимо, знала лишь одна безмолвная луна. Да и звезды, наверное, могли бы что-то рассказать — недаром они с невероятной высоты радуются чему-то и таинственно перемигиваются, будто им что-то известно.

После этого случая пропал и местный волк. Если раньше охотники хотя бы видели его следы в разных местах, то теперь их нигде не было заметно. Только Кыыстара, верная и любимая собака хозяев, стала часто протяжно лаять на луну. Удивленные домочадцы не могли понять: это она лает или воет, поет или плачет? Что это с ней? Не знаем и мы, может, это была скорбь осиротевшей души...

Глава третья

Новые владения

Закончилось буйство зелени короткого якутского лета, и перелески милых сердцу алаасов запылали багрянцем — осень вступила в свои права. Припозднившиеся утки сбились в густые перелетные стаи. Они выткали над озерной гладью колышущиеся узоры и с щемящими душу прощальными криками отправились на юг. Покинула родные места и одиноко летающая в кромешной тьме выпь. Не слышны пронзительные переключки и прощальные песни гусей, пронесшихся в поднебесье с новым потомством, появившимся на белый свет в далеких полярных гнездовьях. Осень. Время, когда имеющий нору прячется в нору, а хозяин берлоги залегает в берлогу.

В чарующую и одновременно хлопотную и грустную пору, когда времена года сменяют друг друга, Аарыма тоже решил на перемену места обитания. Расставшись с протоптанными вдоль и поперек с детства тропками, волк перебрался на другой берег Большой речки, прошел к ее верховьям и занялся подробным знакомством с новыми территориями. Он уже забегал раньше в эти земли, и они понравились ему богатой живностью, прекрасными для охоты урочищами, лесами и сопками, густо заросшими деревьями. Понимая, что он здесь незваный гость, на первых порах волк особо себя не проявлял, а потихоньку охотился и так же спокойно расширял свои новые владения. Он с удовлетворением заметил, что здесь много оленьих и лосиных следов. И это неудивительно: возвышающиеся здесь невысокие сопки питают своими водами бесчисленное количество ручьев и речушек, а пологие пади и распадки богаты любимой пищей копытных в любое время года. Также не могло не

радовать серого, что в тихих, безмолвных уголках много разной боровой дичи. На самых толстых нижних ветвях могучей лиственницы, с тревогой оглядываясь по сторонам при появлении Аарымы, восседали большой черный глухарь и его самка. В редколесьях бормотали тетерева, а в чащобе вдоль ручьев и в валежниках обитали куропатки и сновали рябчики, которые не только прекрасно летают даже сквозь густые ельники, но и быстро бегают по земле. Волк надеялся, что зимой как-нибудь наткнется в сугробах на лунки, в которых они ночуют в самые сильные морозы. Это, конечно, будет прекрасной возможностью подкрепиться. В отличие от его родных лесов, здесь гораздо больше лиственниц, особенно красивых летней порой, когда они еще не сбросили свою зеленую хвою и шумят в унисон с вольными ветрами великой тайги.

Нынче волк вдоволь отъелся на расплотившихся в сухостойных лесах упитанных зайцах, про которых в народе саха говорят: зайчишки с заплывшими от жира почками. Особо Аарыма благодарен дедушке Байанаяу. Тот не забыл своего лесного сына и подарил ему неожиданную добычу в виде одиноко пасущегося теленка сохатого. Будь таежные великаны рядом с лосенком, хищник, конечно, ни за что бы не сунулся под их смертоносные копыта. Так что волк встретил зиму отъевшимся, с запасом жира и хорошо уплотнившимся мехом.

Аарыма, решивший окончательно обосноваться или хотя бы перезимовать в этих местах, к первому снегу уже изучил свои будущие охотничьи тропы и значительно расширил владения. Однажды во время очередной вылазки он встретил местного волка, бывшего некогда грозным хозяином этих земель. Раньше этот волк по имени Хосуун — то есть «смелый», «храбрый», «удалой» — спуску никому не давал; он часто и много дрался, чтобы защитить свои богатые угодья от желающих поселиться здесь. Но никто не смог выдержать соперничества с ним: его взгляд и тяжелое дыхание, отчаянная храбрость, с какой он бросался в любую схватку, заставили отступить всех соперников. Со временем чужаки перестали даже помышлять о том, чтобы посягать на участки Хосууна, наоборот, стали опасаться его стаи, наводившей многие годы страх и трепет на всех.

Теперь хозяин этих мест заметно постарел и по сравнению с новоприбывшим огромным волком, который минувшим летом хорошо питался и сейчас прекрасно выглядел, усох и даже как будто стал меньше ростом. Но Аарыма, который мог разорвать некогда грозного вожака, из уважения к его сединам отступил и ушел к себе.

Конечно, Хосуун был уже не тот, но большой жизненный опыт все еще помогал ему добывать пропитание. Аарыма сразу определил, что за старым вожаком следует молодая самка, совсем еще дитя по сравнению с ним. Сначала он удивился, что юная волчица ходит в паре с дряхлым волком, а не в стае, но потом предположил, что она, наверное, осиротела, а стая распалась. Двуногие любят охотиться в этих местах, значит, они могли сократить численность серых хищников, впрочем,

как и случайно забежавшие сюда волки, с которыми могла уйти часть местных.

Ко времени, когда выпал снег, который уже не растает до весны, началось первое массовое кочевание оленей. Они переправлялись через хорошо знакомую Аарыме речку в сторону его некогда родных мест, и волку удалось добыть несколько животных. Пока это были местные олени, а не проходящие большие стада.

Когда Матерый завалил первое животное, юная волчица, которой, видимо, уже ничего не перепало от редких трофеев постаревшего Хосууна, пристроилась к нему. Аарыма не стал прогонять ее. У молодой самки за ушами, у скул, а также чуть повыше живота были яркие желтовато-рыжие подпалины, напоминающие солнечные зайчики. Однажды Аарыма стал свидетелем редкостной по красоте картины, которая глубоко тронула его сердце и взволновала душу. Юная волчица искупалась в небольшом, но глубоком озере. Когда она вышла на берег и отряхнулась, то волку показалось, что все пространство вокруг заполнилось брызгами солнечного света. За красивую блестящую шерсть он мысленно прозвал ее Кылбара — блестящая, сияющая.

Волки, невольно ставшие парой, хоть слегка и огрызались друг на друга, но трофеи Матерого в дальнейшем ели вместе. Молодая самка поджимала хвост, робко подходила к добыче Аарымы и урывала кусок, с которым отходила в сторону. Она все-таки опасалась взрослого сильного самца и предпочитала сохранять дистанцию. Однажды к их совместной трапезе присоединился появившийся откуда-то Хосуун. И Аарыма, и юная волчица из уважения к пожилому вожаку некогда большой и грозной стаи молча расступились — это было у них в крови. С этой поры старый волк с истершимися клыками, который был уже не в силах добывать себе еду, всюду следовал за Аарымой.

Кылбара была слишком юна и неопытна, чтобы знать все тонкости и премудрости охоты. Секреты классического загонного волчьего промысла, нюансы нападения из засады, где требуется огромное терпение, умение переговариваться воем, — всего этого и еще очень много она не знала, и матерый волк взялся за ее обучение. Старый вожак как шел за ними, так и продолжал идти по их следам. Аарыма и Кылбара отнеслись к этому совершенно спокойно и из каждой добычи оставляли старому волку его долю.

Ночной переполох

Весна была уже не за горами, и днем в воздухе ощущалось едва уловимое нежное дыхание скорой оттепели. Насквозь промерзшие за долгую зиму лапы елей наконец-то освободились от неимоверной тяжести снега, склонившей их до самой земли, и с радостным облегчением

распрямились. Снег, несмотря на все еще сохраняющиеся морозы, днем становился мягким и податливым.

По привычке Аарыма следил за передвижениями двуногих. В этих краях тоже занимались разведением лошадей, которые паслись на просторных лугах, будто специально созданных для тебенёвки. Возле дома, за которым теперь наблюдал волк, в большом специальном загоне содержалось восемь голов молодняка. Трескучие морозы, заставлявшие сжиматься все живое, отступили, и длинногривые дети Джёсёгея с удовольствием разгоняли кровь и разминали застоявшиеся ноги. Радуюсь, что пережили зиму, они громко фыркали и, нарушая ночную тишину, носились взад-вперед по загону, над которым стоял белый пар от их теплого дыхания. Возле добротного дома, рубленного из толстых бревен, в небо взметнулась островерхая ураса*, и откуда-то с невероятной высоты ее внутреннее убранство пыталась разглядеть любопытная звезда.

В одну из лунных ночей Аарыма подошел вплотную к жилью двуногого. Когда он пробирался мимо загона, то лошади, доедавшие остатки вечерней порции сена, испуганно шарахнулись в противоположный угол. Но волк не обратил на них внимания — он был занят изучением жилья: в окнах свет горел, однако никаких признаков присутствия двуногих не было. Волк привык к доносящимся из дома звукам, похожим на те, что слышал у своего бывшего двуногого соседа, но сегодня все было тихо.

Судя по запахам, висевшим в неподвижном морозном воздухе, за слонку печной трубы прикрыли уже давно, и поэтому Аарыма решил подойти к жилью так близко. Волк определил, что двуногих в доме сейчас трое — все они табунщики. Других людей здесь не было. Один из табунщиков прибыл сегодня. Резкий запах пота его коня ощущался до сих пор.

Стояла тишина. Лишь слышно было, как в ближнем загоне время от времени беспокойно фыркал молодняк, а в дальнем крайнем выгоне две рабочие лошади доедали сено.

Больше тут ничего не удалось выведать, и Аарыма повернул обратно. Возвращаясь, прошел мимо традиционной якутской коновязи — сэргэ, — возле которой стояли большие зимние сани, называемые иногда дровнями. Тень волка в свете полной луны казалась громадной. Аарыма продолжал недоумевать: «Почему двуногие сегодня легли спать так рано и почему никак не отреагировали на испуганный топот и ржание молодняка в загоне?»

Ставшая подругой Аарымы Кылбара, ждавшая его на ближайшей опушке, при виде друга вскочила и радостно вильнула кончиком хвоста. Хосууна не было видно, но запахи, приносимые едва уловимыми движениями ночного воздуха, говорили, что старый волк затаился где-то слева от них.

Волки, чтобы не оставлять следов и не привлекать лишнего внимания, широкие луга и просторные алаасы пересекали, осторожно ступая

* Ураса — летнее традиционное жилище якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой.

по протоптанным кобылами дорожкам. При этом хищники всегда шли точно по лошадиным следам, какими бы кружными они ни были. Да и на охоте они поступали так же. Загоняя добычу, они, чтобы не устать, шли след в след и время от времени менялись местами. Кылбара, принявшая Аарыму за своего жожака, как истинное дитя природы все, чему он учил, схватывала на лету. Лишь однажды волк потрепал ее за загривок, когда она оплошала на охоте: не выслушав до конца его предупредительного воя, молодая волчица устроила засаду в совершенно другом месте.

А вот Хосуун на замечание своих следов, казалось, внимания совсем не обращал. В отличие от волчьей пары, он пересекал опушки и луга по прямой и где хотел. Старый жожек не кружил, ступая по следам лошадей, он словно стремился напомнить всем — вот он я! Да и как еще ему было вести себя на земле, где столько лет он был вершителем судеб. При виде кобыл старый волк только облизывался, поскольку понимал, что они ему уже не по зубам. От бессилия лишь злобно рычал, когда пробегал мимо них. Сейчас старый боец был способен только на это...

Аарыма понимал, что старый волк специально оставляет следы, чтобы владельцы лошадей по-прежнему опасались его, и это ему не очень нравилось. Хотя, когда они с Кылбарой перемещались по лесу, старый волк шел за ними строго след в след и его гигантская лапа перекрывала очертания их конечностей. Волчьей пары как бы и не было, а был лишь след прежнего хозяина этих мест.

...Двуногие, прознавшие, что ночью к их жилищу вплотную подходил волк, подняли переполох. Но Аарыма об этом еще не знал.

«Я еще покажу вам! Рано меня на покой отправлять!» — будто грозила зима, студеное дыхание которой сегодня стало таким же, как в самый разгар холодов. Полная луна, округлившаяся до невообразимых размеров, висела в небесной вышине и не моргая смотрела вниз. А прямо над макушкой, готовые разбежаться от невыносимого холода, толпились стремительные хвостатые звезды.

...В полуночной тишине раздался скрип плохо смазанной наружной двери. Затем последовал глухой удар об порог, сотрясший стену, от которой, казалось, разошлись волны холодного воздуха.

Это один из табунщиков вышел по малой нужде. В зыбком свете луны ему можно было дать примерно шесть десятков лет. Прежде чем вернуться в теплый дом, он решил проверить, почему беспокоится годовалая кобыла. Конечно, он знал, что из-за бельма на глазу эта лошадь шарахается от любой мелочи, но на всякий случай надо посмотреть, в чем дело. Он осветил фонариком ту сторону загона, которая находилась в тени растущих прямо у изгороди высоких деревьев: большинство лошадей дремали, а две кобылы, будто чувствуя наступление тепла, даже разлеглись на плотно утоптанном снегу. Лишь пегий жеребец беспокойно вышагивал взад-вперед и настороженно фыркал.

Вроде бы не было ничего, что могло вызвать беспокойство, но, возвращаясь назад, табунщик вдруг заметил возле угла изгороди какие-то следы и остановился, чтобы внимательно рассмотреть их при свете фонаря. «След молодняка... Неужели вышли за ограду?» — промелькнуло у него в голове. Приблизившись, он тщательно осмотрел следы и удивленно отшатнулся. Затем быстро направился в сторону дома. В это время его молодой напарник, разбуженный громким стуком двери, вышел на крыльцо покурить. Табунщик увидел напарника и окликнул его. Они вместе еще раз внимательно осмотрели обнаруженные следы. Затем прошли по ним дальше и возле саней увидели четкие отпечатки, оставленные Аарымой.

— Вот это да! Ты только посмотри, какие лапищи у этого волка! — воскликнул тот табунщик, который был постарше. — Дожил до седых волос, но даже не подозревал, что бывают волки с такими большими лапами. Следы вожака местной стаи, кажись, были меньше... Или это все-таки он? Но его стая уже давно распалась, а остатки охотники-волчатники истребили... С тех пор их никто и не видел. Что же это все-таки значит?

— Ну твой брат же говорил, что на месте тебенёвки заметил какие-то следы, а ты сказал, мол, это были отпечатки лисьих лап. Это правда волчьи следы? — спросил молодой табунщик, который, видимо, не очень хорошо разбирался в охотничьей азбуке.

— А чьи же еще! Разумеется, волчьи! Собакам тут неоткуда взяться... Если ты, конечно, не привел их за собой... У собак совсем другой рисунок следов. В любом случае странно, что волк приходил прямо к дому... Или это он к лошадям так присматривается? — произнес табунщик постарше и направился к дому.

Как лошади и предчувствовали, уже к утру морозы отступили, потеплело, и из серых низких облаков посыпало легким пушистым снегом. Табунщики разошлись к местам тебенёвки лошадей. Старший отправился к косяку кобыл, пасущемуся к северу от их конебазы. Его родной брат, высокий и стройный мужчина, сославшись на то, что покормит стоящий в загоне молодняк, остался на базе. А их самый молодой товарищ направил своего коня к южным пастбищам.

Когда самый старший по возрасту табунщик вернулся на базу, то оказалось, что из поселка приехал знакомый тракторист на «Беларусе», — они попросили его помочь подтащить к загону для молодняка большой стог сена. Гость уже был наслышан от младшего брата табунщика о ночном госте из леса.

Вскоре прискакал парень, побывавший на южных пастбищах. Он был возбужден и встревожен. Торопливо поведал, что волки задрали кобылу из одного табуна, а лошадь из другого косяка не явилась на кормежку. Добавил, что видел волчьи следы — такие же большие, как и те, что обнаружили возле дома прошлой ночью.

Настала очередь остальных удивиться и встревожиться. Они знали, что местный волк состарился и уже давно не трогает лошадей. Тут же было решено поехать на тракторе, чтобы на месте разобраться в произошедшем. Оказалось, что волчья стая отсекла от табуна кобылу и заваляла ее лишь после нескольких безуспешных попыток. По утопанному и окровавленному во многих местах снегу было видно, что кобыла несколько раз падала и каждый раз вставала, пока волки окончательно не свалили ее. Когда она испустила дух, серые хищники устроили пир на весь мир. Судя по тому, что каждый пировал по отдельности, волки буквально разорвали кобылу на куски и растащили их по всему пастбищу. Это была стая из четырех или пяти зверей.

...После того как «Беларус» сделал свое дело, табунщики попросили тракториста рассказать в поселке о случившемся и направить к ним охотников-волчатников.

В это время Аарыма с Кылбарой были на Большой речке. Хосууна с ними на сей раз почему-то не было.

Волчатники

Тракторист оказался хорошим вестовым. Несмотря на позднее время, он тут же обзвонил охотников, а также других односельчан, у которых имелись табуны лошадей, и рассказал всем о случившемся.

...Аккурат в этот вечер за столом собрались друзья-охотники. Уже долгое время все их разговоры выливались в жаркий спор о том, почему они сплеховали в последний раз, когда упустили стаю волков. Друзья спорили о деталях прошлой охоты на серых хищников и каждый раз приходили к мнению, что в целом загон был сделан по всем правилам, но неверно расставлены стрелки. Однако в этот раз их разговор был прерван в самом начале торбозным радио* нашего времени — чрезвычайно популярным в народе интернет-мессенджером, распространившим информацию о том, что прошлой ночью в их наслег** волки задрали кобыл. Новость мгновенно облетела весь поселок, и тут же друзьям-охотникам посыпались звонки. Табунщики спрашивали их об одном и том же: собираются ли они на уничтожение волчьей стаи или нет. Все еще находящиеся на взводе после конфуза с упущенными волками, друзья изъявили горячее желание реабилитироваться перед односельчанами и тут же договорились со своим начальством о внеочередных отгулах.

По утренней пороше охотники-волчатники двинулись в путь. Друзья были полностью экипированы, вооружены до зубов, и настрой у них был самый решительный.

* *Торбозное радио* — устная передача известий от человека к человеку, аналог русского выражения «сарафанное радио». *Торбозы* (*торбаза*, *торбаса*) — мягкие сапоги из оленьих шкур мехом наружу.

** *Наслег* — территория сельского поселения.

Но поход не задался с самого начала. Выглянувшее из-за облаков солнце заиграло мириадами солнечных бликов на свежевывавшем снегу. Яркий блеск слепил глаза и мешал следить за дорогой, и вскоре танкетка, как тут называют гусеничный вездеход, наехала на невидимый под снегом пень, и у нее слетела гусеница. Как оказалось, был сорван один из траков, соединительный палец которого парни в глубоком снегу так и не нашли, хотя на поиски потратили немало времени и нервов. После долгих мучений соорудили замену из подручных средств, но и это не помогло — гусеница постоянно слетала.

После недолгого совещания было решено отправить в поселок один из двух «Буранов», которые они везли в кузове танкетки. Охотники разделались. Один отправился в поселок, двое остались, чтобы готовить все к быстрому ремонту. Четвертый поехал на другом снегоходе прямо к табунщикам с целью предупредить их и осмотреться на месте, пока еще светло.

Когда волчатник прибыл к табунщикам, то там был только младший из братьев. Выпив наспех горячего чая, охотник попросил хозяина поехать с ним и показать дорогу. Но тот отказался, оправдываясь тем, что ему надо еще успеть покормить лошадей до прихода других табунщиков, которые отправились на поиски пропавшей кобылы, но все еще не вернулись. И посоветовал дожидаться их. Но нетерпеливый охотник решил один съездить на место происшествия, а то зимний день короток и темнеет рано. Табунщик объяснил, как добраться до нужного пастбища, и волчатник, вновь посадив на прицепные сани двух своих собак, тронулся в путь.

Пока охотник изучал останки кобылы, искал любую зацепку, начало смеркаться. Пора было собираться в обратную дорогу. Вдруг Тынырах — одна из двух его собак — уловила какой-то запах и устремилась в ближайший лес, окаймляющий луг. Вслед за большой собакой побежал и длинноногий Кулгаах. Это был совсем еще юный пес, почти щенок. Вскоре послышался яростный лай двух собак, и почти сразу же раздался громкий визг Тыныраха. «Мой Тынырах!» — встрепенулся волчатник. Он спешно отцепил сани и, закинув карабин «Тигр» за плечо, яростно нажал на газ.

...Его большая собака лежала на снегу, жалобно скулила и лизала заднюю лапу, которую, видимо, волк перекусил своими мощными челюстями. Охотник не понаслышке знал, что волчьи челюсти могут запросто ломать любые кости своей добыче. В довершение к свалившимся на него несчастьям куда-то запропастилась вторая собака. Парень звал ее, но все бесполезно. По всей видимости, упрямый с детства пес погнался за волком. Наверное, думал, что догонит хищника, — время от времени раздавался его постепенно удаляющийся лай.

Охотник стал лихорадочно размышлять. На месте, где хищники задрали кобылу, он обнаружил припорошенные снегом следы нескольких волков, однако серые разбойники уже давно ушли — свежих

отметин не было. Но поверх их следов был совсем еще свежий отпечаток лап очень крупного волка. В парне взыграла кровь. Что делать? Его самая любимая и опытная охотничья собака стала калекой, а теперь он может лишиться и второго пса. Волчатник вновь стал звать Кулгааха и, услышав вдали надрывный лай, направил туда снегоход. Охотник понимал, что любой волк может разорвать его совсем молодую собаку. Как назло, на пути попался густой валежник, и, объезжая его, парень потерял много времени. Внезапно сверкнула мысль, которая заставила прибавить газу: волк вовсе не убегает от щенка, а дразнит, заманивает его! Пока охотник объезжал очередной большой бурелом, стемнело и над верхушками деревьев показалась полная луна.

Продолжая подзывать собаку, парень ругал себя за то, что взял с собой глупого щенка, который ничего не умеет. Вместе с тем его посетила и другая мысль, присущая азартным охотникам: «Уж эту-то собаку я тебе не отдам! Посмотрим, кто кого — ты или я!» Вскоре лес кончился, и «Буран» вынес охотника на обширную речную пойму, залитую голубоватым лунным светом.

Серые разбойники

Всюду следовавший за парой волков старый вожак в последнее время стал часто впадать в раздумья и отставать от своих компаньонов. Так случилось и в этот раз.

Почтенный Хосуун нынче как никогда ясно осознал, что впереди у него уже ничего нет — все осталось позади. Он постепенно свыкся с мыслью, что его волчий век подходит к концу и скоро он присоединится к вечной стае праотцов. Окидывая взглядом прожитую жизнь, Хосуун с гордостью думал о том, что в пору своего расцвета владел обширными и богатыми охотничьими угодьями в верховьях речки, где водились самые разные птицы и звери. Был вожаком большой стаи, защищал каждого ее члена и бился до последнего с каждым, кто посягал на них. Хосуун никогда не преступал суровых законов тайги — не мешал охотиться другим серым собратам, во владения других волков не вторгался. Вместе с тем некогда гордому вожаку большой стаи была противна сама мысль о том, что он станет совсем немощным и его еще живую плоть разъедят ничтожные черви. Сейчас он следовал за молодым и сильным самцом, находившимся в расцвете сил и напоминавшим его самого. Он питался тем, что добыл этот волк, и ему, привыкшему рассчитывать только на себя самого, нынешнее положение совсем не по душе. Он был слишком горд для этого. Как истинный вожак и боец, старый волк мечтал быть сраженным пулей удачливого охотника или погибнуть в смертельной схватке.

Погруженный в глубокие раздумья старый вожак не спеша трусил своей дорогой, как вдруг его нос уловил едва ощутимый запах чужих волков. Хосуун бежал за давно ушедшими вперед Аарымой и его

подругой, но тут решительно свернул в сторону и исчез в чаще густого леса.

На таинственно сверкающую от голубоватого лунного света поляну, где стая из четырех волков заканчивала пиршество, неотвратимо, будто собирающаяся пролиться дождем грозовая туча, вплыла огромная тень старого волка. Серые разбойники, привыкшие быть постоянно настороже, сразу заметили появление нежданного гостя. Не желая делиться с чужаком, волки ревниво сгрудились возле своей добычи. Только потом они разглядели, что громадный волк, идущий прямо на них с явным намерением вступить в драку, — это грозный вожак некогда большой стаи. Какими бы разбойниками, привыкшими нарушать все неписанные законы тайги, они ни были, напасть первыми на хозяина этих земель они не решились.

Почувствовавший какую-то внутреннюю свободу оттого, что сейчас он падет в неравном бою с чужаками, защищая свои владения как настоящий вожак, старый боец вздыбил шерсть на загривке, оскалил клыки и смело двинулся на стаю. На свой последний, смертельный бой! Казалось, что лишь от одной этой мысли он стал выше ростом, а мускулы обрели былую силу и гибкость. Испугавшись грозного вида старого вожака, серые бандиты дали деру. К тому же сытые разбойники уже были в курсе того, что Хосуун зимует не один, а еще с двумя волками.

Старый вожак пустился вдогонку за ними. Он жаждал схватки, его глаза горели безумным огнем, на него было страшно смотреть. Молодым бандитам, оглянувшимся назад, будто поддали раскаленной железной кочергой под хвост — они взвизгнули и в мгновение ока скрылись в лесу.

Последнее желание старого вожака

Аарыма и Кылбара с удовольствием обходили свои новые владения, постепенно расширяя их. В этот раз пара поднялась вверх по течению Большой речки и удачно поохотилась на боровую дичь — они вдоволь наелись куропаток и рябчиков, прятавшихся от сильных морозов в проделанных в глубоких сугробах лунках. Теперь они возвращались, направляясь в сторону жилья табунщиков. По пути решили навестить Хосууна и вдруг наткнулись на свежие следы недавно пронесшихся мимо волков.

Аарыма терпеть не мог чужаков, и в нем вскипела кровь от раздражения. Хотел было тут же броситься вдогонку, чтобы пришлые волки задрожали от страха, но спохватился, поскольку его основной целью было проведать старого вожака. Подумав о старом волке, Аарыма вспомнил убитую двуногими подругу, и у него вновь заняла незаживающая душевная рана. Чуть успокоившись, он изучил следы и понял, что чужаков было четверо. Они бежали по глубокой снежной целине,

широко ступая, причем не след в след, а параллельно друг другу, будто кто-то их сильно напугал. Такой энергичный темп долгое время могли выдержать только сытые звери. Видавший многое на своем веку Аарыма догадался, что серые хищники завалили кобылу из табуна местных двуногих и теперь уносили ноги. После этого желание увидеть старого вожака стало только сильнее — надо было узнать, какое он имеет отношение к этому бегству. Они с Кылбарой быстрой рысцой направились в сторону, откуда неслись перепуганные волки.

Вдали послышался сотрясающий стоячий холодный воздух звук железного коня двуногого. Звук приближался. Аарыма знал: охотники-волчатники всегда выезжают, когда волки убивают лошадей, и особо их появлению не удивился. Удивил его неожиданный лай собаки, которая за кем-то гналась. Они с волчицей стали внимательно прислушиваться — надо было понять, кого преследует пес. Мелькнула нехорошая догадка, и волк решил взобраться на высокий холм, чтобы узнать, в чем дело.

С холма Аарыма и Кылбара увидели великолепную панораму обширной речной поймы, освещенной голубоватым лунным мерцанием. И вдруг они заметили неспешно бредущего волка, который часто оглядывался в сторону леса, будто поджидал кого-то. По его громадному силуэту и по тому, как он держался, пара сразу догадалась, что это был старый вожак. Аарыма и Кылбара взвыли, давая понять Хосууну, что они здесь и ждут его. Старый вожак, истинное дитя тайги, сразу услышал их голос, повернулся и дал им коротким воем сигнал, чтобы они немедленно спрятались и ни в коем случае не подходили к нему. Волки в недоумении притихли и замерли на месте — их темные силуэты, застывшие на голубовато-желтом фоне полной луны, казались вырезанными из черной кожи.

Старый волк в несколько больших прыжков перебрался на другую сторону довольно широкого заливного луга и затаил свой прощальный тойук перед последней охотой. В этом тойуке, казалось, было все: и грусть и тоска по так быстро промелькнувшей жизни, и благодарность седой тайге, и восхваление дедушке Байанаю. И еще в этой прощальной песне было напутствие старого вожака Аарыме и его молодой волчице. Застывшие на холме волки прослушали священный тойук с глубокой печалью в сердце.

И тут Аарыма понял, что задумал старый вожак, и будто окаменел, впившись глазами в таинственно мерцающее ночное пространство. Рядом с ним Кылбара, задетая за самое сердце напутственной песней, то взволнованно вскакивала, то вновь ложилась на искрящийся снег, словно спрашивая: мы пойдем к нему? Но услышавший последнюю волю старого вожака волк не мог нарушить ее. Это был закон жизни, и его надо было соблюдать.

Заинтригованная тем, что происходит на земле, полная луна отодвинула облака и поглядела вниз. И она увидела, как на широкий

заливной луг вслед за старым волком выскочила молодая длинноногая собака, совсем еще щенок. С громким тьяканьем она, не раздумывая, бросилась в сторону волка. Ее появление совпало с последними звуками прощального тойука Хосууна. Кылбара увидела пса и, вздыбив шерсть на загривке и оскалив зубы, вскочила, готовая броситься на помощь старому вожаку. Но Аарыма, останавливая волчицу, положил на ее спину свою тяжелую лапу.

К тому моменту, когда старающаяся злобно лаять псина пересекала половину поляны, на ее окраине появился двуногий. Он ехал на железном коне, который сотрясал непотребным шумом ночной морозный воздух и заполнял все кругом вонючим дымом.

Никогда не встречавшаяся с серыми хищниками глупая молодая собака с ходу набросилась на громадного волка. Увидев охотника с ружьем, старый вожак, счастливый оттого, что скоро исполнится его последнее заветное желание, прыгнул навстречу щенку. Собака ничего не поняла и даже взвизгнуть не успела — опытный боец разорвал ее в клочья. Брызнула кровь, и ошметки плоти разлетелись по сторонам.

Охотник увидел бесславный конец своей собаки. Он спрыгнул с «Бурана» как раз в тот момент, когда старый вожак бросился в его сторону. Присев для лучшего упора, волчатник прицелился и сделал несколько выстрелов подряд в стремительно приближающегося к нему хищника. Даже в мерцающем лунном свете было видно, как вздрагивал старый вожак от каждого меткого попадания, но не падал, и его громадная тень будто летела, распластавшись над снежным полем, прямо на охотника. Это была картина, достойная конца некогда грозного вожака большой волчьей стаи.

Когда бездыханное тело старого волка рухнуло на землю совсем рядом с охотником, возле речки неожиданно зародился сильный вихрь. Он взметнул в воздух не только клубы снега, но и какое-то волшебное сияние, и оно пронеслось куда-то в темноту ночного неба прямо над головой опешившего охотника. От неожиданности тот упал в глубокий снег.

Еще эхо гулко прозвучавших в ночи смертельных выстрелов не добралось до ушей Аарымы и Кылбары, как они, провожая в последний путь старого славного вожака, затаили в его честь прощальный тойук. Казалось, что печальные отзвуки волчьей песни взволновали и луну и она тоже сейчас подхватит их священный тойук.

Волки даже не видели, как суетливо барахтался в снегу охотник и, едва поднявшись, торопливо уехал, чуть не опрокинув на повороте железные сани.

Эпилог

Яркий свет весеннего неба веет приятным теплом. На открытых пространствах снег уже давно растаял, да и в лесу он сохранился лишь на заледенелых склонах глубоких распадков. Для прилета уток еще

рановато. В их отсутствие первыми глаз охотника радуют чибисы, облюбавшие травянистые болота Якутии лишь недавно, — они заполняют луга, как только появляются первые проталины. Но сейчас даже для них еще довольно холодно, и прибывшие раньше всех пигалицы сидят нахохлившись и не летают. А вот трясогузкам, постоянно покачивающим своими длинными хвостами, погода в самый раз. Мельтешение веселых маленьких птичек в черно-белом наряде оживило пустовавшие зимой ётёхи. И также не первый день разносится по всей округе бодрое карканье обычного жителя этих мест, коим, без всякого сомнения, является ворона. Одним словом — пришла весна, и выползло и вылезло все живое, что пряталось суровой зимой в ямках, расщелинах и норках.

Аарыма и Кылбара с того самого печального момента, когда старый волк распластался на последнем снегу своей жизни, ни в какие передряги больше не попадали. Хорошо перезимовали и встретили весну. Как только солнце стало пригревать, волк все чаще стал задумываться о том, чтобы вернуться в родные края. Вскоре это стало заветным желанием, и потому сегодняшней прохладной ночью они пересекли Большую речку и теперь держали путь строго на юг.

...Сердце Матерого забилося, когда они вошли в знакомый ему до боли алаас. Аарыма как сейчас помнил день, когда двуногий сосед не выстрелил в него, чем несказанно удивил волка и изменил его отношение к двуногим. Аарыма провел Кылбару к своему любимому месту в алаасе своего детства — на один из заброшенных ётёхов с одинокой старой сосной, где они и отдохнули. Весенние ночи коротки, и, едва забрезжил белесый рассвет, волки пересекли большую дорогу.

Только сейчас Аарыма почувствовал, как его отпустила тоска по родной земле, прошла накопившаяся усталость и вновь заиграла кровь. Ему стало легко и свободно. Совсем как в детстве, когда жизнь кажется счастливой и бесконечной. Взрослый волк не смог сдержать вспыхнувшего вдруг игривого настроения — он слегка укусил за загривок идущую рядом Кылбару и, оглядываясь, пустился бежать от нее...

Табунщик по имени Алексей, живший в соседнем наслеге, южнее, ехал верхом в сторону западных алаасов, чтобы проведать недавно отогнанных на дальние пастбища лошадей. Солнце уже поднялось выше верхушек деревьев. Стоял прекрасный весенний день, и у человека в глубине души теплилась робкая надежда на то, что Байанай подарит встречу с первым селезнем этого года. А чем черт не шутит!

Вдруг всадник заметил какое-то движение на пригорке старой заброшенной усадьбы, где обычно никого не бывает. Щурясь и прикрыв глаза от солнца ладонями, кое-как разглядел резвящихся собак — большую и маленькую. «Откуда здесь собаки?» — подумал Алексей и тут же понял, что это волки. Он пришпорил коня и вскоре наткнулся на следы зверей, перебежавших дорогу. Лошадь под седлом

брезгливо фыркнула, и он убедился, что это действительно серые хищники. Кольнула неприятная мысль: у его косяков появились опасные соседи.

Алексей спешился, чтобы изучить следы. Он с удивлением рассмотрел со всех сторон огромные отпечатки лап, оставленные одним из волков. Такие большие лапы раньше здесь были только у местного волка, но в последние годы он куда-то пропал и его никто не видел. Тот волк лошадей не трогал, с людьми вроде как не конфликтовал. В ту пору, когда здесь прокладывали просеки, немало бед наделали пришлые серые разбойники. Ну и еще был большой шум, когда волчьи стаи с другого берега большого ручья решали, где будет место нового гона. Также было известно, что местный волк почему-то не сошелся с тем самым человеком, как раз в сторону которого ехал Алексей. Говорили, что тот табунщик, защищая своих лошадей от волков, даже запирали их всех в одном большом загоне. «Надо заехать к нему и рассказать эту новость», — решил Алексей.

Аарыма хоть и заметил всадника, но от захлестнувшей его радости возвращения на родину не придавал этому значения. Сейчас для него не было ничего важнее и дороже едва пробивающейся зеленой травки нового года и витающего в воздухе умопомрачительного запаха распустившейся лиственницы, от которого кружится голова. Его душу переполняла нежность. Даже если бы сейчас он встретил своего самого лютого врага, не стал бы нападать на него и драться с ним.

В Аарыме проснулись вся нерастроченная нежность и любовь, в которых теперь, как в лучах весеннего ласкового солнца, купалась красавица Кылбара.

Над алаасом с танцующими влюбленными волками плыли белоснежные облака.

Светлана МИХЕЕВА

ЯБЛОКИ НА СИНИХ ПЕРИЛАХ

* * *

В горьких сандаликах тихо
осень стоит за деревом,
не узнает ничего.
И узнавать-то нечего —
нет никого.

Только яблоки на синих перилах
блещут боками,
заигрывают с богами,
в землю ныряют,
в темные прятки играют.

Осень вокруг качается,
будто со всем прощается,
яблочными головами
шлет последний привет,
в этом привете сладость,
в этом привете слабость.
После чего садится
на старенький велосипед.

Рулит по дачной кромке.
В травах скрипучих, ломких
веселится ржавчина
солнечного огня,
выгрызает серединку,
по ветру шлет былинку,
яблочком куролесит
по сердцу, по блюду дня.

Мы притаились как бабочки,
как жуки или палочки.
Спрятались под крылечком,
чтобы нас не нашли,
осенью притворившись,
девчонкой в глупых сандаликах,
яблоки золотые,
темные и пустые,
нарядные, завитые
вихри сырой земли.

Боровск

Сели на жердочку, тонкую лавочку.
Видим, что снег.
Кружит у башни, блуждает вдоль стенок,
как старикашка, сгибающая коленочки,
как человек.

Ползает мимо кровавого белого
в пустыни лет.
В этом чистейшем пространстве евклидовом
скоро обед.

Призраки иноков щемятся в трапезной,
под ноги зрят,
ибо от немоции несокрушимы
под полом рушатся узы фальшивые,
камни горят.

В горло кусок не идет, как подумаешь,
как ни юли.
Мы приближаемся к книге молчания
после того, как любви и отчаянья
книги прочли.

В сонмах фигур, проплывающих над полом
бродит озноб.
Словно Господь их опять переспрашивает:
где протопоп?..

* * *

Остров вынырнул, точно пловец.
Если можешь, лови
голоса этих тонких телец,
свет в усталой крови,

запредельный сигнал.
Обитателей сумрачных мест
напугал, разогнал
луч, вошедший в подъезд.

Ключ, вошедший в замок,
открывает внутри имена:
мы, ступив на порог,
возвратились из долгого сна,

пересилив волнение,
придав перспективу чертам,
предприимчивым зреньем
по новым расставив местам

все известные вещи,
нащупывая в белизне,
точно сеточку трещин
на старой безвестной стене.

И пока уплывает река,
посмотри на нее из окна,
да, добыча невелика —
остров, память, стена.

Может, лодка-другая,
из тех, что заходят на остров извне.
Вечность предполагая,
стой со мной на пустынной его стороне.

* * *

На поле, безветрием взяты в полон,
страдают бездвижные хрупкие рати.
А воздух, дрожащий от яда времен,
ложится и бредит на узкой кровати.
Он болен, такие идут до конца.
Сломив дождевую волшебную ветку,
орешник внимательный в позе писца
согнулся над столиком в черную клетку.

Он пишет травы куликовский урок.
На мреющих сопках, как древние книги,
уже оцутимо шевелят песок
из пушек палящие архистратиги,
но все же еще не вошедшие в раж,
и в этом начале дрожит узнаванье:
предчувствие прошлого, горькая блажь —
одно расставанье на все расстоянья.

Слепое сверканье событий и дней
свивается в молнию в это мгновенье
и топотом тысяч тяжелых коней
вторгается в комнату без разрешенья.
Фантомы склоняются лицами в явь,
где жаждут себя обрести без возврата.
Орешник пускает по струночке вплавь
остатки больного осеннего злата.

Топорщатся ветры, вопят: не пуцать!
И гонят листву, и полощут знамена.
И воздух, раздумав сейчас умирать,
целует раненья победного клена.
У дома струится слепая вода
в своем искупительном праве рожденья.
И женщиной медленной входит сюда
без предупрежденья.

Виктор ТЕН

ПАВЛИН

П о в е с т ь

Январь 1998-го ничем не отличался от других индийских январей и встретил путешественников зноом.

— Where is city?!*

Пожилой таксист в фиолетовой чалме удивленно обернулся:

— Here is city**.

— Where?!

Индус показал на самые большие трущобы на самом трущобном континенте.

— Here.

— Вставляет! — сказал Павел. — Эти картонные многоэтажки — как фараоновы пирамиды.

— Я думал, что Бомбей — это Бомбей, а трущобы отдельно, — обернулся сидевший рядом с водителем Михаил. — Интересно, какая будет гостиница?

— Судя по тому, как долго таксисты обсуждали, где это место, туда лучше не соваться. Вообще, что это за сюрприз? Я планировал из Бомбея сразу рвануть в Палолем.

— Дался тебе этот Палолем! Вот давай не будем планы ломать.

— Да ладно! С тебя в визовом центре потребовали бронь в гостинице, ты и оформил. А с меня почему-то нет, там смена была другая. Сами написали от фонаря и отправили в консульство. Сколько ты заплатил? Тысячу? Две? Давай отдам половину — и едем в Гоа. Помоему, туда проще добраться, чем до этой гостиницы.

— Нет! Вот давай сразу договоримся: все будет по плану!

— По какому?! Когда обсуждали маршрут, ни о каком отеле в Бомбее не было и речи.

— Не надо ныть!

— Что?!

* Где город?! (искаж. англ.)

** Здесь город (искаж. англ.).

Впрочем, Павел не сказал «что», только подумал, удивленно глядя на лысину, окаймленную горжеткой редких волос. Похоже, в Михаиле проснулся мент, назначивший себя верховодить в поездке.

Знакомы они были давно, более двух лет, и ни разу не ссорились, потому что оба были просто мужиками, просто пьющими пиво в пивной. Их свел популярный бар городского пивзавода, где живое пиво в кружке стоило дешевле, чем убитое в бутылке. Это привлекало, ибо повсюду было наоборот.

За пивасиком Михаил рассказывал о своих давних подвигах за бургром — в США. Павел слушал его, восхищаясь.

Заурядная личность, инженер-экономист бумажной компании, он с детства мечтал о дальних странствиях и вот решился. Выяснилось, что для Америки, в которую в конце восьмидесятых Михаил влетел с одним молоткастым-серпастым, теперь требуется куча-мала документов. Да и страна эта со всей ее цивилизацией, где даже сточные воды пахнут отдушками, его не привлекала. А вот Индия, с ее естественным колоритом, манила.

Удивив знакомых своим тихим, но решительным «Еду!», отступить Павел Локотов уже не мог. Неужели он хоть раз в жизни не способен проявить характер? Может, и отступился бы, если б не жена, открыто насмеявшаяся над его затеей. Она считала его лопухом и откровенно презирала еще с приватизационных времен. На это у нее были веские основания. Люди на пустом месте деньги делали, а он семь миллионов проворонил.

— Не могу я друга предать! — убеждал Павел жену. Та нарочно громко хлопала проржавевшей дверкой старого холодильника. — Ваньков друган мой еще со студенчества! И я же его уговаривал на комбинат вернуться, когда Пухно вывалили в Шаню!

В разгар приватизации заводы часто скатывались к черте выживания — благодаря субъективному фактору, говоря газетным языком. Их валили собственные управленцы с целью скупить у работяг акции за бесценок, а то и взять даром. Это была тонкая игра, когда счета следовало почти обнулить, чтобы месяцами не платить рабочим, но в то же время не переступить порог банкротства, когда назначалось внешнее управление. Оголодавшие работяги сдавали акции в дирекцию в обмен на собственное жалованье, заработанное трудом и потом. Именно так руководил Пухно.

Экономист Локотов видел, что объективных причин опускаться до плинтуса не существует. Сырья, целлюлозы и макулатуры, хватало, и продукция востребована, невзирая на кризис. Разница состояла только в том, что былой совдеповский дефицит приказал долго жить, и девчата из отдела сбыта теперь крутились как белки, а не жевали целыми днями напролет конфеты «Белочка» производства местной кондитерской фабрики, которые им коробками таскали в былые времена представители торговли, налетавшие со всей страны кланчить о поставках.

Да и кондитерка накрылась, а ее бывший директор, продав все оборудование, теперь продавал недвижимость, включая пионерлагерь и базу отдыха в Геленджике.

Когда рабочие, войдя в кабинет Пухно, подняли его в кресле на руки, пронесли до ближайшей излучины реки и вывалили в воду, Локотов первым предложил ехать на поклон к Ванькову.

Ваньков, бывший главный инженер, уволившийся по собственному желанию от афер Пухно подальше, занимал аналогичную должность на целлюлозно-бумажном комбинате в Сибири. Предложение заставило его страдать труднейшей из проблем — выбора. Но это была слезная мольба бедных людей, которых он знал полжизни, и его сердце, благополучно пережившее два инфаркта, дрогнуло. Они с женой возвратились в дом ее матери.

Спустя примерно год акции провинциальной бумажной фабрики высветились на табло у Чубайса, в главном приватизационном центре на Старой площади в Москве, как самые дорогие в стране. Активы котировались выше нефтяных и газовых. Туалетная бумага, кто бы мог подумать! На завод зачастили журналисты и алчные рты. Началась ожесточенная борьба за контрольный пакет. Даже знаменитая английская фирма «Пектор энд Гумбл» прислала своего эксперта, который дал заключение, что завод не только жизнеспособен, но и развивается. А если еще избавиться от пережитков социализма, всякого рода непроизводительных трат и непрофильных активов, то прибыль можно удвоить. Англичане включились в скупку акций наряду с хваткими москвичами.

Ваньков развесил на всех проходных плакаты: «Товарищи рабочие! Не продавайте свой завод! У меня, как у вас у всех, ровно 21 акция, я их никогда не продам! Мы сильны, пока вместе! Наш комбинат не имеет долгов, заработная плата выплачивается своевременно. Мы развиваемся. В Германии заказана новая бумагоделательная машина. Давайте и дальше вместе жить и работать! Не продавайте свой завод!»

В это время кто-то распустил слух, что акции — это не деньги, которые лишними не бывают. Акции, оказывается, могут оказаться лишними! Достаточно кому-то скупить пятьдесят процентов плюс одна акция — и остальные уже никому не будут нужны. Или как минимум резко упадут в цене. Народ выстроился в очереди к скупщикам. Все, кроме Ванькова и Локотова. В среднем пакет из двадцати одной акции давал семь миллионов рублей — бешеные деньги. Бумажники, набив карманы и сумки дензнаками, арендовали автобусы и ездили шумными толпами в Москву и Петербург за покупками. В дома вползали гарнитуры на рахитичных ножках. Старые холодильники вывозились на садовые участки и переделывались в коптильни. Стало зазорно не иметь телевизора в ванной. Этот праздник приобретательства не только утолял вечную жажду, но и удовлетворял самолюбие бумажников на фоне унылых взглядов голодающих работяг с других предприятий, которые толпились в другой очереди — в отдел кадров бумажного комбината.

Победили молодые, азартные москвичи с чемоданами денег непонятного происхождения — благодаря агрессивному стилю скупки акций. «Пектор» тоже продал им свой пакет ввиду явного отставания в темпах.

Новые хозяева начали с того, что уволили всех, кто перешагнул пенсионный возраст, а таких набралось почти четверть, около пятисот человек. Одержавшие победу плохиши громко хохотали, узнав, что на заводе работает женщина 1906 года рождения. Устроившись еще девочкой в 1920-х годах, тетя Таня трудилась в войну мастером, успешно заменяя нескольких мужчин. В описываемое время в ее обязанности входил уход за цветами, которых в цехах традиционно было множество. Передвигаясь от окна к окну странной прыгающей походкой, не прямо, а боком и галсами, худенькая старушка с маленькой леечкой в руках неизменно вызывала улыбку у всех встречных работяг. Девчата поверяли ей сердечные тайны, женщины плакались в передник, парни и мужики весело орали: «Здоров, тетя Тань! Как жизнь молодая?» — и считали за удовольствие перемещать горшки и кадучки по ее просьбам. Жизнь у тети Тани неизменно была прекрасной. Ваньков не без оснований держал ее за главного психотерапевта: видеть бодрого девяностолетнего человека — это само по себе внушало оптимизм. Тетю Таню уволили, а кадки с возвращенными ею пальмами и плетистыми розами сбагрили московским флористам. Те заплатили больше, чем тетя Таня заработала за всю свою жизнь. Цветы перестали украшать праздную, с многочисленными перекурами, жизнь рабочего класса и украсили тяжелые трудовые будни банкиров.

На освободившиеся после увольнения пенсионеров места новых рабочих набирать не стали, нагрузку переложили на оставшихся.

До сих пор рабочие были уверены в том, что уж если они работают на бумажном комбинате, бумагу ни они, ни их родственники и знакомые в магазинах покупать не должны. Их быстро в этом разубедили, посадив пятерых и уволив за мелкое воровство человек двести. Хватило всего двух рейдов, так как рулончики изымались на каждой из пяти проходных почти у каждого. Заодно на всякий случай избавились от профсоюза: всех, кого поймали, то есть большинство, перевели на временный трудовой договор, предложив выбирать между ним и увольнением. Коллективного договора не стало, а с ним и коллектива со столетними традициями.

Далее молодые москвичи начали разбираться с непрофильными активами. Продали Дворец культуры, сняли с баланса дачный кооператив, в котором сразу же пропали вода и электричество. Многие рабочие десятилетиями пользовались участками под картошку на территории подсобного хозяйства. Их повыгнали, заводской подхоз в пять тысяч гектаров ликвидировали, земли распродали под коттеджное строительство. Ввиду этого бедствия как-то незаметно, тарелка за тарелкой, ускользнули в небытие бесплатные обеды, которые готовились в заводских столовых из качественной продукции подхоза. Далее начали

разбираться с огромным ЖКХ и прочей «социалкой». Жильцов общежитий, у которых, разумеется, не нашлось ордеров, выселили хитро, в два этапа. Вначале общаги переоформили в «гостиничный тип жилых помещений» и довели плату до уровня отелей. Когда накопились неплатежи, обитателей выселили по закону, «стимульнув», как положено, судей, а здания продали. В одном на самом деле устроили гостиницу, которая приносила неплохой доход. Нашлись покупатели и на заводской пансионат в Анапе.

Этой периферии за глаза хватило москвичам на компенсацию затрат, связанных с приобретением контрольного пакета. Получалось, что сам завод они взяли даром.

Жилые дома перестали содержать, и в них пропали привычные удобства. Закрыли общедоступную баню, бесплатную для рабочих комбината. Там устроили элитную сауну с огромным бассейном и банкетным залом, в которой принимали далеко не простых особ. С загадочных «корпоративов» доносились голоса Моисеева, Киркорова и прочих примадонн, которые подкатывали в затемненных лимузинах длиной в полкилометра.

Закрытие бани возмутило бумажников больше всего. Они и не догадывались, какое огромное место занимал еженедельный банный ритуал в их жизни. Вдруг выяснилось, что именно их «банька», выстроенная из плинфового кирпича еще в восемнадцатом веке, в которой парились не только отцы и деды, но и деды дедов, была истинным центром всего бумажного сообщества.

Даже категорический запрет перекуров ударил не так сильно, как закрытие бани. Новые хозяева ввели систему штрафов, благодаря которой довели зарплату до разумного, на их взгляд, предела: среднего по региону, что означало снижение в разы. Один перекур стоил треть месячного заработка.

Бумажники потащили благоприобретенные холодильники и телевизоры на рынок, где отдавали за бесценок, потому что предложение далеко опережало хилый спрос.

Однако эта картина отнюдь не расхолаживала антилокотовский пыл его дражайшей половины.

— Люди хоть попользовались! А ты такие деньги потерял! Семь миллионов! Ворона! Книжки надо меньше читать, умней станешь, а то и жуешь с книжкой! И писать в стол фанаберию всякую. Вот кому твоя книга «Последнее дело Пушкина» нужна? Все равно никто не опубликует. Чего теперь стоят твои акции-то, олух ты царя небесного! Ваньков ему дался. Вон твой Ваньков — на участке копается, руки потрескались все! Директор, твою мать, в цыпках!

Сама Локотова отношения к бумажному комбинату не имела, преподавала в школе информатику.

Бывший директор, забрав трудовую книжку, теперь не знал, куда податься, и временно жил небольшим огородиком у дома своей тещи.

Стоически приемля судьбу, он не отвечал ни на чьи вопросы. Здравовался, улыбаясь одними глазами, полными невероятной сини, и вновь погружался в работу с тяпкой или лопатой в руках. Между тем у рабочих, которые в период ажиотажа с продажей акций при встречах с Ваньковым опускали глаза, теперь вдруг нашлись к нему вопросы. Свесившись через плетень, подпитые работяги, особенно бывшие, безжалостно уволенные новыми хозяевами, пытали не раз:

— Ну, что скажешь? Расскажи, как ты весь завод продал! Ты директор был, ты и отвечай! Мы — рабочий класс, понял? Рабочий класс ни за что никогда не отвечает. А ты руководитель был и разбазарил все. Такой завод! Иди теперь моих детей корми, гад! Ты думаешь, свою картошку жрать будешь? Я приду, выкопаю для своих детей голодных, и ты ничего мне не сделаешь. Мы, рабочий класс, тебе верили, а ты?.. Чтоб ты сдох, падла!

Между тем Павел считал, что им, бумажникам, в отличие от многих других пролетариев эпохи перемен, повезло уже во второй раз. Молодые москвичи по тактике являлись жестокими монетаристами, но стратегически продолжали ваньковскую линию, а не линию Пухно: развивали, а не разваливали производство. К дельным советам они прислушивались. Например, Локотов предложил на одном из совещаний отменить германский заказ на машину по производству газетной бумаги. Он тогда временно замещал главного экономиста: бывший, пенсионного возраста партиец, умер от инфаркта в кабинете гендиректора, не выдержав разговора. Нового с нетерпением ждали из мест не столь отдаленных.

— Бумагоделательная машина — это, считай, целый завод. У нас на весь комбинат их пять. Очень серьезное вложение. Я Ванькову говорил, но он традиционалист, а тут такое дело...

— Какое дело? — насторожился генеральный, бывший спортсмен, около тридцати от роду, всегда в строгом костюме, который не портил его подтянутую, но уже начавшую слегка раздаваться фигуру.

— Видите ли, бумагоделательную машину устанавливают не на год и не на пять лет — на несколько десятилетий. Достаточно сказать, что под нее надо строить отдельное здание. У нас одна машина полвека работает. Следовательно, надо думать не на год-два, а на десять лет вперед как минимум.

— И что же вы думаете?

Локотов с трудом выдержал направленные на него взгляды двадцати пар глаз, из которых половина были почти незнакомы. Продолжил, переведя дыхание:

— Думаю, что высокий спрос на газетную бумагу со временем резко упадет. Правда, не знаю когда. Лет пять — десять. Уже много электронных изданий появилось, да и телевидение развивается жуткими темпами. Тогда, я думаю, даже у Балахны начнутся большие проблемы, потому что в нашем деле переориентация дорого стоит. Это не токарные станки поменять.

— Понял! — резко бросил гендиректор. — Предложение какое?

— Если средства есть, закупить машину по производству подгузников.

— Сомневаюсь, что в этой стране люди массово перейдут с пеленок на подгузники. Это еще почти экзотика, — сказала начальник планового отдела, полная дама цыганской внешности. — Мы этот вопрос уже обсуждали при Ванькове, — пояснила она генеральному. — Лично я против. И зачем возвращаться, не понимаю.

— Когда я был студентом, — сказал Павел, — туалетная бумага была экзотикой. Казалось, а газеты тогда зачем? А теперь? У кого есть знакомые, которые пользуются газетами? То же будет с пленками. Если во всем мире их уже не используют, почему вы думаете, что у нас будет по-другому? От общих тенденций мы никуда не уйдем, если страна открыта.

— Чел вопрос задал, — сказал генеральный. — Колемя все: у кого есть друзья, которые газеткой подтираются? Может быть, из присутствующих кто?

Воцарилось плотное молчание, нарушаемое, как трясина хлопками исходящих газов, смущенными смешками.

— Не знаю, как другие, но я даже на зоне... — начал было главный бухгалтер.

— То-то, — быстро перебил его генеральный. — В этом предложении что-то есть.

Сказал — и перевернулся вокруг оси на вертящемся мягком стуле, демонстрируя со всех сторон свой великолепный костюм, застегнутый на одну пуговицу.

«Дети!...» — подумал Павел. Генеральный одевался и вел себя «повзрослому» слишком заметно, чтобы в это можно было поверить. Если Ваньков был общедоступен и нуждался в секретаре лишь во время своего отсутствия на заводе — чтобы было кому отвечать на вопросы о директоре, то новый генеральный обзавелся целым штатом референтов, как они именовались. Доступ к нему был организован в виде многоступенчатой пирамиды. Но однажды Локотов застал гендиректора, когда тот, задрав кверху ноги, весело вертелся на стуле ценой в автомобиль. Референт был тут же, как только вбежал вслед за Павлом, уволен за то, что замешкался.

«Дети!.. И спортсмены, и бандиты, и гендиректора, а как были детьми, так и остались».

Спустя неделю Локотова вызвали в бухгалтерию и вручили премию в размере — подумать только! — полугодовой зарплаты. «За проявленную инициативу», — значилось в приказе. Это было ново. В старые времена инициативу как таковую не поощряли. Вначале внедряли, потом поощряли, если была прибыль. Локотов не раз получал «радухи» за оптимизацию труда, всегда очень небольшие. А тут — полугодовая зарплата за одну только инициативу. А если он неправ? Выходит, что

молодые высоко оценили инициативу по факту, а не результатам. Стимулируют, чтоб люди мозгами шевелили и не боялись предлагать. Это наводило на интересные мысли по экономике. Говорило о смене парадигм. Объясняло жесткие зачистки некреативного балласта.

Заказ на машину по производству газетной бумаги был дезавуирован с выплатой штрафа и заменен на другой: тот, что предложил Павел. Вовремя он выступил: в Германии машину еще не начинали делать в натуре, только на бумаге.

Перед супругой он не стал хвастать своим успехом. Премию вложил в валютный депозит — для Индии.

В Новый год она не утерпела, съехидничала:

— Поздравляю с возвращеньцем! Ну что, съездил в свою Индию? Что я говорила? Ой, не смехи меня!

Внутренне он уже побывал в Индии, точнее, она в нем. В интернете он познакомился с девушкой Натой из Питера, которая настоятельно советовала ехать в Палолем, потому что «земной рай и дешево». Духовно он уже обжился в дешевом раю под пальмами. Но это был не поступок. Даже наоборот: противоположность поступку, как любое отвлеченное мечтание.

— Эй, Палолем! Белье бы занес с мороза! — выкрикнула супруга в форточку тридцатого декабря.

Сразу после праздников он написал заявление на отпуск в феврале.

— Ты что, один собрался? — спросил Михаил в пивнушке.

— А что? Ты же в Америку один ездил.

Павел никого не просил составить ему компанию. Не было смысла: все считали, что надо пользоваться услугами турфирм. Но разве это будет поступок? Да и денег потребуют невозможных, восемьдесят тысяч. А за что? Привезут, бросят в захудалую гостиницу вместо обещанных звездочек, а через десять дней выгребут. Одно слово, что побывал в Индии. Да и жена категорически не одобрит такой огромный расход. Всенепременно в турфирме вынюхает, сколько он заплатил. Тогда — прощайте крохи домашнего покоя, которые он еще имел после чертовой приватизации. Расходы необходимо было скрыть, а это означало одно: отправиться дикарем. В таком случае супруга не будет против: хрен с тобой, седина в голову, бес в ребро, хоть отдохну от тебя. Может, сгинешь там.

— Ты прав, — сказал Михаил, прихлебывая пиво. — Еще добавь, что все десять дней будешь прикидывать, насколько тебя в турфирме обули в шлепанцы. А тут два месяца и дешевле втрое. А если жаться, то и меньше.

— Да я в любой хижине могу, — сказал Павел. — Были бы вода и хлеб.

— А что, — добавил Михаил, отламывая рыбий хвост, — начинаю я про Америку рассказывать, все спрашивают: когда это было? Десять лет назад, говорю. Это уже не кóтит. Наверно, я с тобой смотаюсь. Буду про Индию рассказывать.

Таким образом они вдвоем и оказались в Бомбее, где к великому изумлению узнали, что это то самое место, где туземничали прославленные Ильфом и Петровым мумбо-юмбо. Португальцы, не расслышав мягкий местный говор, назвали место Бомбей. Но теперь историческая справедливость восстановлена: Мумбоюмбаи, сокращенно Мумбаи.

...Выгрузились из такси на пяточок асфальта у убогой, без собственной территории, гостиницы в Новом Мумбае — совсем другом, еще более трущобным городе, чем Бомбей. Похоже было, что отель возводился самостроем из чего ни попадя.

— *Russia is friend of India**, — встретил их, улыбаясь, сморщенный низкорослый портье, выдавая ключ и покачивая при этом головой из стороны в сторону.

Данный отрицательный, по нашим понятиям, жест у индусов означал не просто одобрение, а — вах-вах-вах! — восхищение. Обслужил — и обратился с молитвой к алтарю, оборудованному за спиной. Там в венке из живых цветов красовался Ганеша с длинным хоботом, тлела лучина из ароматической древесины.

Оказавшись в номере, подумали было, что пахнет недавним ремонтом. Но, оценив степень обшарпанности стен, отказались от этой мысли. Выяснилось (обнаружили, выдвинув ящик тумбочки), что весь номер буквально завален шариками дешевого китайского нафталина. Долго собирали химию, находя ее в самых немыслимых местах, даже в раковине умывальника. Собрали, засунули в несколько полиэтиленовых пакетов, и все равно находиться в номере, в котором не было окна, было невыносимо.

— Здесь все провоняло нафталином, — сказал Михаил, ворочаясь. — Без крепкого пойла не уснуть.

Они прилегли было отдохнуть после ночного перелета, но оказались вынуждены пойти на поиски алкоголя. И тут первое поражение: где находится «вайншоп», никто не знал. Они решили, что винные магазины называются как-то по-другому, и стали спрашивать, где можно купить вино, или ром, или виски, — но этого никто не знал окрест. Они буквально проштопали вдоль и поперек квадрат в два километра своими ногами, как иглами. Устав бродить по солнцепеку, Павел, в кепке с козырьком, и Михаил, повязавший на голову большой белый носовой платок, оказались рядом с повозкой, запряженной зебу с ярко окрашенными огромными рогами. На повозке с ананасами сидел молодой деревенский парень почти черного цвета и глядел на них широко раскрытыми глазами.

— Видимо, в этой дыре европейцев не бывает, — сказал Павел. — Вот ведь занесло. Зри, каковы тротуары. Это ведь сточные канавы, прикрытые плитами.

— Будь спок, — сказал Михаил. — Прорвемся.

* Россия — друг Индии (англ.).

Они купили сочный ананас, утолили им жажду и побрели по пустынной по азиатским меркам улице. Так, не более двух магазинов на каждые десять метров и не более ста человек, раздражавших своей бесполезностью, ибо никто не знал, где можно купить ром, или водку, или виски, или... Хоть что, но с градусами!

— Что за народ? Что за мужики?! — Здесь они были солидарны.

И вдруг наткнулись... Оказалось, что в Индии тоже пьют. Не нашему, но наповал. Только наповал и никак иначе. Тощие индусы, ничего не имеющие на себе, кроме застиранной в холодной воде тряпки, способ обмотки которой напоминал чалму вокруг гузна, покупали чекушки рома, выпивали здесь же, на месте, и укладывались на запыленную, замусоренную поверхность. Прямо поперек узенького тротуара. Ноги не помещались, их вытягивали на проезжую часть. Тот, кому не хватало места в пределах прилегающего к лавке узкого тротуара, простирался на проезжей части целиком. Его объезжали, громко клаксона, автомобилисты, рикши, через него переступали зебу, но это несколько не беспокоило лежащих, равно как и полицию.

— Русским спиртное для общения, а индусам для медитации! — воскликнул Павел.

Его поразила эта мысль, говорившая о противоположности культур в одном из основных моментов. Если не в главном. Они с попутчиком живо обсудили этот момент, и Михаил напомнил — Ельцин на вопрос, какие у него отношения с Горбачевым, отвечал: я с ним не пил. И все было ясно. Значит, он ему никто и звать его никак.

Подивившись на валяющихся людей, чьи души не пересекались в безоглядном общении, а гарцевали где-то на отлете каждая сама по себе, друзья не сразу поняли, что это на самом деле не безобразие, а таков индийский порядок. Недеяние уважалось в Индии в любом обличье, даже небезопасном, — осуждалось действие, даже вполне невинного свойства. Это они вскоре почувствовали на собственной шкуре.

Описываемая винная лавка оказалась в десяти шагах от гостиницы, они набрали на нее случайно, возвращаясь в отель после долгого, изнурительного путешествия. Изнуряла не только жара, но и запах сточных вод, текущих в открытых канавах. Они пахли не отдушками, а переработанной жизнью. Видимо, местное население, в отличие от американцев, не пользовалось пахучими средствами гигиены. Тем не менее в отель «Нафталин» возвращаться не хотелось. Но пришлось: не пить же на маленьком грязном пяточке среди медитирующих на асфальте индусов.

Просыпались ночью несколько раз, чтобы проветрить комнату кондиционером, у которого был только один режим: пронизывающий ледяной ветер. Хотя, казалось, им должно было быть фиолетово после ноль седьмой бутылки рома в сорок три оборота. Вот как пробрал нафталин! До нутра, до костного мозга.

У Павла этот запах ассоциировался со смертью. В глубоком детстве, когда кто-то умирал, у мальчишек в маленьком городке было

развлечение: сбегать «посмотреть на покойника». Всегда среди взрослых находилась какая-нибудь добрая тетка, с елейной миной раздававшая «деткам» припасенное «на смерть» печенье, которое полагалось вежливо грызть. Пересушенная гадость, провонявшая нафталином, потому что покойница-бабка, прикупив «на смерть», лет десять прятала его от всех в сундуке с тряпьем! Для малого Паши Локотова происхождение запаха было загадочно, и он решил, что так пахнет смерть.

— Возможно, нафталин и сводил людей в преждевременные могилы, — сказал он Михаилу за распитием рома. — Недавно выяснилось, что это один из сильнейших канцерогенов на планете. Понюхал годик — и каюк.

В его родном городке все пожилые люди жили в нафталиновой атмосфере: берегли свои тряпки от моли.

Наутро, вместо задекларированного завтрака, портье, посоветовавшись с Ганешей, который, видимо, тоже считал, что «Раша из френд оф Индия», потребовал с них еще пятьсот рупий, сославшись на какой-то «дисконт» по брони. Упомянул брата-полимена и их вчерашнюю пьянку.

Заплатил Павел. Этот день вообще оказался богат на непредвиденные расходы.

В Колабу, колониальный центр Бомбея, они приехали на такси около двенадцати. Зазывалы на набережной приглашали на остров Элефанта, но Михаил с ходу пресек желание Павла потратить двести рупий на поездку туда-обратно и предложил прогуляться по набережной.

— Что там делать? Какие-то пещеры монашеские. Лично меня они совсем не интересуют, только деньги тратить. Здесь погуляем, посмотрим, выпьем. Мы в Бомбее, Павел!

— А ты уверен, что на набережной пить можно?

— У меня фирменная фляжка, еще с Америки! Там хоть что пей, только не из бутылки. Если у тебя все культурно перелито во фляжку, кому какое дело, что ты пьешь? Думаешь, в этом Джипсиленде более строгие правила? Да это международные нормы! Где Америка, а где эти обезьяны?!

В первый же день он начал называть Индию Джипсилендом, потому что индусы походили на цыган, и сравнивать с Америкой. Немыслимым образом превосходство США над Индией оборачивалось превосходством Михаила над Павлом.

— Америка далеко, а... — Локотов не успел закончить довод.

— Грязный Джипсиленд! — воскликнул Михаил, высокомерно взирая с чистой набережной на отмель, где пустые пластиковые бутылки бились о каменную отмостку. — Надо же так все загадить!

— В Тихом океане недалеко от Калифорнии плавает целый остров пластика размером с Техас. Ниже Нового Орлеана в Мексиканском

заливе мертвое пятно больше Нидерландов. Питер больше Нового Орлеана, а Финский залив не отравлен, в Неве съедобную рыбу ловят. Уж если кто гадит на весь мир, то именно Америка.

— А плевать они хотели на весь мир. И правильно делают. У них дома чисто? Чисто. А до всяких недоразвитых им дела нет.

— Ты в самом деле так думаешь? Что это правильно? Что пять процентов населения Земли потребляют тридцать процентов мировых ресурсов, а отходы сваливают в общий океан? Это правильно?!

Постепенно Павел начал защищать себя, ругая Америку, хотя понимал, что это навязано ему попутчиком.

— Правильно! Они это заслужили!

— Чем?

— Тем, что сильнее всех, — безапелляционно сказал Михаил, делая серию больших глотков из фляжки.

Они двигались от Ворот Индии в сторону океана по огромной безлюдной набережной. Почти безлюдной. Сзади их догнала семья индусов: мужчина в наглаженных брюках и белой сорочке, женщина в нарядном сари, мальчик лет семи. Мальчик захотел сфотографироваться с иностранцами, мужчина вежливо попросил об этом по-английски и отошел с фотоаппаратом. Мальчик встал между Михаилом и Павлом и неожиданно схватил их за руки. Локотов подержался за маленькую ручонку, а Михаил резко отдернул, достал бактерицидную салфетку и начал протирать свою руку.

— Ты бы хоть не при них, — упрекнул Павел, когда индусы ушли. — Знаешь, как они обиделись?

— А мне похер, — с вызовом сказал Михаил. — Будет всякое цыганье за руку хвататься. Он, может быть, заразный какой. Надо выпить на всякий случай.

И он вновь приложился к блестящей металлической фляжке.

— Накати. Мы в Бомбее, Павел!

Локотов глотнул, отвернувшись к океану, и они пошли дальше. Спустя минуты три Михаил задумчиво произнес, пряча фляжку в рюкзак:

— Что-то мне подозрительно: кому индус звонил? Как раз, когда ты пил...

У Шутина было бродяжье чутье на грядущие неприятности.

— Какой индус?

— Который к нам подходил фотографироваться.

— С семьей? Которые впереди?

Михаил не успел ответить: к ним подкатил полицейский джип. Оттуда вышли два коричневых полисмена, похожих на уборщиков улиц, переодетых полицейскими. Один из них, тучный, как Ганеша без хобота, но говоривший таким голосом, как будто был с хоботом, бесцеремонно полез в карман рюкзака Михаила, вынул фляжку и резким жестом пригласил в машину.

Второй сел за руль, и они поехали. Но не в участок, а за ближайший поворот. Здесь один из полицейских потребовал паспорта и сунул в бардачок.

— Russia is friend of India, — сказал сидевший за рулем и выразительно посмотрел на арестантов в зеркало.

Наступило тягостное молчание. Полисмены чего-то ждали, ничего не объясняя. Павлу показалось, что, кроме этой фразы, они не знают по-английски ни слова. Объяснялись на местном мягком наречии, судя по краткому телефонному разговору одного из полисменов с кем-то.

Минут через пять в окно джипа со стороны Михаила просунулась молодая улыбчивая физиономия.

— Russia is friend of India, — радостно воскликнул паренек, заулыбался и затряс головой.

— Что ему надо? — спросил Павел.

— Ты не понял? «Раша из френд» значит: бабло гони. Во всем мире так.

— В Индии пить спиртное на улицах запрещено, — продолжал радовать симпатичный индус. — Штраф пять тысяч рупий или депортация в течение суток.

Полисмены сидели и смотрели прямо перед собой, как будто происходящее вообще их не касалось.

— Вот тебе и обезьяны, — сказал Павел по-русски. — Видимо, штраф заплатить придется. Я не хочу в тот же день обратно. И не могу. От жены придется скрываться.

— А кто платить будет? — раздраженно спросил Михаил.

— Попролам. Думаю, без протокола им четыре тысячи хватит. Сто долларов то есть.

— Вообще-то они тебя подловили, — уклончиво молвил Шутин, пряча глаза. — Лично я вообще не помню, чтоб пил.

Павел проглотил слюну. Подумал. Полез в карман, достал стодолларовую купюру.

— Enough?*

Переговорщик схватил бумажку так быстро, что она едва не разорвалась надвое, и мигом исчез. Мужчины, изображавшие восковые фигуры индийских полицейских, внезапно оживились. Хлопали дверками, жестикулировали, куда-то звонили. Подъехал таксомотор, полисмены, суетясь, затолкали в него наших путешественников и замахали всеми четырьмя руками, указывая направление.

— Много ты им дал, — констатировал Михаил. — Вишь, как их пробрало.

Павел молчал.

— Ты глянь, как у них все организовано. Сюда нашим надо ездить за опытом.

* Достаточно? (англ.)

Павел молчал.

— Вам в Гоа?

— Да, — ответил полицейскому Михаил.

Импровизированная автостанция оказалась на расстоянии всего в сто рупий.

Тронувшись с места, ржавая колыхага некоторое время еще была похожа на пассажирский автобус с людьми. Однако по мере продвижения по улицам Бомбея первоначальный облик безнадежно утрачивался. Раз пять водитель останавливался для того, чтобы загрузиться фруктами. Поражало количество ящиков, которое индусам удалось запихнуть в автобус. В России, пожалуй, столько не увезет и вагон. Оказались забиты все багажники, все проходы, прогнулась железная ржавая крыша, заставленная ящиками сверху. Автобус стал чуть ли не вдвое выше, несмотря на то, что просел до ободов. Парадокс заключался в том, что бананы увозились из двадцатимиллионного мегаполиса для реализации в сельской, по сути, местности — в Гоа.

Собрав все фрукты Бомбея, уже под вечер они выехали из города на автостраду, и здесь Михаил, занявший место у окна, сказал:

— Посмотри налево.

Павел неохотно повернулся в его сторону.

— Ничего себе! — вырвалось у него.

С высоты грейдера открывался опрокидывающий сознание вид. Насколько хватало зрения простиралась серая гофра сморщенных коробок, составленных в два этажа, в которых жили люди. Обезличенное множество людей, снующих по хозяйству. Издалека они напоминали живое шевелящееся кружево вокруг серой массы гофры.

— Выходит, что Бомбей таки отдельно, а трущобы отдельно, — сказал Михаил.

— Да уж! Там хотя бы дома попадают.

— В интернете читал: Бомбей дает сорок процентов бюджета Индии. Метро нет, очистных сооружений нет. Это как?

— Не знаю, — устало сказал Павел, незаметно засыпая.

Проснулся в темноте. Ящики изнутри железяки успели где-то выгрузить вместе с большинством пассажиров. Локотов занял освободившееся место у окна и огляделся в сумрачном пространстве салона. У другого окна дремал Михаил. Индусы, человек пять, разлеглись кто где. Сзади сидели две молодые американки и непрерывно жевали, разрывая пакетики с сухой снедью. Пакеты бесцеремонно выбрасывались в проход — от себя подальше, на спящих в проходе индусов. Павел подивился аппетиту дам: в проходе уже не оставалось места, свободного от цветных оболочек чипса. Подступила тошнота. «Фастфуд их съест», — подумалось глобально.

Вуменсы казались беременными на последних месяцах. Куда они прутся, будучи на сносях? Локотов выглянул в окно и тут же отпрянул:

автобус мчался, вихляя и дребезжа, по серпантину над бездной! На резких поворотах их железяку заносило настолько опасно, что все мысли и чувства приказали долго жить. Осталось одно желание — уцелеть каким-нибудь чудом, и Павел, как безумный, вцепился в серый поручень, отползанный по ржавчине руками таких же бедолаг, как он.

Сознание включилось в какое-то инобытие. Образы двоились. Он взглянул на своего попутчика, как из трансцендентного далека. В душе зияла пустота, а в ней пучилась злость. Злость не колючая, как боль, а тучеобразная, как тошнота. «Душевная пустота не есть вакуум, — мелькнула мысль. — Она — черная дыра, алчно всасывающая в себя все лучшие помыслы и чувства и перерабатывающая их во зло. Поэтому часто самые добрые оборачиваются самыми злыми. Опустевший человек — дом Сатаны».

Совокупным усилием воли и страха Павел заставил себя не смотреть в бездну и не думать о ней. Он сосредоточил взгляд на Михаиле и стал вспоминать все, что про него знал, в основном с его же слов.

Павел Локотов гордился приятелем, и его биографию не раз использовал в качестве самого мощного аргумента в спорах за оптимизм:

— Это правда! Правда! Честные менты бывают! Не все одинаковы! Например, мой друг — честный мент! Он отказался людей сажать ни за что, предпочел службу потерять.

Никто ни разу не верил, но он обосновывал до хрипоты, что не надо быть кончеными циниками, если на свете даже честные менты бывают, одного он знает точно.

Михаил Шутин после Саратовского юридического, куда поступил после службы в армии, удачно распределился в «почтовый ящик» на Урале: у города имелся только номер. Следователем. Пятнадцать лет непорочной службы, майорские погоны, должность начальника следственного отдела. Спецснабжение, красивая жена, никаких проблем. Более того: удвоенное жалованье — поясные плюс секретка — было некуда девать, что даже внушало мысль о несовершенстве прекрасной системы, в которой он так хорошо устроился. В магазинах все что душевнее угодно, причем за сущие копейки. Сырокопченая колбаса по три рубля, мандарины по рублю, икра по пять. Привилегированная по советским меркам жизнь. И вдруг все рухнуло. «Ящики» отменили, все закрытое рассупонили и бросили на произвол судьбы. Лучшие в мире секретные специалисты рассыпались по миру со всеми секретами, их брали. Ментов не брали. Спецмилицию ликвидировали, не объяснив, что дальше. Устраивайтесь как хотите. А как, если сокращение идет по стране валом? Если ничего делать не умеешь?

Память подсказала забытую было фамилию студенческого друга, который хуже учился и распределился хуже. Опером в заштатную дыру в обобранном «империей наоборот» Нечерноземье. Жевников, вечный недотепа и в институте, и когда ходили по девкам. Для которого Шутин

был живым носителем недостижимого идеала. Чем-то вроде Элвиса Пресли для юноши, помешанного на роке. Предмет его, Михаила, злых ювенильных шуток.

Эта серая личность стала начальником управления внутренних дел целого региона! И она ответила сочувственным письмом.

Главная проблема, писал Жевников, жилье. Обменять, разумеется, не получится. Могу дать общагу, но дальше — никаких перспектив, если работать в управлении. Вот если пойдешь простым следаком или участковым... Строгий приказ: квартиры выделять только тем, кто работает на земле.

Так Шутин опустил на землю из розовой небывальщины закрытого привилегированного мирка. Содержимого двух толстых сберкнижек хватило на плацкартные билеты для майора с двумя детьми и увядающей красавицей-женой.

Жевников сдержал обещание: выделил трехкомнатную секцию в спальном мешке областного центра, а во время новоселья отвел на кухню для разговора по душам и сказал, чокаясь:

— Понимаешь, если ты со своими проблемами пойдешь напрямик ко мне, это могут неверно истолковать. Рассуди: простые следаки через головы к начальнику управления, без пяти минут генералу, не обращаются. Соображай. Могут и подставить. Крутись сам. Опыт у тебя есть. А я тебя в кадровом резерве держать буду.

И перестал звонить. После новоселья — как отрезал бритвой.

На работе, буквально в первый день, Шутин расписался за папки с двадцатью пятью всяками. У сидельцев СИЗО дела были просто плевые: кто мешок картошки сволок, кто шапку сорвал на улице, кто вредному соседу дал по зубам. Один сидел за то, что отобрал у бомжа свой собственный телевизор. Ехал на дачу и уже издали увидел, что окно разбито. Разволновался. Вдруг видит: тащится по улице какой-то бродяга и несет на засаленном ватном пузе телевизор. Его телевизор! Вышел из машины, отнял. Воришка просил не заявлять, поучить полюдски. Опухшую рожу подставлял. Мужик от доброго сердца слогонца дал по физиономии и отпустил. Наутро его выкогтили теплого из дачного запечья и подвергли грубому допросу. Бомж базлал о законах и тряс медицинским актом о побоях. Служители закона ему верили, потому что бомж был милицейским стукачом и подставой. Дачнику не верили, потому что он всю жизнь честно работал и поэтому кое-что имел, тогда как с бомжа брать было нечего. Большинство законопослушных граждан откупались от верной тюряги, зачастую продавая дачи и машины. Но этот мужик оказался честным упертым дураком и поэтому маялся уже больше года в СИЗО.

Служебное задание заключалось в следующем. Шутин должен был разгружать переполненные камеры, в которых множество народу изнывало без предъявления обвинения. Хотя бы тех, кто парился уже больше года, не зная за что. Некоторые отбабахали по четыре, по пять лет.

Преступников было столько, что следователей катастрофически не хватало, равно как мест в следственных изоляторах.

Михаил должен был вызывать подследственных, добиваться признания ровно на тот срок, что человек уже отсидел, оформлять дело в суд, где, наскоро сварганив приговор, освобождали в зале. И точка.

Но точка рисовалась только на бумаге. Мужики бубнили:

— За что, начальник?!

И не хотели подписывать сфабрикованные дела. На срокá больше года картошка и мелкая хулиганка уже не катили. Надо было заставить взять на себя нераскрытые дела средней тяжести, вплоть до убийства по неосторожности. Не все подследственные козлы понимали, что это для них же, благодеяние со стороны власти предержажщей. Непонятных надлежало вразумлять по почкам, не оставляя следов. Рутинная работа разгружающего завалы обычного следака-трудяги. Но ведь не из спецмилиции! Шутин привык к чистой бумажной работе, а тут вонь, пот, кровь, слезы, ругань... Аврал нескончаемый. Его душа страдала, как может страдать прекрасная душа, переведенная из рая в ад. Оказывается, там она была временно, по недоразумению или авансом, который не оправдала. И он не понимал: за что? И другу, почти генералу, не пожалуешься. На что? В других кабинетах занимались тем же самым. Ничего необычного, дискриминирующего, ему не предлагали. Все по понятиям, как положено в честной российской милиции. Более того, эта работа считалась хорошей, потому что за каждое закрытое таким образом дело полагалась палка в личку, как за раскрытое преступление. Сотрудники путались в глаголах с корневой основой «крыть»: закрытое означало раскрытое. А палка — это основной моральный капитал каждого уважающего себя правоохранителя. Именно за них присваивались звания и давались чины, а на груди вешались медали.

Однажды во время утреннего совещания начальник райотдела спросил:

— Почему Шутин отмалчивается? Сколько раскрыто дел за последнюю неделю? То есть закрыто?

— Бэ-э-э...

— Что?!

— Бэ-э-э... — повторил Шутин и полез под стол.

Его извлекли и оттранспортировали в психбольницу, где работала врачом Шутина Наталья Акакиевна. По психическому заболеванию Михаила и комиссовали спустя месяц после выписки.

Еще месяц Михаил расхаживал по благоприобретенной квартире, оправляясь от нервной симуляции и раздумывая, куда податься. Вышло, что в России ему податься некуда. Тогда он оформил в паспорт синюю вклейку и поехал в Германию, где устроился грузчиком. В Мюнхене, в продуктовом магазине. К русским тогда еще относились на Западе сочувственно, в каждом видели жертву режима. Работа не изнуряла, это не советские ящики и мешки по пятьдесят килограмм, а мука

так все восемьдесят, которых он натаскался, будучи студентом. Коробочки, детский вес! Михаил взялся за английский.

Примерно полгода спустя, накопив марок на билет, рванул в Майами, где по пляжам разгуливали, делано равнодушно рыща взглядами, молодые тонконогие красавицы и стройные мускулистые красавцы. У последних шансов было несравнимо больше, на них клевали тридцать три пола, тогда как на красавиц только один, крайне редкий в цивилизованном мире, но Михаилу в его вполне почтенном возрасте и с фигурой скорее жилистой, чем мускулистой, рассчитывать на поклевку не приходилось. Да еще и тонзура вызвездилась сверху. Лет двадцать назад он бы здесь развернулся. Было времечко — друзья, студенты-юристы, не зря прозвали его «блесна». Не урод был да еще и балагур. Девчат клеил прямо на остановках. А там — компанией в дешевый ресторанчик. Пьем только за «дам», за «не дам» не пьем. И редко когда не было кайфа на всю ночь. И — кайф вдвойне — наутро обсудить вчерашнее за пивасиком. Достоинства и недостатки всех дам в пикантных подробностях обхохотать.

Дня два он бродил по Майами-бич, присматриваясь, а ночевать устраивался в дальних уголках пляжа. Однажды проснулся от толчка ногой. Обернулся — и в призрачном предрассвете увидел негра, который бесцеремонно пристроился рядом, пока Михаил спал. Проверил свои деньги и документы. Стало быть, не грабитель. А кто? Откуда, куда, зачем?

Проснувшись, негр оказался гаитянским мулатом. Спикал еще неуверенней, чем Михаил, потому и прилачился к белому бродяге. Бедный мулатик с удивлением узнал, что далеко не все белые говорят на английском как на родном. О России он никогда не слышал, как, впрочем, обо всех других странах, кроме США и Гаити. Был уверен, что мир ограничивается этим несправедливо устроенным дуплексом.

Даниэль чкался по Майами уже несколько недель и знал, где можно срубить баксов. Они стали ходить на заработки вместе, на автомобильное кладбище. Вместе разбирали машины и сдавали металлолом, вместе ночевали, где придется. Приближалась зима, дожди обрушивались все чаще и чаще, поэтому они купили одну машину на двоих. Старую, ржавую, но на ходу и без протектов. Взяли прямо с кладбища за гроши. В ней вполне комфортно можно было ночевать вдвоем даже в сильную непогоду.

Далее в рассказе Михаила зиял пробел. Павел не понял, как так получилось, что Шутин на этой машине один уехал в Нью-Йорк. Но он уехал. И там почти сразу снял всего за сто пятьдесят долларов в месяц вполне приличную комнату на Брайтон-Бич. Одинокая хозяйка лет семидесяти, с преогромным силиконовым бюстом, туго обтянутым почерневшей, в старческую крапинку, кожей, не отказала Михаилу в том, чего ему уже давно не хватало. Готтентотский передник причинного места, шарпеева обвислость ягодиц — и высокий тугой холодный бюст. Секс

за гранью извращения. Невыразимо сексуальная старушка, в России таких, ныне заполонивших эстраду, тогда еще не было.

Поделившись телесными прелестями, хозяйка столь же охотно поделилась и житейской премудростью, дав множество полезных советов. Среди них была подсказка насчет заработка: биржа.

Сюда приезжали работодатели и те, кто тщился продать свою рабочую силу. Допустим: надо пять человек по десять долларов в час. Оплачивалась каждая минута, чистое рабочее время, перекуры не в счет. Если кто филонил, отзывали пальцем, молча рассчитывали и отвозили обратно на биржу, а взамен привозили нового. Михаилу очень понравился такой порядок. Понравилась Америка. У него появилось свободное время и свободные доллары в карманах. Он дважды слетал домой, каждый раз привозя по десять тысяч долларов — огромные деньги для России девяностых. Негативным следствием стал развод с Натальей, о чем Шутин не горевал. Почему-то стало так: хоть с кем, только не с женой. Особенно после того, как появился Шрам. Именно так, с большой буквы. Наталью Акакиевну ночью подпер камень, скорая припозднилась, желчный пузырь взорвался. Его удалили, почти не глядя, брюшину зашивали будто у трупа, в один шов. Но она задышала по дороге в морг. Сейчас она проживала соломенной вдовой при живом муже, возвратившемся из Америки, в одной квартире с ним, но в разводе.

Если бы Америка не ужесточила иммиграционную политику, Михаил остался бы там навсегда. Или если бы хозяйка-еврейка согласилась выйти замуж за гоя на тридцать с гаком лет моложе. Но она оказалась эгоисткой, шарпей с грудями. Ностальгия по Америке осталась на всю жизнь.

...Кроваво-красной полосой над черным горизонтом обозначился рассвет, когда автобус прибыл в конечный пункт — Маргаон. На земле две американские девахи оказались не беременными отнюдь. Судя по тому, как деловито они поправляли, пихая кулачками, свои пузени, там, под спудом, таились поясные сумки с деньгами. Убедившись, что все тип-топ, вуменсы бодро попрыгали в тук-тук и умчались. Наши герои присели на лавку, не зная, что делать. Водитель выметал на индийскую остановку американский мусор.

Подъехал еще один тук-тук, и драйвер спросил:

— Кольва? Бенаулем?

— Бенаулем, — сказал Михаил. — Палолем тут, видимо, не подают. Сколько?

— Сто рупий.

— Поехали.

Таким образом, они оказались в Бенаулеме, где оба сгорели в первый же день, хотя вообще не лежали на пляже. От удовольствия потеряли осторожность, хватило пяти раздеваний для захода в воду. Потянулись томительные семь дней, когда они выходили из пляжной хижины, только чтобы поесть да окунуться на рассвете до восхода жестокого

гоанского солнца. Когда солнце садилось, в крошечной темноте, дискомфортно разрезаемой фарами встречных автомобилей, ходили за полкилометра в поселок прикупить фруктов и яиц, которые варили на завтрак кипятивником. И, конечно, рома. Здесь, в Гоа, он стоил в пересчете на рубли шестьдесят за литр. Выспались и переговорили за всю жизнь. Павел, в частности, много рассказывал про Ванькова.

В свою очередь сам интересовался боевым прошлым Михаила. Как он бандитов и шпионов ловил? Он жаждал рассказов в духе Агаты Кристи, которой зачитывался в юности: привлекал тонкий житейский юмор и позитивное мировосприятие, которое на таком материале обладало особой ценностью. Если бытие трагично, зачем еще и быт воспринимать как сплошную трагедию? Немелочность мелких добрых дел: то, чего русским, строителям великих строек, не хватает.

— Насчет шпионов не знаю, — отвечал Шутин, — ими КГБ занималось. А у нас в основном были административные правонарушения. Народ-то весь отсеянный. Впрочем, один раз я палку за уголовное раскрытие заработал. Двух гомосексов молодых посадил, на которых наступал комендант общежития.

— За что?

— Целовались. Представляешь?

За плетеными стенами бунгало послышались громкие голоса и музыка — оживленная и в то же время однообразная, с множеством высоких нот, типичная индийская.

Михаил выглянул в окно:

— Обрати внимание: местная молодежь западные шлягеры не слушает. Свою слушают муть.

— Это еще неизвестно, что есть муть. И фильмы смотрят свои, а не голливудские. И в крикет играют. Всё по-своему. Молодцы. Нам бы пример брать.

Они вышли и встали в тени козырька хижины. Прямо за плетеным забором их кемпинга молодежь Бенаулема решила отпраздновать чей-то birthday* на свежем воздухе под пальмами. Неудивительно, что не на пляже: наши друзья еще не видели купающихся индусов. Парни — все, как на подбор, черные и худые — достали ракетки и занялись суматошным времяпрепровождением с воланчиком. Девушки, все невысокие и миловидные, деловито расстелили два покрывала на расстоянии примерно двадцати метров одно от другого, разложили на них фрукты, расставили кока-колу и позвали бесившихся вокруг воланчика парней.

— Вот здоровые лбы, — сказал Михаил, — им бы девок разобрать да щупать по кустам, а они в воланчик, как пацанчики в панамках...

— Нравится мне, как индийские женщины одеваются, — перебил Павел. — Многоцветно, но не пестро. Шальвары эти, кафтанчики легкие...

* День рождения (англ.).

— Так только девушки одеваются, а женщины в сари.

— Сари тоже хорошо. Там ноги видны, и живот, и плечо. В Индии женщины лучше одеваются, чем у нас. Дешево и красиво. И, главное, свое носят, традиционное. Хлопок. Ткани какие — глаза радуются! Обрати внимание: синтетической косметикой не пользуются. Живые цветы к волосам прикрепляют. Ну, разве не здорово? И красиво, и пахнут хорошо.

— Цыганье цветному радо. Вот на Бродвее цыпочки гуляют! Модели! Сплошной кутюр с обложек журналов. А это что? Джипсытина, одно слово.

— Слушай, я тебя умоляю... Ты свое мнение об Индии высказал, я его услышал. Давай не будем без конца негатив... Хотя бы ради того, чтобы отдохнуть в позитиве.

— Это не негатив, а правда: грязный Джипсиленд. Вот в Америке...

— Странно ты об Америке отзываешься.

— В смысле?

— Мечтательно слишком. Кто там бывал, обычно более взвешенные оценки дают.

— Ты что, хочешь сказать, что я лажу гоню?! Фильтруй базар, кореш. Сыном клянусь — три раза в Америку летал. А ты кто такой вообще? Да я!.. Да не жить мне...

Павел возвратился в хижину. Спорить было бесполезно, Шутин всегда оставлял последнее слово за собой.

Минут через пятнадцать вошел Михаил.

— И что ты думаешь, чем они занялись?

— Неужели открытым сексом, как океанийцы на глазах у европейцев?

— Наоборот! Мужики пьют кока-колу и жуют бананы отдельно, а девчата отдельно. Время от времени от одной поляны кто-то бежит к другой, передает, кто что сказал. И тут же бегом обратно. Во вечеринка!

— Видимо, у них женщины и мужчины даже кока-колу совместно распивать не могут. Вот это нравы. И что, даже пива не пригубили?

— Нет! В том-то и дело, что нет! — Михаил расхохотался. — День рождения, твою мать!

— Не могу: пойду посмотрю, чем все кончится.

Павел вышел и встал в тени как можно незаметней. Молодые люди, не обращая на него внимания, продолжали веселиться так, как описал Михаил. Выпив кока-колу, съев фрукты, они так же весело собрали покрывала и пластиковые бутылки, которые в Индии являются возвратной тарой, и отправились восвояси, пританцовывая под громкую музыку. О празднике напоминала только кожа бананов, которой тут же занялись мелкие бродячие коровы.

— Почему-то мне кажется, что девушки в Индии выходят замуж девственницами? А? Как ты думаешь, такое еще возможно? — спросил Павел.

— Черт их поймет. Чужая страна — потемки. А хотя бы и так, тогда что?

— Это важно. Перед войной абвер изучал СССР со всех сторон, а потом Канарис сказал Гитлеру: в России девяносто процентов невест выходят замуж девственницами. Нам не победить такую страну.

— Ерунда какая-то. При чем здесь девственность?..

— А при том. Например, есть критерии здоровья экономики. Сальдо торгового баланса, допустим. А сальдо девственности — главный показатель боевого духа. Процент боевого духа равен проценту девушек, выходящих замуж девственницами. И все. Любую страну можно заранее просчитать на калькуляторе. Смеешься?

— Это у тебя томление духа. Танки, самолеты — и девственность. Как это вообще можно сравнивать? Чушь. Реалистом надо быть. А ты фантазируешь на пустом месте. Не зря тебя жена Палолемом обзывает. Фантазер беспочвенный.

— Может, и чушь. Только Канарис оказался прав, хотя танков и самолетов у Гитлера было больше. А реализм в том, что за шалаву никто собой жертвовать не станет, а за честную жену мужик грудью под пули встанет. Потому что невыносимо думать, что ее чужой насильничает. Он за детей уверен, что родные, а не заезжего молодца. И за них на танки пойдет.

— Ха! Я думал, что ты ботан, романтик, а ты циник тот еще. — Шутин округлил и вытянул губы в беззлобном кураже. — Романтический циник!

— Слушай, — переключил Павел тему, — что за компания брадатых мужиков в тюрбанах в нашем кемпинге вчера поселилась? Какие-то они... Не то индусы, не то... Светлые для местного населения и упитанные. И, главное, пьют сообща. Пьют и пьют. Непривычно как-то.

— Ага! Орут как конкретные пацаны. А вид, надо сказать, зверский. Я к их бунгалу подходил, хотел познакомиться, да передумал. Поддатые, еще удумают что. Бенгали сказал, что это сикхи. Он не успевает им ром подтаскивать. Ящиками. Коробками то есть.

— Во дают! Это ж помереть можно! А еще говорят, будто русские самые пьяницы на свете!.. Оказывается, сикхи.

— Так они ж одну неделю в году пьют! Каждый год, и не только они. Индусы приезжают в Гоа с севера, неделю пьют, не просыхая, и убывают. На море не ходят, некогда, побольше выпить спешат. Потому что в других штатах спиртное труднодоступно. И дороже намного. И пить считается позором. А здесь и приличный индус может упиться вусмерть. Вот они и практикуют гоанский пьяный марафон. Мы в Бомбее ром за триста рупий покупали, а здесь за девяносто берем. Соображаешь? У них в каждом штате свои законы, даже таможи есть.

— Бенгали сказал?

Михаил продолжал общаться с Бенгали, тогда как Павел только здоровался по утрам, когда молодой человек приходил за рентом.

Триста рупий каждый день вперед, потому что Раша из френд оф Индия. В основном Павел общался с Женей, пермяком из Москвы, с которым познакомился — впрочем, как и Михаил, — в первый же день, когда они, идя по берегу, набрали на этот кемпинг для диких туристов.

Был уже полдень, они уже погорели и жаждали упасть в надежную тень. Навстречу им из крайней хижины вышел крайне худой, длинноносый, ярко выраженный европеоид, похожий на портрет короля Жанны д'Арк — Карла Седьмого, загорелого до черноты.

— Sir, tell me please, where is reception? — спросил Павел, опустив, как всегда, надоедливый артикль.

— Повторите по-русски, — прозвучал ответ.

Европеоид бесцеремонно вытолкал из послеполуденного отдыха фавна с лицом, говорившим о детском недоедании, — кожи было больше, чем мяса, — который оказался двуногим ресепшеном по имени Бенгали. Его ноги росли прямо от чрезмерно вытянутой для молодого человека шеи, как у модели.

Женя ездил по Индии в одиночку и при этом не знал ни одного слова по-английски. В прошлом он был продюсером московской поп-группы, а до того — безработным в Перми. Он ничего не ел, кроме кармической пиццы — меда, — уже второй месяц.

— Вы себе не представляете, какой я был упитанный, когда продюсировал. Пил — мама не горюй. Но однажды понял, что это не мой путь. Я должен быть Учителем для всех, кто бедствует в сансаре. Сейчас вживаюсь в свою новую карму, — охотно раскрывал душу будущий московский гуру.

В течение последующих дней выяснилось, почему Женя решил «сменить карму»: его группа занималась тем, что на провинциальных корпоративах дешево имитировала известные бренды, но в последнее время их все чаще ловили. На откупные ушел весь Женин золотой запас, и теперь он бедствовал, как в юности в Перми. Это был его новый проект, к которому Женя относился серьезно: честно голодал на меду.

Из Гоа похудевший продюсер собирался ехать к Саи Бабе за благословением, а оттуда — в ашрам Аммы в Керале. И отчасти указал направление дальнейшего движения также и новым знакомым. Особенно соблазнил книжным описанием ашрама в Керале, расположенного на воде. Путтапарти, резиденция Саи Бабы, их не манила: не слишком-то хотелось удалиться от океана в индостанскую континентальную полупустыню.

Но это было позже, а пока они сидели в Бенаулеме, прячась от индийского солнца, общались по душам.

— Кстати, тебе в ресторане проститутку не предлагали? От одной до двух тысяч рупий, — спросил Михаил, перескакивая с темы сикхов.

— Двадцать пять долларов? Не может быть!

* Сэр, скажите, пожалуйста, где ресепшен? (искаж. англ.)

— Официант просил тебе тоже передать оферту эту. — Как-то так получилось, что обедать они стали порознь, уже несколько дней. — Похоже, хоть штат и туристический, полиция гоняет за это дело. Официальных публичных домов нет.

— В таком случае — где?

— Скорее всего, прямо в ресторане.

— На глазах у всех?

— В подсобке.

— В какой? Что-то я не видел. Ресторан весь — только крыша. Да кухня отгорожена циновками. Что-то я не видел подсобки никакой.

— Значит, на кухне на пол циновку кинут. За корзинами какими-нибудь. Джиписленд. Что означает: будь проще, и люди к тебе потянутся. Вон ко мне потянулись, а к тебе нет.

Следующий день Павел впервые провел — почти весь — на пляже и обедать пошел поздно. Бросив мокрое полотенце на спинку стула, огляделся. В зале не было больше никого, кроме официанта с улыбкой во всю дурь, который предупредительно принял заказ. И надолго исчез. Организм Локотова выделял желудочный сок минут двадцать, что было странно — обычно чай приносили почти сразу, у индусов принято перед обедом пить горячий сладкий чай на молоке, русские пили его после обеда, чем удивляли индусов, — но Павел, вместо того чтобы злиться, продолжал источать кошачью благость. «Хорошо сажу!» — жмурился он, озирая спокойное море в солнечных блестках на легкой ряби, стройные ряды пальм, чистый белый песок.

Официант нарисовался так же неожиданно, как исчез, но к Павлу не подошел. Он странно подмигивал из-за стойки и тыкал коричневым пальцем вправо. Там, за рестораном, Павел увидел женщину лет сорока, похожую на Бабу-ягу из мультика про домовенка. Худоба и чернота в ней сочетались таким образом, что женщина казалась не от природы черной, а отощавшей до черноты. Будучи затянута с головы до ног в плотные парчовые одежды золотого с красным цвета, она терпеливо прела на самом солнцепеке, сверкая глазами белками. На голову была надета шапочка, с которой свисали брюлики, на ноги — остроносые чувяки. На теле женщины, сидевшей на песке, широко расставив тощие коленки, позванивали бесчисленные низки бус, ножные и ручные колокольца, ибо она не бездействовала. Тетка энергично делала призывные жесты, недвусмысленно указывая на причинное место в штанах. Это выглядело ужасно смешно — именно так: смешно и ужасно.

Павел перевел взгляд на молодого наглеца за стойкой, который рисовал круглую цифру в воздухе и зазывно тыкал в темное пространство кухни. Он весь был нервозное движение.

Дошло.

Вспомнились соблазнительные плечики индийских женщин в сари, особенно когда не худышки; неприкрытые животики, особенно когда худышки. Смуглые открытые икры. Выходило, что приличные индийские

женщины имеют право демонстрировать свои прелести окружающим, а падшие — нет. Мораль такова, что грешная плоть непременно должна быть прикрыта полностью, вплоть до лодыжки и включая ее: шальвары проститутки были заправлены в чуваки. Включая шею и подбородок — тетка на песке была затянута вплоть до иссохших губ. Поистине, все наоборот на этом субконтиненте. Даже кокетничают здесь мужчины, а не женщины. Без всякой эротики: кокетство, связанное с желанием понравиться, в крови у индийцев. Женщины проходят мимо, опустив очи долу, а мужчины строят глазки.

Павел молча покинул ресторан. Не было никакого желания покушать старуху в пластиковой парче, использовать ее на полу за корзинами с очистками, в которых копошатся крысы. Следовало подготовиться к отъезду. У них уже были билеты на вечерний поезд из Маргаона. До отъезда оставалось четыре часа, потом три, потом полтора... Локотов собрал свои вещи и прилег в ожидании попутчика. Михаил где-то задерживался. Павел начал волноваться. Встал, покидал, как мог, не свое барахло в рюк, — похоже, предстояла спешная эвакуация. Павел не сводил глаз со стрелки часов. Оставался час, а до станции на тук-туке минут сорок. Павел вышел, решившись спросить у Бенгали, не видел ли он Майкла. Хижина бенгальца оказалась закрыта изнутри.

— Бенгали! — позвал Локотов.

Вышел Шутин.

Павел вспомнил, как в самый первый вечер в Бенаулеме молодой бенгалец, будучи приглашен Михаилом в их хижину выпить рома, после первой же порции предложил:

— Давайте я вам буду делать лав, а вы мне квартиру купите в Бенаулеме. Я хороший, а квартиры недорогие.

После первой же порции грамм в пятьдесят! С тех пор его расценки, видимо, сильно упали. Павел усмехнулся. Индия! Здесь ценыкратно падают от каждого слова. И даже от молчания.

Столько побирушек, как за неделю в благополучном Гоа, он не встречал в течение всей жизни. На пляже, не успев обтереться полотенцем, человек оказывался окружен торговцами ненужным барахлом, как блудный немец партизанами в лесу. Они неотступно требовали за свой товар вначале тысячи рупий, потом сотни, потом десятки, а потом просто протягивали руки лодочкой, прося подаяния по-детски. Не успеешь отбиться от одного нашествия, как оказываешься в плену у других попрошайек. Только в море можно было морально отдохнуть. Моря индусы боялись. Заходили в одежде, по коленки, не более. Однажды Локотов наблюдал сцену: молодые парни входили в воду гуськом, взявшись крепко за руки. Когда передний вошел, осторожно ступая, по пояс, — а задние наблюдали с ужасом и восхищением, — его обдала волна. Смелчак с визгом бросился назад, шеренга рассыпалась, вся братва пришла в смятение и бежала от моря, как от Москвы Наполеон.

Павел, наблюдавший эту драму из воды, едва выплыл на берег, захлебываясь смехом.

К великому его удивлению, когда они пропутешествовали по Индии более месяца, нашелся штат, где попрошайек почти не было: Керала.

В Керале они долго ехали на юг вдоль побережья, и все было как один сплошной город. Названия менялись, но перерывов между домами не замечалось. За три часа они протолкались на автобусе сквозь добрый десяток митингов и демонстраций. В глазах рябило от красных знамен, портретов Ленина и Че Гевары. На заборах молодежь изображала не матерные слова, а серп и молот. Они как будто попали в СССР пятидесятых. Именно тогда в Керале на свободных выборах победили коммунисты, которые и удерживали власть до сих пор, подбадривая избирателей митингами. Даже не любящие коммунистов составители рейтингов из США отдавали Керале пальму первенства, именуя «самым культурным штатом Индии».

— Самый культурный штат, — повторил Локотов фразу из интернета. — И самый отдаленный от трех индийских столиц: Дели, Бомбея и Калькутты. Это все равно что Чукотка — самый культурный регион России. Чудно!

Керала настолько впечатлила, что он говорил о ней почти непрерывно. Но чем больше восхищался он, тем больше брюзжал Шутин.

— Это арабы здешних туземцев жить научили, вот и все!

Он категорически не хотел признавать за индусами права на культуру и самосовершенствование. Тем более если замешаны коммунисты. Павел удивлялся агрессивности русского антикоммунизма, сопряженного с вечной тягой к обобществлению. На дне — общак, в середине колхоз, а как только духовного жирка нагуляют, сразу начинают толковать о соборности. Нет чтобы просто жить каждый сам для себя, делая маленькие добрые дела для других, когда есть чем поделиться, без всяких подвигов. Малюсенькие дела, которые не требуют никаких жертв и которые, в общем, стоят больше «великих свершений». Улыбаться, например, друг другу. Почему везде незнакомые люди друг другу улыбаются, а в России — нет? В Индии, например. Живут бедней, а улыбаются. Столько улыбок, как за месяц здесь, на родине он за всю жизнь не видел.

— Обрати внимание: как много справных людей на улицах! — сказал Павел, уходя от грустных размышлений. — Похоже, народ в Керале не бедствует! Изможденных нет вообще. Да и мусора почти не видно, как в других штатах.

Деревня Валликау, родина Аммы, находилась в пригороде Карнополи. Их поселили в чистом благоустроенном номере на пятнадцатом этаже. Павел и не предполагал, какой размах приобрело в Индии ашрамостроительство. Заранее он представлял себе поляну с хижинами, гуру под пальмой, беседующего с учениками. Хижины оказались

двадцатиэтажными и стояли рядами, а гуру не было вовсе. Амма, имевшая ашрамы по всей стране и за ее пределами, путешествовала по миру, от одного филиала к другому, приглядывая за немалым хозяйством. С огромного портрета в зале для даршанов, совместных медитаций, весело смотрела упитанная, уверенная в себе бизнес-леди лет сорока. Никто и не помнил, когда она была в Валликау в последний раз. Но раз в год навещается, говорили старожилы, исполнявшие сеvu.

Наутро Павел проснулся с птицами и вышел на балкон. Боже, это Рай! Густой пальмовый лес тянул на себя эпитет «девственный» и казался сверху инопланетным в своей нетронутой красоте. Восходящее солнце, огромное, ярко-красное, дышало на него теплом, слегка прикрывшись дымкой. Ашрам располагался на узкой косе между морем и устьем реки; и море, и река будто замерли. Какие-то яркие птицы сновали в листве, перелетали с берега на берег. Среди них были синие зимородки.

Вечером, от нечего делать, друзья пошли в молитвенный зал, где перед портретом Аммы горел огонь и жрец читал нараспев под синтетическую музыку, время от времени складывая руки лодочкой и поклоняясь портрету; все действие было технологично, скучно, выхолощено. Огромный зал был почти пуст, среди тысяч стульев они увидели несколько занятых в левом заднем углу, решили присоединиться — и оказались рядом с Женей, который обретался в ашраме уже недели две.

— Привет! Вы в каком номере? — спросил бывший продюсер. Одет он был уже как настоящий гуру: в белый балахон.

Михаил ответил.

— Я к вам зайду, — сказал Женя. — А сейчас пойду. Не могу. Энергетика сильно лупит: вот сюда!..

Он похлопал по бритому затылку и добавил:

— Ведь у меня третий глаз открылся. Он еще очень нежный, поэтому сильное энергетическое воздействие для него опасно пока. Пока-пока...

— Мошенник! — сказал Михаил, когда Женя удалился. — Посадить бы его... В одну камеру с Аммой.

— Сажательный рефлекс проснулся? Амма тебе чем не угодила? Живешь за сто пятьдесят рупий в раю. Спасибо скажи.

— Ха! А ты знаешь, сколько она огребает? С такой армией бесплатной рабсилы? Известно ведь: верой торговать — самый прибыльный бизнес на свете. Мы в Гоа платили столько же с носа. Так там хозяин должен обслугу держать, а здесь все на сеvu держится.

О сеvu они и расспросили Женю, когда он зашел в их номер перед сном. Согласно памятке, выданной на ресепшене, на третий день предписывалось явиться к столу распределения сеvy и выбрать послушание. Иначе ни о какой благодати не может быть и речи. Уклонение от сеvy духовной смерти подобно. В случае неявки придется исполнять сеvu по требованию руководства без выбора, куда назначат.

— Я от севы дней пять скрывался, — сообщил Женя охотно. — Но потом отловили. Лопату в руки совать начали, мол, копай под цветник. А я что, с верблюда упал? Лопату перевернул и давай тыкать. А я не знаю, что это такое и к чему предназначено. В России лопат нет.

— Правда, что ли?

— Правда, — чистосердечно молвил будущий гуру. — Я ни разу не видел.

— И поверили?! — спросил Павел.

— А то! Они ж как дети.

— Кто?

— Америкосы эти, что здесь живут и на севу ходят. На перерождение очки зарабатывают. Серьезно так, честно, как будто налоги платят. Метут, огород окучивают... А русские не работают. Мы на пляж ездим. Вы знаете, где пляж? Завтра покажу. Правда, там деревенские индусы какают, но можно найти место между какашек...

Назавтра они уехали. Проезжая на автобусе вытянутую вдоль косы деревню, Шутин и Локотов грустно смотрели, — видимо, Амма не слишком заботилась о своих сельских земляках, — на согбенные, с неровными стенами и рваными соломенными крышами дома, выходящие на дорогу, как брейгелевские слепые. Просвечивающий за домами берег являлся — что для Индии типично — местом отхожим. Туалетами, связанными из циновок, пользовались только женщины, а мужчины без стеснения присаживались на берегу и подмывались волной. Подобную картину они наблюдали и в Аллапудже, и в других местах. Использовать пляж как отхожее место было формально запрещено только в туристических центрах. Власти действовали убеждением, но, если индус приседал на песок, его не гнали, ибо отправление естественной потребности к деянию не приравнивалось. Некоторые делали это демонстративно, как бы говоря: мы здесь хозяева и не собираемся менять свои древние обычаи, подстраиваясь под приезжих. В Валликау официального пляжа не было, поэтому вместо него простиралось сплошное отхожее место. Правилами ашрама запрещалось покупать что-либо у местных жителей и купаться в море. Поэтому земляки Аммы не благоденствовали и не старались держать берег в чистоте. Вот что творилось под райскими кущами.

— Керала, Керала! — съехидничал Михаил. — Грязный Джипсиленд!

Павел не нашелся что ответить. В самом деле, все наоборот. Такая везуха: жить на первой линии у теплого, ласкового моря — и поворачиваться к нему задом. В буквальном смысле и в переносном, ибо дома тоже располагались к морю задами и помойками. Их обитатели изнывали от жары, но к морю бегали только по большой нужде.

Коровы и черные поджарые свиньи, роясь в помойках, чаще бывали на море, чем их хозяева. Для женщин, чья скромность не позволяла появляться среди испражняющихся мужчин, моря не существовало

вообще. От Адама и Евы не ценили люди Рай. Хуже: за убогую держали Рай.

Неожиданно вспомнился Ваньков с его наивным проектом народного предприятия, где все благоденствовали бы среди общей разрухи, и как все похерили люди, для которых он старался. Кто для живых Рай создает, тот неизбежно потерпит крах. Только для мертвых следует создавать Рай, подумал Локотов.

В Палолеме у Михаила случился очередной приступ ярости, один из тех, которые удивляли Павла своей внезапностью и отсутствием мотивации. Нечто подобное он видел только в фильмах, которых стало особенно много в криминальной России, когда в камере один зек хочет утвердить свое превосходство и по ничтожному поводу устраивает внезапный припадок бешенства. Еще паче удивлял столь же внезапный возврат к тону обычного общения. Специальный вид бешенства, типа хорошо поставленного возмущения, которое умеют включать в нужный момент педагоги со стажем. У них для этого даже особый голос вырабатывается. Но у зеков все гораздо выразительней, правдоподобней, убедительней. У них сделанная эмоция подкрепляется самовзвинчиванием, для чего умело находят новые мельчайшие поводы. Самовзвинчивание беснующегося зека, чем-то напоминающее женскую истерику, — других аналогий для странного иной раз поведения Шутина у Павла не находилось. Убедительное самовзвинчивание, доходящее до пограничного состояния, когда кажется, будто в человеке — два человека и один другого едва удерживает от убийства или самоубийства. Да не жить мне на этом свете, мол...

Конфликт возник из-за пустяка: Павел предложил пойти в левую сторону бухты, где стояли в ряд обитаемые бунгало, как в Бенаулеме. Снять дабл-рум и в нем прожить остающуюся до отлета неделю.

— Да пошел ты... куда хочешь! — неожиданно взорвался Михаил и грязно выругался.

Он уверенно шел вправо, где не было видно никаких строений.

— Что с тобой? — спросил Павел.

— Я что, зря с собой палатку и спальник таскал через всю Индию?! Что ты, унижить меня этим хочешь?! А?!

Обернувшись, Шутин орал и размахивал руками. Лицо красное, глаза горят, редкие волосы, растущие по окоему головы, разметались от агрессивно-судорожных телодвижений. Прохожие начали оборачиваться.

— Знаю, что ты хотел пожить на природе. Я же в порядке предложения... Давай обсудим...

— Нечего мне обсуждать! Что ты хочешь сказать? Мол, дурак таскал по всей Индии палатку и спальник? А?! Так ты меня, мать твою, дураком считаешь? А может, козлом опущенным? А?! Может, ты мне Бенаулем припомнишь?!

Дальше посыпался отборный мат.

— Временами я отношусь к тебе как к больному, — сказал Павел. — Не знаю почему. Спорить не буду, вопрос ни о чем. Пошли. Одного я тебя на улице не оставляю. Случись что — что я твоим скажу? Уехали вдвоем, а возвратился один? Веди, куда хочешь.

Так они оказались за большим черным валуном, скрывавшим пляж. С правой стороны палолемской бухты песчаная кромка была узкой, в несколько шагов, за ней дыбились горы, поросшие густым кустарником. Позже Павел узнал, что ходить сюда вообще не следовало, так как в горах водились эндемичные кустарниковые змеи, ядовитые настолько, что кобра отдыхает. На другой, пологой стороне бухты змей не было, поэтому индусы издревле селились только там.

— Ну вот, здесь мы с тобой и обоснуемся, — как ни в чем не бывало ласково молвил Михаил. — Уютное местечко!

Местечко представляло собой двухметровый проем между скал.

— Что ж, устраивайся, а я за продуктами схожу, — предложил Павел. — Мне устраивать нечего, я же с собой не брал ни палатки, ни спальника. Ничего, песок теплый, простыню расстелю и посплю.

Психологически ему требовалось хоть на время оторваться от путчика.

— Ну извини. Палатка у меня односпалка, — сказал Шутин.

— Да все нормально, — сказал Локотов. — Что взять?

— Ну раз это снова Гоа, бери ром дня на три. А порубать — что найдешь.

В поселке Локотов прежде всего отправился в интернет-кафе, где за десять рупий открыл свою почту, как делал каждые три дня, и прочитал свежие письма. Обычно это были всякие сплетни, но сегодня супруга превзошла «Рейтер» и Би-би-си вместе взятые. Во-первых, она сообщила новость, которую узнала случайно, через знакомую, работавшую в психиатрии вместе с Натальей Шутиной. У ее сына на днях состоялась свадьба. У сына Михаила Шутина. В то время как отец в Индии. Молодые подали заявление в загс на следующий день, как Шутин улетел, — злорадствовала жена. Другая новость касалась Ванькова. Бывшего директора избили до полусмерти бывшие рабочие. Ввалились пьяные через забор, вырвали из рук лопату и... Отлопали так, что он в реанимации.

Имеются-таки лопаты в России, и люди, знающие, как ими пользоваться, тоже, оказывается, проживают. В избытке.

Что ж они на невинном зло вымещают? Почему не бьют новых хозяев? Потому что у них охрана в черном, как тонтон-макуты? Не только в заводоуправлении, но и в цехах на каждом углу стоят, за дисциплиной наблюдают. Подойдет такой кавказец к пивному ларьку в жаркий день, работяги очередь уступают, в глаза лезут заискивающе. Дружить набиваются. «Алик то, Алик се...» Отойдет Алик — шипят вслед. А почему бы открыто не возмутиться тем, что сто молодых

охранников безграмотных получают больше, чем две тысячи квалифицированных рабочих с ИТР? С некоторых пор Локотов начал сочувственно относиться к словам профессора Преображенского, который говорил, что не любит пролетариат.

Сейчас он его возненавидел всеми фибрами души и желал всяческого зла. Страстно хотел, чтобы новые хозяева измывались над рабочими, пока из них не вылезет все их гегемонское нутро. До сих пор еще не измывались, только наводили порядок. Рабочий класс! Человек труда! Символ прямоты и честности... А на самом деле — гады подколенные. Только по углам шипеть. Из-за подлости людей, которых знал всю жизнь, он возненавидел весь свой народ, который в любом месте не лучше. Абсолютное зло поселилось в нем. Тихий человек озверел.

Выйдя из интернет-кафе, Павел отправился в пьяную лавку, которая оказалась довольно приличной по индийским меркам, со столиками и без медитирующих индусов. И пустой. Взял бутылку пива «Кингфишер» и задумался. Интересно, Михаил знает о свадьбе сына, нарочито организованной в отсутствие родного отца, как сообщала жена? «Мыла» у него не было, был уговор об обмене новостями через Локотовых. Возможно, этим объясняется его неадекватное поведение... А за сломанную судьбу Ванькова Павлу не отмолить... Зачем сунулся с длинным носом, как с долотом: «Давайте Ванькова пригласим! Ему все доверяют, честнейший человек!» Пусть бы честный человек работал в Сибири. Приехал, выходил комбинат, как больного. А пусть бы тот тогда еще загнулся, чтоб никто ни одной акции продать не смог. Вот это было бы поделом. Чтоб эти мерзавцы, которые себя рабочим классом называют, по миру пошли, чтоб передохли вместе с потомством своим поганым. Приеду, предложу несколько способов интенсификации труда. Как скот ишачить будут! Еще и телесные наказания ввести бы. Черенками от лопат каждого лупцевать перед сменой и после. Для профилактики, ни за что. Пришел пролетарий на работу — получи пять ударов. А не нравится — иди голодай и подыхай вместе с выродками своими. Он уже и детей не жалел, и себя, и только одному человеку на свете желал добра: Лехе Ванькову. Хоть бы выжил... Хоть бы выжил...

Первое, что он сказал попутчику, возвратившись в лагерь, было безжалостное:

— Поздравляю.

— С чем? — весело спросил Шутин, доставая из мешка со снедью прозрачный пакет с яйцами.

— Как с чем? Со свадьбой. У тебя сынок свадьбу сыграл.

Яйца выпали из рук Шутина и глухо шлепнулись о пляжный песок.

— Как?!

— Не знаю. Об этом жена не написала.

Внеся разорение в душу другого человека, Локотов не наслаждался. Хуже: ему было все равно.

— А... Когда?
— На днях. Заявление подавали на другой день после нашего от-
лета.

— Теперь понятно...

— Что?

— Почему они меня дружно выпихивали в Индию. И сын, и доч-
ка, и жена. Если б не они, я б с тобой не поехал.

— Возможно, так было бы лучше.

Михаил пропустил эти слова мимо ушей. На него неожиданно на-
пала нервозная, отчаянная веселость.

— Вот давай и выпьем за свадьбу сына! Пусть живет счастливо,
сынок, падла!

У Локотова, наоборот, кураж испарился. Вернулось чувство стыда.

— Я думал, ты знаешь, — извинительно сказал он.

— А!.. Не имеет значения.

Михаил наливал и наливал при красноватом свете заката, потом
фонарика. Они уже не видели друг друга. Разговаривали очень ожив-
ленно обо всем, что не волновало в настоящий момент. Обоих обволокла,
как смог, отвлекающая от мыслей общительность.

— Ну, как тебе Индия? — спросил Шутин.

— Я бы сказал, что как государство Индия гораздо прочнее Рос-
сии. И экономически сильнее.

— Почему?

— А ты представь себе, что случилось бы с Россией, если б ре-
гионы имели такую же самостоятельность, как в Индии? Здесь Дели
только внешнюю политику и оборону держит, а все остальное в штатах:
экономика, культура, образование. Полиция и нацгвардия премьер-
министру штата подчиняются. Считаю, собственные вооруженные силы
в каждом штате. Таможни внутренние! Да нам такое — мы развалим-
ся. У нас разве такое возможно, чтобы одна партия в Москве у власти
была, а ее злейшие противники в каком-нибудь регионе правили? А это,
между прочим, великолепная система — вспомни Кералу. Это ж такой
взаимный контроль, что много не украдешь, когда в Дели демократы, а
в Керале коммунисты. То есть у них государственность прочная, а наша
держится на грубой силе и окрике. На субъективном факторе. Нашел-
ся сильный, хитрый правитель — держимся. Интригами, угрозами, ко-
варством, кнутом, пряником, лавированием, непонятными убийствами,
замаскированными под самоубийства или катастрофы, — держимся за
соломинку. Придет с благими желаниями, с пятернями враслопырку
какой-нибудь новый Горби, начнет рукоблудить в телевизорах — раз-
валимся в считанные месяцы. А он придет. Сила — это самое слабое ме-
сто политики. Россия — как закодированный пьяница, который знает,
что от любого мельчайшего повода может сорваться в пропасть. Сво-
боды боится, себе самому не доверяет, жизнь не живет, а переживает
каждый день с опаской, не ходит, а ступает, как зомби... И тэдэ и тэпэ.

Я мог бы много говорить, причем очень зло. Потому что больно. Но что об этом говорить?

— А экономика?

— Еще больней. Вот мы с тобой Бомбей ругали, а ведь это мировой финансовый центр, крупнее, чем Москва, в которой восемьдесят процентов всех денег России крутятся. А он в Индии не один такой, тогда как в России, кроме Москвы, и нет ничего. Калькутта, Дели... Бангалор подпирает... Московские деньги — это нефть и газ. Мы только мечтаем о диверсификации экономики. Скоро и мечтать перестанем. Тем более что деньги виртуальные. Что такое эта долбаная Москва? Черная дыра России, куда все деньги втягиваются, как гравитацией, и выбрасываются за границей. А за индийскими финансовыми центрами стоят электроника, медикаменты, текстильная промышленность, металлопрокат. Перерабатывающая промышленность, возобновляемые ресурсы. Это не спекулятивные деньги, как в США. Индийцы прочно стоят, а мы над пропастью висим. Придумает кто-нибудь альтернативное топливо для машин — и схлопнется наша квазиэкономика вмиг. А его вот-вот придумают.

— Это банально. Об этом много пишут.

— Ты спросил — я ответил.

— Ну хорошо. А народ?

— А что народ? Они в большинстве не пьяницы, не воры, не убийцы. Ну, попрошайки. Бог с ними, это на карму даже не влияет. Хорошую религию придумали индусы. Христианство допускает грех, а индуизм — ни-ни! Сразу карму испортишь. И никакой поп не отпустит ни за какие деньги. Вина есть, греха нет. Знаешь, в чем разница? Грех попы отпускают, а вину только обиженный человек может простить. Поэтому в Индии один из самых низких уровней преступности в мире. Хороший народ. Не богаты, но улыбаются, все пытаются что-то делать, на государство не надеются. Сами выживают — как не уважать. Это для наших, — добавил он зло, вспомнив рабочих, избивших Ванькова, — кто-то сверху должен делать. А народ — он гегемон, но ни за что не отвечает.

— Хороший, стало быть, народ — индусы? А вспомни полисменов, которые нас обули?

— Во-первых, не нас, а меня. Во-вторых, правильно. Сам виноват: было сомнение, не надо было тебя слушать. В незнакомой стране лучше перебдеть, чем недобдеть. Зато за два месяца у нас никто документы ни разу не проверил. А кто мы на вид? Бродяги в стертых джинсах. В России затрепали бы проверками. Ты ничего не сделал — а у тебя паспорт требуют, ты себя не человеком, а цыпленком жареным чувствуешь. Его поймали, арестовали, велели паспорт показать...

— Ха! А меня менты ни разу не разводили! — весело заорал Шутин, уже достаточно пьяный. — Я сам разводил!

— Ну еще бы!

Михаил, чей комплекс неполноценности из-за сына нуждался в компенсации, уже не мог остановиться.

— Вот я тебе один только случай расскажу! Было у меня возбуждено дело по спекуляции в особо крупных размерах. Мужик, передовой рабочий, в конце восьмидесятых новую «Волгу» получил по очереди. Заплатил пять тысяч, а тут переворот, деньги поменялись, поток подержанных иномарок хлынул. А иномарка, хоть и подержанная, — «Волга» перед ней кочегарка. И вот он машину за пятьсот тысяч продает, добавляет и покупает «вольво». Отличная машина, десяти тысяч не набегала. Вечная. Это ж самая надежная марка. Нет, если б я мог честно палку заработать, я бы дело довел до суда, но начальник сказал: закрывай дело, что мужика мытаришь? Сейчас, мол, все продают и покупают.

— Не понял, — спросил Павел. — Какое дело вообще? Какой тут состав преступления?

— А вот такой! — с хитринкой хмыкнул Шутин. — Уголовный кодекс никто ведь не отменял! Его только в девяносто четвертом сменили, а на дворе еще девяносто второй стоял. Это был серьезный состав, до восьми лет. Спекуляция в особо крупных размерах! Купил за пять тысяч, продал за пятьсот! Ну я от начальника с делом в кабинет вернулся, подследственного вызвал и говорю: «Начальник против вас рвет и мечет, требует немедленно арестовать. Положение серьезное, но я вам хочу помочь... Есть возможность избежать тюрьмы». Мужик мне в ноги кинулся, ревет белугой. «Век бога буду молить... Сделайте что-нибудь. Всю жизнь честно жил, трудился, на Доске почета всегда висел... Не вынесу позора! Восемь лет! Спаси, родной». Короче, полный лох. Был бы барыга какой, посмеялся б только. «Есть возможность, — говорю. — Она в том, чтобы ваша новая машина стала моей». Так прямо и сказал. Вижу: можно без церемоний, мужик совсем простодырый... Сейчас и вспомнить смешно. — Раздался громкий, трескучий смех.

Павел молчал.

— Короче, оформил я этот «вольво» на своего брата, специально из Киргизии вызвал, а потом на Наталью, и год катался, как сыр в масле. Никаких шумов! Чудо, не машина! А потом продал, потому что новую взял. Потом опять новую. Каждый год иномарки менял.

— Где, в Америке?

— Что в Америке?

— Катался.

— В какой Америке?! А, в Америке! Так туда я позже уехал.

Шутин замолчал, даже в пьяном угаре осознав, что сделал какой-то промах.

— Я тебе как друг скажу... — начал было он.

— Да какой ты друг, — тихо сказал Павел. — Попутчик.

Само определение прозвучало нелепо и дико. А ведь если бы Михаил Шутин назвал его другом полгода тому назад, это был бы предмет для гордости.

И молчание опять повисло в прохладном ночном воздухе тупым колуном. Тяжело так нависло.

— Интересно, — выдавил Локотов хрипло, — машина, на которой ты бомбишь... зарабатываешь... на которой меня на дачу возил и мы с тобой шашлык жарили... тоже из подобного источника? И дача?

— А тебе какое дело? — звонко спросил Михаил. — Следак ты, что ли? Давай лучше накатим. За мир во всем мире. Посвети.

Он налил два стакана и протянул один Локотову.

Вместо того чтобы принять передачу, Павел ударил фонариком по протянутой руке, а потом направил луч света в ненавистную морду:

— Я думал, ты честный мент! — сказал он. — Честный мент! — повторил он. — Я всем врал за тебя!

Шутин отпрянул:

— Ты что... Совсем?! Ну врал я, что в Америке был. Ну и что? Чего ты взбеленился? Украл я у тебя что-то?

Он явно испугался: Локотов был выше и сильнее, а вокруг не было никого, только горы, песок и огромный черный валун.

— При чем здесь Америка, черт бы ее побрал!

Павел тоже испугался за себя, что не сдержится. Он взял рюкзак и пошел вверх по узкой расщелине, натываясь на торчащие камни. Коридор между черных скал завершился небольшой пологой площадкой. Локотов расстелил простыню, прилег. Опираясь спиной на рюкзак, он глядел в черное небо с перевернутым месяцем, как на мусульманских могилах. Как будто и месяц выпил и улегся и... уснул. Полусидя, как опытный пьяница вроде Петра Великого, который спал именно так, чтобы не захлебнуться спяну блевотиной.

Приснилась незнакомая старуха, которой ампутировали в больнице голову, но это не помогло, старуха все равно умерла. Родственникам выдали тело, но они требовали и голову. Орала: «Выдайте нам ее с головой!» Но врачи никому никого не выдавали с головой, потому что являлись гуманистами каждый день. Голова лежала среди пустых пакетов из-под чипсов. На нее был надет пакет из блестящей, противной фольги — и голова облизывала его изнутри... Он проснулся.

Спустившись вниз, Павел увидел в лучах встающего солнца Шутина, который сидел на камне, свесив обе ноги набок, как Петрушка, и допивал из горла последнюю, третью бутылку рома.

— Будешь? — спросил он. — Как хочешь.

Два литровых баллона из-под воды тоже были опустошены. Похоже, Шутин вовсе не ложился, дурак с палаткой, которую возил-возил, но так и не поставил. Локотов с трудом нагнулся, извлек из пакета яйцо — разбились всего несколько штук, — вымыл в море, выпил. Это не помогло. Не сказав ни слова, Павел развернулся и скрылся в расщелине.

Вернувшись минут через десять с рюкзаком, он увидел своего попутчика, который кривой, но скорой походкой удалялся по пляжу в

сторону автостанции. В полном облачении, с рюкзаком за спиной. По суетности мелких шажков было видно, что, если б Михаил мог, он бежал бы. Павел догнал его без труда и спросил:

— Ты в самом деле хотел уйти вот так, ни слова не сказав?

И услышал в ответ заранее заготовленную тираду, в которой не содержалось ни одной фразы без матерков.

— Это ты меня бросил, а не я тебя! — орал Шутин. — Ты ушел, не сказав ни слова!

— Я в Палолеме остаюсь, — пытался возражать Павел. — А ты уходишь. Так кто кого бросает?

— Ты! Ты дружбу не ценишь, ты людей, которые к тебе хорошо относятся, отталкиваешь! Ты дурной человек!

— Да, — согласился Локотов и нарочно замедлил шаг.

Хоть бы что-нибудь сугубое сказал! А то ведь все равно что жена, слово в слово! Жена всю жизнь упрекала Павла за ненормальное, согласно ее мнению, отношение к людям. Сама она, «как все нормальные люди», относилась к другим так, как они относились к ней. Что представляет собой другой человек сам по себе, ее не волновало. Директриса в школе ворует на ремонтах, хороших учителей, которые не ради фальшивых показателей работают, гвоздит, но к ней лично относится хорошо — и ладно. Павел считал, что в таком случае, может быть, и не надо бороться, но и дружить стыдно. Он уходил гулять, когда эта директриса приходила в гости. Когда возвращался, жена вначале ругала его, а потом рассказывала, какая директриса воровка и самодурка. Супруга считала, что это нормально, а по-другому — это значит быть неудачником и с неудачниками дружить. С Ваньковым, например.

Моральной поддержкой для Локотова в данной ситуации был только один покойник, Пушкин, который жил в таком же противоречии до самой своей трагической смерти, которая последовала именно вследствие этого упорства. Для него важно было, каковы люди в себе, поэтому он и портил отношения с влиятельными сановниками, заставив пушкиноведов удивляться. Нельзя сказать, чтобы министр Уваров, или фельдмаршал Паскевич, или великий князь Михаил плохо относились к Пушкину, они его за гения признавали и сами к нему тянулись, — а он всех оттолкнул. С Дельвигом, Далем, с Плетневым каким-то, Матюшкиным... с другими далеко не влиятельными людьми дружил, а влиятельных оттолкнул. Отсюда и до трагедии недалеко, невлиятельные не помогут. Любимый брат императора подходит в саду, улыбается дружески: «Что, гуляешь? Расскажи какой-нибудь анекдот...» Ну расскажи! Расскажи анекдот, Пушкин! Чего тебе, известному рассказчику, стоит? Даже несмешной, ведь это же простая условность, предлог для будущей дружбы. Тебя тут же приобнимут, пригреют, покровительствовать начнут. Ан нет! «Вы не в родню, — говорит Пушкин насмешливо, — все Романовы рано оплешивлевают». И в своем дневнике напишет: поступил с великим князем «противу этикета».

Вот результат: сильные враги, бесполезные друзья... Такой человек обречен: даже если посмертно признают гением, при жизни все равно неудачник, и никакой талант не спасет. А вот у Натальи Николаевны отношение к людям было понятное, человеческое. Она охотно ездила туда, где Пушкин и бывать не хотел. Только к влиятельным людям. Кто к ней хорошо относился — тех и она уважала, не копясь, чем живет человек. Незначительных не то чтобы не уважала — не зналась. А Пушкин уклонялся от авторитетного круга, поэтому его и назначили камер-юнкером. Для его же блага, как многие думали, включая жену. Локотов читал, как поэту делались выговоры за отсутствие там, где он быть не хотел, но там был император, а Пушкин входил в его свиту — в самом хвосте, с юнцами. Еще и унижительный мундир надо было надевать. В систему встраивали, чтоб по общим правилам жил. И когда погиб, тот же Паскевич написал: «Человек он был дурной!» Ох, как понимал Павел Пушкина!

Локотов свернул в интернет-кафе, где взял бутылку воды и сел за компьютер со страхом и нетерпением.

...Он умер. Не от побоев, от инфаркта. Такая в организме авария. И никто не виноват, ведь его не убили, это была всего лишь драка.

Методичности дальнейших действий Павла мог бы позавидовать правильный покойник, степенно уходящий на тот свет. Локотов предусмотрел все до мелочей. Он взял пять бутылок рома, пять литров воды, докупил десяток яиц. Хлеб не брал, его индусы печь не умеют, добавляют много сахара. Еду, в которой нет большого количества сахара или перца, они вообще не воспринимают. Хлеб не годился. Все равно что вместо черной краяхи положить на стопку вафлю. Вообще не взял ничего твердого — знал: в рот не полезет. Тошнило при виде еды. Соли взял.

Вернулся на берег. Вымыл яйца — и те, что валялись, и те, что прикупил. Набралось десятка два. Когда мыл яйца, методично оттирая от меток грязи, бросил искоса взгляд на горы. Склон круглогодичного цветения при утреннем непекущем солнце был поразительно красив, но Павла это не задело. Красота умерла для него вместе с Ваньковым и честным ментом Шутиным. Надолго ли? — этого он не знал.

Поднялся на ночную площадку, взял рюкзак, сложил в него припасы и полез вверх, продираясь сквозь цветущий кустарник. Примерно через полчаса достиг репера, который приметил снизу: суховатое дерево, похожее на акацию, которое и оказалось акацией с небольшим дуплом. Упал в ненадежную кружевную тень. В небе реяли коршуны или ястребы — не очень крупные хищные птицы, — высматривая добычу. Короткими перелетами, поодиночке и стайками, с оглядкой на хищников, сипали, перекаркиваясь, вороны. Певчие птицы, активные при восходе, попрятались в тень от таких дневных соседей. Не было видно также чаек. Боком промелькнула мысль, что за два месяца в Индии он ни разу не видел чаек. Их биологическую нишу на здешних берегах

занимали вороны. Индусы рыбачили с лодок настолько мелкими сетями, что у чаек не осталось кормовой базы. Вспомнился Ленинград, где, наоборот, совсем не было ворон, только чайки, которые даже в кварталах, удаленных от моря, бомжевали по мусорным контейнерам. Институтское братство... Леха Ваньков... Дружили хорошо и распределились вместе. Свадьбы в один день играли. Леха далеко опередил его по службе, заслужив ненависть жены Локотова. А за что, когда по заслугам? Человек весь работе отдавался, а он, Павел Локотов, — нет. Не инженер, не писатель, не философ, но живой. Зачем? Зачем жил и, главное, думал? Кто не просто о житейском думает, тот думает профессионально. Зачем Пушкин думал выше горизонта, понятного жене? Чего хочет женщина, того хочет Бог. Это значит — выше Бога думал?

Если ему совесть неведома, то какой он Бог? Нравственный закон как звездное небо — от него или помимо него? Если от него, то Пушкин и Ваньков — законопослушные граждане Вселенной и поэтому должны были быть защищены Провидением. Нет порядка в царстве Божьем. До наоборот нет порядка. А если нет порядка — значит, есть мандат на самосуд. В том числе над властью предрержащей, сиречь Богом.

Он выкрутил крышку бутылки, выпил из горла.

— Прости! — сказал Лехе, опомнившись, и полез в рюкзак за его стаканом.

Наполнил, как положено, по самую кромку, поставил на плоскую поверхность черного камня, выступавшего из скалы. Подумал и водрузил сверху яйцо, которое легло, как будто появилось на свет специально для этого, выдавив избыток коричневой ромовой жидкости, оросившей камень. Подумал еще и присолил сверху по скорлупе.

Мышление и действие, до сих пор совпадавшие во времени, как бы разделились внутренним проговариванием. Он вначале методично думал, а потом методично выполнял, как будто в нем начали действовать два человека: думатель и исполнитель.

Подумал, что поминает Леху как пирата — ромом. А может, так и надо? Ведь честные люди и разбойники местами поменялись: первых мало и открыто действовать они уже не могут. В партизаны подались честные люди. Леха Ваньков всегда, как рыцарь, — с открытым забралом, а надо было тайком добро проворачивать. Добро сейчас можно делать только тайком, это для зла просторная дорога торная... Надо было коллектив вокруг пальца обвести для его же блага. Акции к своим рукам прибрать, как Пухно хотел... Вот чего рабочие Ванькову не простили. В нем зла не хватило, чтоб добро делать.

С усилием вспомнил о Лехе чисто, без слов, без мыслей, — и выпил теперь уже по-людски, как положено на поминках. И подумал, отрубаясь: «Ритуал... Надо держаться за него. Когда больше ничего нет, надо держаться за рутину... Это мостик над пропастью... Ритуал сам по себе становление, потому что... Надо запомнить эту мысль... надо запомнить... запомнить... Зафиксирую на яйце».

Очнулся уже в сумерках, тотчас приложился к бутылке с водой и тут же — с ромом. Огляделся. Яйцо. Белеет в сумерках. Какая-то мысль. Узелок на память. Нет, не вспомнить. И черт с ней. Черта поминать не будем на поминках по Богу. А по Лехе — тем более. Видишь, Леха, куда мне забраться пришлось, чтоб индусы не арестовали, чтоб родной обычай соблюсти: напиться, как положено на поминках по другу. Ибо не медитирую, с тобой пообщаться хочу. А у них нюх, когда человек не сам для себя напивается, а чтоб души схлестнулись. Сразу, небось, в кутузку к прокаженным. Шалите. У вас свои обычаи, у нас свои...

Вспомнил, как в одном городке, кажется, в Гокарне, видел похороны по-индийски. Покойника, завернутого в оранжевый саван, тащили на носилках почти бегом и почему-то смеялись. Потом сожгли, пепел высыпали в пруд, считавшийся священным, и разошлись, абсолютно трезвые, по домам. Выполнили ритуал.

Вспомнил! Ритуал является становлением, потому что противопоставит небытию.

В чужой стране посмотреть — деньги платить готовы. Чужой ритуал в своей стране — нож в горло. Почему? Казалось, только место изменилось, но нет. Чужой ритуал — это все равно что сигнал: исчезни! — тебе и твоему народу. Он вспомнил тонтон-макутов. В воздух они любят пострелять на свадьбах. Ну и стреляйте на своем Кавказе.

А мы вот на свадьбе выпить и подраться любим от души. Хорошая драка — тоже душевно. Однажды шли ночью с Лехой по Староневскому, вдруг из подворотни здоровяк залитый и, ни слова не говоря, — хватъ за грудки. «Что, падла, думал, что уйдешь?! Это ты у меня кошелек вынул!» Внезапно. И не вырваться — двухметровый неформат. Шкаф дубовый, как будто из бывшей графской гостиной выполз. Полтонны весом. Туча. Кулачище — валун. И над головой занесен. Если б не Ваньков...

Леха не испугался. Не бросил. Крови из разбитых носов была лужа, но отбились. Мужик оказался чемпионом Ямало-Ненецкого округа по гиревому спорту. Три дня у них в общаге жил, а они ему деньги собирали на обратный билет.

— Эх, Леха!

Был ведь порядок в царстве. Потому что царство было.

Он выпил, не скупясь. Расколупал яйцо, присолил, опрокинул содержимое в себя. Потом — вдруг стало весело, и, как следствие, прощнулся аппетит — еще одно, и еще одно. И еще рому.

Дальше — больше... Света он почти не видел. Очнувшись — пил, запивал, съедал яйцо, скорлупа хрустела на зубах, и казалось, что он ест землю с солью. Однажды подумал, что никогда не пил запойно, даже в России, а тут развезло дурака и где — в Индии, в трезвой стране, словно сикха какого-нибудь... Потом забыл, что он в Индии. Скукоживался под хлипким одеяльцем, когда мерз. Лицо искусаи москиты. Птицы

ходили по телу безбоязненно и пачкали на него. Он стал частью ландшафта. Ландшафтно аффилированная деталь.

Однажды проснулся от какой-то тяжести. И — первая мысль, когда увидел, что у него на груди: какая мелочь, а давит! Видать, совсем отощал. Обносился телом. До голой души обносился. На груди, свернувшись клубком, лежала змея. Маленькая, не больше полуметра, змейка цвета беж. Под цвет почвы, не доходящий до красного. Пошевелился. Змея проснулась, и они некоторое время смотрели друг другу в глаза. Он понял, что он ей неинтересен. Просто озябла ночью и прилегла, найдя теплое место, как кошка. И — прощай на рассвете. Возможно, она не одну ночь таким образом коротала, а он и не знал.

Змея стекла со своего живого ложа медленной струйкой и направилась к стопке Ванькова. Павел с любопытством наблюдал за ее действиями, которые внушали священный трепет. Похоже, змея вознамерилась проглотить яйцо, несмотря на то, что ее голова была почти втрое меньше. Не спеша, приступила к обеду. По мере заглота черепные кости раздвигались, пока яйцо не исчезло. Кожа змеи, обтягивающая ползущее внутри яйцо, становилась зеленой. Видимо, чешуйки с оборотной стороны имели такой цвет. Или частично явил себя зеленый змий, пора уже ему, змию. Угнездив яйцо в желудке, змея бесшумно поползла вверх по акации, унося в себе частичку Лехиной души, упрятанной там, где змея была зеленой. Медленно заползла в дупло и исчезла.

«Ведома мне акация!» — мелькнула исчезающим змеиным хвостом заповедь строителей Храма. Поняв, что произошло, Павел обрел такую ясность ума, что свет, разлитый в воздухе, напрягся до звона, став осязаемым. Вернулось чувство мира, которое казалось вывернутым наизнанку в своей новизне. Время замерло в мгновении, как в бесконечности. Ведомо мне бессмертие! — даже если это не оно.

Акафист — это ведь от «акация», подумалось.

Найдя слово для события, Павел выполнил ставший привычным ритуал из четвертой по счету бутылки — ну его, этот чрезвычайный мир, ритуал есть спасение — и забылся сном.

Очнувшись через неизвестное время, увидел прямо перед собой огромный темный ореол, за пределами которого все было свет. Обычно он просыпался днем от лучей, бивших сквозь ненадежную дырчатую тень в глазные яблоки, прикрытые веками, и менял положение. Но все изменилось, привычной картины не стало, как будто некий джинн перенес его во сне в иное пространство, где тень стала сплошной и надежной, как в комнате. Неужели набежала тучка, и пойдет дождь? Не может быть, в Индии в это время дождей не бывает, муссонный климат. Вокруг бегали какие-то мелкие куры, похожие на бентамок, но с длинными змеиными шеями, и ловко ловили бабочек, которые, казалось, все слетелись сюда. Сделай вдох — бабочку проглотить... Компот из бабочек в воздухе... Брр! Это ж надо так допить!.. Кошмар из кур и бабочек!..

На фоне темного ореола с короной яркого света вокруг — кошмарный кошмар из бабочек и змеевидных кур... Но красиво.

Он выпил из пятой, с головой закрылся простыней. Будь что будет — и полетел с ромовым джином дальше. Снился Леха, который встал из могилы, куда вместо него улеглась его, Павла, жена, а они гуляли и веселились, пока не пришли в дом, где Леха узнал пол по доскам. «Это я стелил! — весело сообщил Леха. — Это тетки моего друга дом. Помнишь, я рассказывал. У которой муж погиб на войне и остался сын, да еще одного гуляющая младшая сестра подкинула. А она на колхозной работе простудила уши, и ей выписали капли, но она не стала капать и нарочно оглохла, чтобы получить инвалидность и работать на своем огороде и кормить детей, которые голодали, потому что в колхозе за работу ничего не давали. Так вот: у нее все получилось по задумке! Уши вытекли гноем. Вот повезло, представляешь!.. Ей все завидуют!» И они оба смеялись и смеялись, радуясь за гнойную глухоту военной вдовы. Животы натрудили, но не могли остановиться. Проснулся, содрогаясь от рыданий, на мокрой от слез простыне, не зная, какой сейчас день и где.

Хотелось и дальше смеяться и смотреть, как смеется Леха, и хотелось ссать. Второго хотелось невыносимо, но первого еще больше, поэтому он не вставал долго, надеясь возвратиться в сон, а там — хоть обоссаться, хоть умереть. Но сон бросил его обидно. Пришлось вставать и отливать.

Он огляделся по сторонам. Солнце еще не опалило цветы, заставляя свернуть лепестки или поникнуть, подставив загорелые шейки. Все личики были открыты, как в Петькиной мечте про Гюльчатай... Розовые, красные, сиреневые, белые... Бабочки под стать цветам... Певчие птицы, яркие, как бабочки... На склоне горы — как на огромной картине.

Огромный сад и грязная свалка одновременно — вот что такое Индия. Огромный, цветущий сад, в котором свалены зловонные и непотребные отбросы. Так Гамсун описал явление, самое необычное на свете: сердце влюбленного. Индия — это сердце влюбленного. Мир — влюбленный, а Индия — его сердце. А если влюбленный, то непредсказуем: на чудовищное способен и на прекрасное, думал Локотов, тщательно отряхиваясь.

И тут он увидел это... Замер, пораженный. Догадка пронзила молнией — и мир вновь наполнился смыслом. Это было мгновение, стоящее вечности, а может быть, она только в таком обличье и существует? Он стоял, держась за крайнюю плоть и забыв о времени, в восхищении, пока зеленые с черным ободом глаза не закрылись другими перьями. Красота кончилась, а смысл нет.

...Павел собрал свои вещи каталептическими, восковыми движениями, почти не глядя, и пошел вниз. У моря разделся, искупался и преобразился сразу. Пропало аутическое раздвоение мысли и действия, он

весь был порыв, как в юности. Счастье присутствия и голод, голод, голод... И голод тоже был счастьем.

Локотов нацепил рюкзак и пошел по излучине залива в ближайший пляжный ресторан, открытый всем ветрам, которых не было. Была блаженная тишина теплого индийского предвечерья.

В ресторане сел напротив пожилого индуса в очках, в черном пиджаке поверх белой сорочки, похожего на учителя. Заказал то же, что и он, — тали, которое принесли спустя каких-нибудь пять минут. В индийских ресторанах это дежурное блюдо: гора риса на большом подносе, накрытая сверху двумя тонкими лепешками чапати, и — по кругу — штук десять маленьких плошек с разноцветными острыми соусами. Красиво. Плюс железный стаканчик с водой из крана: хочешь — пей, хочешь — мой руки.

Тут же — индусы общительны — нашелся собеседник.

— Ты знаешь, — говорил Локотов, — он почти сливался с цветущим склоном. А в тени под хвостом — представь себе — оказался безопасный выгул для цыплят. Если учесть ворон и ястребов, это во много раз увеличивает их шансы выжить. Вот почему самки выбирают самцов по хвосту. Мужественный птах! Над ним коршуны парят, а он стойко стоит, семью свою защищает! А люди над ним смеются, мол, ничемная птица!

Павел рассказывал запальчиво, как некую важную весть. Путал английские слова, вставлял русские, и со стороны напоминал проповедника.

— Я видел... разложенный по цветущему склону так, что... теперь все понятно, все встало на свои места!..

Индус усердно кивал из стороны в сторону и оглядывался в опаске.

— Выходит, что в любом, даже самом нелепом явлении есть смысл, до поры мы его просто не разумеем. Понимаешь? Когда это просто вычурность, причуда — это не та красота, которая спасет мир, наоборот! Пустая красота губит мир. Разве может спасти красота Элен Безуховой? Мир спасает мудрая красота гармонии. Даже если такая несуразная вещь, оказывается, имеет смысл, то мир не так уж плохо устроен. С этим вполне можно жить, понимаешь?

Локотов с надеждой посмотрел в равнодушные глаза улыбающегося человека, не понимающего его воодушевления, макнул край лепешки в соус и вдруг почувствовал мягкий, но сильный толчок в плечо. «Явился! — подумал о Шутине. — Слава богу, живой!»

Обернулся и увидел дружелюбную коровью морду. Парнокопытная зашла в ресторан полюбопытствовать, чем кормят и стоит ли захаживать на досуге.

— Отстань, — сказал Павел. — Сам голодный как волк. Шесть дней крошки во рту не было. Отстань по-доброму, а то и тебя съем.

Подбежала официантка в зеленом сари, маленькая, как ребенок, и вежливо вывела корову, приманивая лепешкой.

— А вот в России коровы по ресторанам не ходят, — сказал Локотов старику.

— Их не пускают? Бьют?! — разволновался индус. До спасения мира ему не было никакого дела, а мысль, что где-то бьют коров, взволновала его не на шутку.

— Нет. В городах коров нет.

— Да?! Это удивительно! — Собеседник вытаращил глаза. — А откуда тогда молоко?

— Из деревни, — сообщил Павел.

— Не может быть! В деревне свое молоко, в городе свое молоко.

— Деревня дает молоко городу.

— Город отбирает у деревни молоко? Это нехорошо. Нельзя людей обижать, — с менторским достоинством молвил индус, похожий на учителя, вымыл руки, полив водой над подносом, из которого ел, встал.

Все-таки Индия — наоборотная страна. В России часто можно встретить мужика в штанах без пиджака, но в пиджаке без штанов — это беспредел. А теперь перед Локотовым стоял человек, у которого вместо штанов была намотана белая набедренная повязка. Обуви на ногах не было, что удивляло даже больше, чем отсутствие штанов.

Перед едой руки не моют, моют после еды — обобщилось еще одно наоборотное наблюдение.

Увлечись вкусным тали, Павел даже не обернулся, когда его толкнули еще раз.

— Пошла вон, — пробубнил он с набитым ртом, — по рогам получишь.

— Я пока еще мужского пола, — сказала корова, села напротив и оказалась Шутинным.

— Привет! — весело сказал Павел. — Ты английский на зоне выучил?

— Подновил, — усмехнулся Михаил. — В школе учил, в институте.

— Большой срок?

— Три года.

— Свои, конечно, подставили?

— Конечно. Вместо лоха — барыгу. Он вначале простаком прикинулся, я нажал, а там все на камеру писалось. Завидовали, подлецы, что я с генералом дружу. Пришлось в психушке прятаться, время тянуть. Иначе больше дали бы. Понимаешь, я ведь все для них... Для сына, для дочки!.. В люди выводил. Учеба, то-се, чтоб тачка нестыдная... Сынку после первого курса купил «опель». А как же? Тачка есть — девки есть, тачки нету — девок нету, а значит, и парня этого как бы нет на свете. Не на зарплату же это все. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Павел. — На зоне чел был, который по Америке мотался? Да?

— И это знаешь?

— Я теперь все знаю, — пошутил Локотов. — Да и невелика загадка с двумя неизвестными. Где ты был?

— В Агонде жил. Тут неподалеку.

— В палатке?

— Домик снимал.

— Выходит, зря палатку возил? Дурень с палаткой.

Они рассмеялись. «Про акафист ничего не скажу, — подумал Павел, — и про павлина тоже». Мир обрел смысл для него, потому что у него появилась тайна. Ему стало обидно за свою недавнюю злость, которая казалась даже не стыдной — скучной.

Спустя неделю, сидя у свежей могилы, Павел говорил:

— Ты понял, Леха? В сухой сезон в тропиках цветы распускаются на рассвете и в сумерках, днем закрываются. Павлин создает своим огромным хвостом тень, заманивая бабочек со всей округи. Цветы раскрываются и испускают аромат. Сюда залетают бабочки в поисках нектара — и потомство павлина оказывается обеспечено едой. Да если б не папин хвост, павлинята вообще не имели бы шансов выжить! Ведь их природный корм — летающие насекомые, а у павлинов, как у всех куриных, есть такая особенность: «куриная слепота». Они слепнут в сумерках, стало быть, ловить бабочек не могут. В жару бабочки не летают, потому что цветы не дают нектара, он мгновенно испаряется. Павлин, создавая тень, побуждает бабочек летать, причем во множестве, в одном месте. Там воздушный коктейль из бабочек! Цыплятам остается только рты разевать. Зацени, какой ансамбль создала природа! Согласись: не может быть, чтобы такой совершенный мир не имел никакой цели. А на голове у павлина — яркий венчик, похожий на цветок, что маскирует его самого и создает тень для головы. Это такая красота, такое совершенство! Это бессмысленная красота и при этом добрая, не горгонья. Мир прекрасен, Леха! Ты думаешь, мол, неудачник, что жизнь провалил, что не поняли тебя? Заботу и опеку твою? Но у природы тоже ведь не сразу все получилось! Сколько провалов было, пока такое совершенство сотворить смогла, на первый взгляд совсем бессмысленное! У природы получилось и у людей получится.

Через месяц он уехал в Индию навсегда. Его видели сидящим на берегу и с улыбкой глядящим в океан.

Олег РЯБОВ

ЭТО НАШ ДВОР

Р а с с к а з

Мишка Жмуркин был старожилом во дворе — он здесь родился и планировал всю свою жизнь провести тут: нравился ему его двор.

Ушла, наверное, целая эпоха, связанная с жизнью в городских дворах, которые, безусловно, являлись надежной и устойчивой «ячейкой общества» с обязательными участковым, дворником и домкомом; по государственной значимости такая ячейка располагалась сразу после семьи. Уже написаны романы и песни про жизнь в этих дворах. Уже и дворов-то, формировавшихся одно- и двухэтажными деревянными и щитовыми домами, связанными друг с другом сараями-дровяниками, почти не осталось — все больше вырастают на огромных пригородных пространствах какие-то молчаливые мрачные «гарлемы» из холодных многоэтажек с пустующими детскими площадками и забитыми автостоянками. И общества на этих продуваемых ветром пространствах, такого общества, которое само собой организовывалось в старых городских дворах, не создашь — не получается. Раньше каждый житель прямо в майке и в домашних тапочках мог его, этот двор, обойти и окинуть взором, и это было пространство, за которое он без всяких законов или предписаний нес ответственность как за что-то свое. И за соседей, которых он всех знал и которые все его знали, он тоже нес ответственность. И это была коллективная ответственность, благодаря которой создается общество.

Двор Мишки Жмуркина выглядел как засаженный деревьями и кустами, с клумбами и обихожеными дорожками участок внутри каре из четырех четырехэтажных зданий. Дома эти назывались «домами специалистов», и строились они в центре города в тридцатые годы для врачей, инженеров и профессоров. Квартиры были в них большие, трех- и четырехкомнатные, с ванными, центральным отоплением и прочими буржуазными излишествами. Даже котельная для этих домов была поставлена отдельная, в виде небольшого кирпичного пристроя.

Во время страшной, безумной войны миллионам беженцев из сожженных и разоренных городов и сел Украины, Белоруссии,

Смоленщины, с других временно оккупированных немцами территорий, эвакуированным из блокадного Ленинграда пришлось искать себе новое пристанище в тылу страны. Строились на скорую руку бараки-временки с земляными полами и вечно дымищими печками-буржуйками. И стал привычным термин «уплотнение»: приходил в квартиру домком и объявлял, что надо освободить одну комнату для эвакуированных. Люди безропотно шли навстречу вынужденным переселенцам: у них самих кто-то не вернулся с фронта и никогда уже не вернется. Такое время было.

После войны, когда почти все квартиры в «домах специалистов» из-за уплотнения стали коммуналками, все в жизни двора поменялось. Если раньше тут обитала пусть и не очень однородная, но сознающая свою значимость городская элита, то теперь можно было смело разделять жителей на «своих» и «приехавших». И приехавшие, как правило, не только в социальном плане, но и в материальном оказывались много ниже старожилов двора. Хотя трудное послевоенное время объединяло людей и быстро зализывало эти различия: «сорок восемь — половину просим!»* стало девизом тех лет.

Надо не забывать про важный элемент городского довоенного быта: когда возводились «дома специалистов», обязательным приложением к жилым постройкам были сараи. Это были уже не дровяники, однако погреба для различных домашних заготовок вроде квашеной капусты, соленых огурцов и грибов в них обязательно имелись, да и предметы для сезонного отдыха, такие как лыжи и велосипеды, хранились тоже там. Сарай в Мишкином дворе были поставлены очень хитро: чуть в стороне, так, что их почти не было видно за пышными кустами сирени и они не царапали взгляд.

Прошло и двадцать, и тридцать послевоенных лет, и мало кто уже вспоминал, что это место — «дома специалистов» со скрывающимся за ними зеленым, заросшим сиренью и акациями двором — было легендарным в Горьком и проживали тут когда-то и маршал Конев, и сестра Андрея Жданова, и много других известных личностей.

Отец Жмуркина был большим городским и областным начальником, и его регулярно, раз в два-три года, переводили на новое место службы, и всегда с повышением. Поговаривали, что его ждет уже место в Москве, чего Мишка очень боялся — не хотелось ему переезжать в Москву. Хотя злой Вадик Костылин в школе как-то раз крикнул Мишке, предварительно высунув язык: «Твоего отца все равно посадят!» За это Жмуркин позвал Вадика в школьный туалет, там ударил его крепко кулаком в ухо и еще раз — под дых, а Костылин только снова показал ему язык и что-то промычал.

— Мало ты ему врзал, — заметил присутствовавший при том Илья Криворотов, новый Мишкин одноклассник, — можно я ему добавлю? Очень уж он мне не нравится.

* Детское присловье: человека, который ест, просят поделиться едой.

— Не надо, — ответил Криворотову Жмуркин, — я вечером сам ему еще добавлю. Я знаю, где он живет — в Холодном переулке. Схожу!

— Тогда я с тобой тоже схожу.

— Пойдем, — ответил Мишка.

Он уже понял, что Илья Криворотов еще и его сосед по двору: видел, как пару дней назад привозили на машине вещи новые жильцы. Они заселялись в бывшую квартиру одного полковника, которого, по словам соседей, переводили служить куда-то на Север. Видел Мишка в тот раз и этого Илью, но не успел с ним познакомиться. А тут — сама судьба ему в помощь.

Только если судьба и помогла друзьям поближе познакомиться, то вовсе не так, как они планировали.

В тот же день, вечером уже, но вполне еще засветло, Михаил возвращался к себе домой из сарая с авоськой картошки. Пять мешков только что привезли из деревни на грузовике, чтобы на всю зиму хватило, и разместили в сарае, хотя в подпол еще и не спустили, а мама попросила принести на пробу; хотя чего ее, эту картошку, пробовать — каждый год только лысковскую покупают. Выйдя из-за угла дома и направляясь к своему подъезду, увидел Жмуркин, что его новый сосед Илья взят в «коробочку» прямо посреди двора, то есть окружен четырьмя взрослыми ребятами, настроенными ну очень даже невежливо; взрослыми — значит, лет по пятнадцать-шестнадцать, а это уже не двенадцать, как Мишке с Ильей. И больше во дворе никого!

С этими четырьмя чужими пацанами был еще и Вадик Костылин, тот самый Мишкин одноклассник, с которым он разбирался утром в школьном туалете. Вадик, видимо, и привел всю эту шпану для выяснения отношений. В следующую минуту должно было все начаться. Михаил понял еще, что пришли эти ребята конкретно к нему, а встретили Илью случайно.

Слабину давать было нельзя — это Михаил знал. Он уверенно и очень быстро, скорее даже торопливо, подошел — почти подбежал — к компании.

— А вот и я! Вы не меня тут искали? Мне мама сказала, что приходили товарищи из комсомольской организации, просили какие-то бумаги подписать. Говорили ей, что меня на ударную комсомольскую стройку срочно отправляют. Зря вы ее так напугали, плачет она.

— Тебя, тебя мы искали, — ядовито кривя улыбку, закивал головой Костылин.

— Ой, Вадик, а поддержи, пожалуйста, — прикинулся дурачком Жмуркин и сунул в руку Костылину авоську с картошкой.

— А зачем я ее буду держать? — опомнился Костылин и бросил картошку на землю.

— Не бросай, я сейчас заберу ее у тебя. Подожди минутку, я сбегаю в сарай за топором.

— За каким еще топором?

— Подожди минутку — сейчас все увидишь. Только ничего тут не делайте без меня, — погрозил непонятно кому пальцем Мишка и с озабоченным видом бросился к себе в сарай, откуда почти моментально возвратился, но уже неторопливым шагом и улыбаясь. В руках он держал наган, самый настоящий боевой наган, такой, какой все нормальные люди только в кинофильмах про Гражданскую войну видят. Он нес его перед собой уважительно и осторожно, как взрослые мужики несут полную кружку пива.

— Вот, ребята: топор я не нашел, но нашел кое-что получше, — произнес Жмуркин, поднял руку вверх и нажал на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал не очень громко, будто в лесу толстая сухая ветка сломалась, но подействовал на присутствующих совершенно неожиданным образом: двое пацанов бросились бежать со двора, двое с маху сели на ближайшую скамеечку, раскрыв рты, а Костылин стал спешно собирать рассыпавшуюся картошку назад в авоську.

— Спасибо, Вадик, тебе, спасибо, я сам соберу, — произнес Мишка чуть дрожащим голосом: он, видимо, и сам не ожидал такого эффекта от выстрела. — Ты забирай давай своих хулиганов и больше к нам во двор их не приводи. Это наш двор. А главное — не бойся, я тебя бить завтра не буду. Я тебя просто застрелю в следующий раз, как врага. Понял?

Вадик Костылин и двое его приятелей, которые пришли в себя, второго приглашения не стали дожидаться, а быстренько смотались со двора.

— Вот, последний патрон пришлось на тебя, Илюха, израсходовать. Неправильно сформулировал — не на тебя, а ради тебя, — с сожалением покачивая головой, признался Жмуркин и протянул оружие округлившему глаза Илье.

Илья взял в руки наган.

— Откуда у тебя такая штукавина?

— Это деда моего, он был командиром армейского Смерша во время войны. Это наградное оружие, у него где-то и удостоверение было. Дед тут с нами вместе жил, он умер год назад, а я успел наган в сарай спрятать — от греха подальше и чтобы не реквизировали. Я помню, он с этим наганом на охоту ездил, если на кабана или на медведя, — говорил, что это самое надежное боевое оружие. Наган — он надежнее и «вальтера», и «макарова»: осечек не бывает.

— А если кто-то из этих ребят проболтается?

— Во-первых, они все перебздели так, что болтать не будут. А во-вторых, у меня там, в сарае, есть и поджиг, очень даже приличный самопал. Скажу, что всё всем показалось, а стрелял я из поджига, чтобы просто пошуметь. Там чего, с поджигом, — серы со спичек наскоблил, и вся премудрость.

Во «двор специалистов» Костылин больше не заходил, а в школе и с Жмуркиным, и с Криворотовым здоровался издали.

Владимир КРЮКОВ

В ПОЛОСЕ НЕВОЗВРАТА

* * *

Проводив уже многих и многих,
вознамерился нынче и сам
поучиться протягивать ноги
по одежке, по дням, по часам.

Но какие тут, к черту, законы?!
Пусть до смерти четыре шага —
все неявно, темно, незнакомо.
Будь что будет — и вся недолга.

Веселее в преддверии морга
дефицитные вспомнить года:
там директором облкниготорга
мне хотелось побыть иногда.

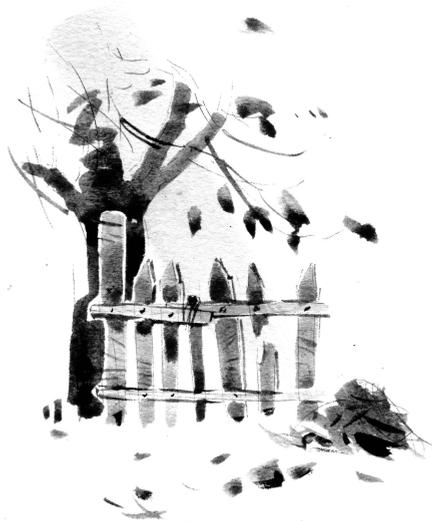

* * *

Тьма тепла и густа.
Хорошо и без лунного света —
так целуют в уста,
кто прощается, зная, что это

навсегда, навсегда —
никакого последнего срока.
Вот такая беда
подловила тебя ненароком.

Дальше как-нибудь врозь.
Прикасается ласковый ветер
и проходит насквозь
шелестящие листьями ветви.

* * *

Это он, тот безбытный скиталец,
всей тоске мировой вопреки
поднимал указательный палец
своей тонкой красивой руки.

Говорил, что без правды увянет
древо жизни. И ремесло
не поможет. Проповедь станет
омертвелой осыпью слов.

Он сказал это как-то иначе,
по-другому, да что за беда.
Ангел гнева и ангел плача
за спиной его были тогда.

И теперь, в полосе невозврата,
по прошествии множества лет
это сказанное когда-то
озаряет меня как свет.

Марбург

Улица тихо взбирается в гору —
Это и есть Пастернакштрассе.
Это и есть тот самый город,
Где разыгрались юные страсти.
Камень лестниц, длинные шпили.
Тут когда-то жил Ломоносов.
Весело вспомнить: и мы здесь пили
Кофе в память великих россов.
Время жить принуждает наспех.
Как удержать то, что было мило?
Но засыпая, я вижу нас всех,
Даже Бориса и Михаила.

* * *

Есть нечто тайное, такое,
Чего еще не знаешь ты.
Ночь в настроении покоя
Освободит от суеты.

И, простираясь надо мною,
Совсем не требует страдать.
Другой, нестрашную ценою
Тебе дарует благодать.

И кажется, что нету ада,
Пусть про него читали мы,
А есть безмерная громада
Вполне к нам дружественной тьмы.

Андрей РУДАЛЕВ

ИЗГНАНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Выстраивание иерархий

В начале нулевых петрозаводский журнал «Север» напечатал мой текст «Усталость от звуков». У него было черновое название «Смерть читателя». Я тогда еще только заходил в пространство современной отечественной литературы, и первое, что мне бросилось в глаза, — это феномен стимула к чтению. Отчего книги современных российских литераторов слабо востребованы? Почему читатель с большой опаской ведет себя на этой территории, будто на минном поле, и чуть что — бежит к надежным проверенным авторам прошлого?

Можно найти массу объяснений такому поведению потребителя печатного слова. Может быть, дело в недоверии к новому, ведь книга должна быть проверена временем. Или потому, что в перестройку прошел вал ранее закрытой переводной и так называемой возвращенной литературы. Он отодвинул на второй план книги современников, и эта инерция, привычка воспринимать тексты современников как что-то второсортное, долгое время сохранялась. Либо после затяжной череды катастрофических процессов в стране людям, только переведшим дыхание, было не до серьезной литературы. Да и что она могла им сказать? Или могла, но не сумела?

Отчуждение читателя от современной отечественной литературы было очевидно, и как реквием звучал приговор: «Не читают!» Возникало устойчивое ощущение, что основные проблемы невостребованности книг заключены в самом литературном процессе. В том, что он потерял направленность на читателя, что налицо прогрессирующая тенденция отстранения автора от реальной действительности. Зачастую за брезгливым отношением к ней не принятый читателем «пастырь человеческих душ» скрывает страх и растерянность.

В вышеупомянутой статье я писал: «Современную литературу не читают, потому что не знают ее, а не знают, потому как она не заявляет о себе, уткнувшись головой в песок. Сама современная литература своей близорукостью, отсутствием внимания, заботы по отношению к читателю виновата в том, что ее не читают (разве что только специалисты и близкие автору люди). Литература, не направленная на читателя, грозит замкнуться в себе. Подобное не означает другого перекоса: пропаганды обязательного следования спросу, конъюнктуре, рынку».

В том давнем тексте также отмечалось: «Сейчас куда ни кинь взгляд — преобладает сплошная автокоммуникация или другая крайность: образ читателя подменяется образом потребителя. Читатель все чаще воспринимается не иначе как потребитель, но вовсе никак не собеседник. Отсюда чувство ответственности писателя перед читателем попросту деформируется и оценивается лишь по шкале товарно-денежных отношений. Взять хотя бы заявление Виктора Пелевина: “Я писатель. Я ни перед кем не ответственен”».

Отсутствие направленности на читателя ставит под вопрос само функционирование художественного произведения. Оно не преодолевает рамки, остается в пределах письменного стола, фантазии автора и узкого круга реципиентов. Размещенный на некоем сайте текст представляет собой ловушку для случайного читателя. Он не продуцирует себя вовне, т. е. попросту не функционирует.

Возникает и проблема коммуникации. Текст, как диалог автора с миром, воспринимается монологом, обращенным к самому себе, созданным исключительно для самого себя, т. е. происходит потеря коммуникации, которая перерастает в автокоммуникацию. Это хорошо иллюстрирует общая тенденция сокращения тиражей книг и увеличение количества их наименований. На издательском рынке предложение заметно превышает спрос».

Надо отметить важный момент, касающийся книгоиздательского бизнеса. Тогда он еще не был таким монопольным, как сейчас. Книги наших современников только начали появляться и с большим трудом пробивали себе дорогу. На первых порах этому способствовали премии «Нацбест» и «Русский Букер». Издательскому бизнесу нужен был хороший спрос, гарантированный доход, а с новой книгой всегда масса неизвестных.

За прошедшую пару десятилетий многое изменилось. Отечественные книжные новинки адаптировались к условиям рынка. Акцент переместился с больших тиражей на ассортимент предложений на любой вкус, на культ новинки. Этому послужил и особый премиальный календарь, и писательский конвейер в стиле Виктора Пелевина — обязанность выдавать по книге в определенный период, чтобы не проскочить мимо заманчивых списков премий и быть на плаву.

Однако уже в нулевых возникало ощущение сознательной стратегии по выдавливанию читателя. Оно рождалось изменением формата его коммуникации с художественным текстом. Вместо массового читателя, как это было в Советском Союзе, ставка делалась на сегментированного, на особую форму градации и читательской иерархии от профана до посвященного.

Активно обсуждалась мысль о дифференциации современной культуры, наличия в ней массы субкультур. Это же касалось и литературы. Такие деструктивные процессы служили размежеванию и ограничению круга читателей, делению их по возрастному, профессиональному, половому, социальному и другим признакам.

С одной стороны, издатели проводили изучение читательского спроса. Например, исследовали, чем зачитываются домохозяйки и незамужние дамы, чтобы приготовить универсальный эликсир и формулу успеха для этой аудитории. С другой стороны, влияла идеологема иерархического читателя, когда для массовой аудитории выдается ширпотреб, а для

элитарной — «настоящая», «большая» литература. Автор последней стремился коммуницировать с изысканным и особым читателем, таким же, как и он, творческим, чтобы говорить с ним на одном языке, а не со всякими там Скамейкиными, чтобы избежать «порчи» своего послания. В данном контексте вспоминается высказывание из романа «Новый сладостный стиль» Василия Аксенова: «...я действительно делю читателей на творческих и “других”, всяких там Скамейкиных, и этого творческого читателя, а не Скамейкина считаю истинным соавтором книги. Seriously говоря, каждый акт чтения творит новую версию книги; это как в джазе. И Боже нас упаси от машинного “скамейкинского” чтения, что перемелет и филе-миньоны в шведские биточки...»

Элитарная публика не может быть многочисленной, она должна получать штучный товар, а не тиражи, чтобы обозначить свою статусность.

В этой связи вспоминаются реплики итальянца Спада из романа Всеволода Кочетова, опубликованного в 1969 году, который заявляет, что в Советском Союзе превалируют «самые примитивные, самые неразвитые читатели», которых там «двести с лишком миллионов», и то, что пишут для такого читателя, не литература, а «чтиво для простонародья».

Вот и вся разница восприятия издателями советского и постсоветского читателя: ставка на демократизацию и максимальный охват аудитории в стиле известного изречения из некрасовской поэмы сменилась иерархичностью и дифференциацией.

После водораздела

Вспомнить обо всех этих рассуждениях заставили дискуссии, возникшие после рубежной для современной отечественной истории и культуры даты — 24 февраля 2022 года.

Все началось с того, что ряд голосов литературных распорядителей начал утверждать, что, например, «поэзия русской победы», или «донбасская» поэзия, никому не нужна. Что на всех публичных выступлениях ее будет ждать «пустыня», а тиражи уйдут в утиль. Традиционные «фи» и «фу». Таких поэтов заклеямили самозванцами, назвали «Z-поэтами». Стали говорить об эксплуатации темы и стараниях «вписаться в повесточку». Традиционно били дубиной качества, безапелляционно заявляя, что это низкий пошиб, ориентированный на невзыскательную публику.

Свой вердикт вынесла и бывший всероссийский литературный критик, ныне иноагент Галина Юзефович, в поле зрения которой попала поэтическая антология «Воскресшие на Третьей мировой». Тексты, включенные в нее, она, судя по всему, не читала, но осудила. Быстро поставила диагноз, что с базара такое никто не понесет. Когда же оказалось, что и залы площадок поэтических выступлений переполнены читателями, и тираж раскупается даже по предзаказу, позиция так же споро изменилась. Мол, в популярности антологии «донбасской» поэзии виноваты пиар, SMM (продвижение в соцсетях), а также фан-клуб Захара Прилепина, который готов ухватиться за все, что порекомендует кумир. По ее убеждению, все это не поэзия, а то, что выдается за нее. Ибо экзальтированная публика готова «хавать»

все, что ей «впарят», потому как настоящую поэзию читать не умеет. Подразумевается, что сама Юзефович работает с публикой совершенно иного качества.

В это же время, рассуждая о поэзии Серебряного века, иноагент Дмитрий Быков писал: «Почему российская поэзия стала эстрадной? Тому было много причин. Во-первых, все серьезные читатели русской поэзии уехали или умерли. Во-вторых, выход всего на эстраду — вообще естественная вещь». Понятно, что свою логику он подкрепляет отсылкой к российской современности, где якобы с «серьезным читателем» большие проблемы по схожим причинам. Остаются только невзыскательные читатели, и эта несерьезная масса будет «хавать» что дают.

Дальше — больше. К «серьезным» читателям Юзефович относит прежде всего «средний класс», который усиленно взращивался в постсоветский период, и «новых русских». Они впитали дух западных гуманистических ценностей и ориентированы на свет демократических истин. Сейчас они понесли тяжкое поражение, растеряв нажитое непосильным трудом. Но в первую очередь проиграла отечественная культура, ведь лишь подобные деятели создавали в стране что-то стоящее. Все прочие на подобное не способны. Логика рассуждений примерно такова.

Отвечая Юзефович, Захар Прилепин назвал подобную цепочку рассуждений «барским буржуазным расизмом». Наш «барин» мыслит так: «Смотри-ка ты, сиволапы. Стишки пошли слушать. Им наврали, остолопам, а они и поверили. Нет там никакой поэзии, пакость одна и зверство. С горем только мы, только мы, только мы чувствуем солидарность».

При этом Прилепин резюмирует: «Русские люди умеют и читать и писать. Современная русская военная поэзия уже стала частью большой русской литературы. Ваши стенания пойдут в качестве примечаний к этому обьективному феномену».

К дискуссии в Telegram эмоционально подключился писатель и поэт Александр Пелевин: «Эти люди десятилетиями (!) отвечали за русскую литературу. Определяли, кто хороший писатель, а кто нет. Кто достоин войти в круг, а кто нет. Что читать народу, а что нет. Теперь оказалось, что народ у нас быдло и читать не умеет. Для кого вы тогда работали? Для себя? Для голландского штурвала столичной литературной тусовочки? Как видно по этому дикому социальному расизму — уж точно не для читателя».

По мнению Пелевина, востребованность поэзии русской победы показала реальное положение дел: «Ну вот теперь пришел реальный читатель и расставил все на свои места. А заодно и увидел, как на самом деле к нему относились “властители дум”. Можете продолжать отрицать очевидное».

Надо сказать, что этот феномен, расставивший все на свои места, создает большую проблему для устоявшейся литературной номенклатуры, которая годами силится подверстать словесность под свои циркуляры и догмы. Например, критик Владимир Козлов именует такую поэзию «ангажированной». Противоположная ей, видимо, является поэзией искренности и свободы. Любопытно, что критик не устает сокрушаться о том, что читателей современной поэзии можно заносить в Красную книгу. Но как только появились свидетельства, что ситуация не злокачественная и вполне обратима,

а читатель ждет и готов воспринимать поэзию, критик с особой страстью набрасывается на авторов. Он стремится выставить их выскочками, чтобы доказать, что поэзии там и рядом не стояло и это лишь «чтиво для простонародья».

Развернувшаяся полемика обнажила реальную подоплеку. Современная литературная тусовка — номенклатура, годами служившая так называемому чистому искусству. Она пыталась создать «настоящую», а не «ангажированную» (которая для темных масс) беллетристику, переводя ту же поэзию в особое безвоздушное пространство. При этом отношение к читателю у нее скорее нецензурное. Читатель реально выталкивается, или ему преподносится нечто «эстрадное», вроде поэтессы, актрисы и певицы Веры Полозковой.

После 24 февраля отечественное литературное сообщество категорически раскололось на два противоположных лагеря. В одном оказалась самозамкнутая тусовка. В другом — авторы, ориентированные на широкого читателя, народ, солидарные с ним.

По этому поводу замечательно высказался поэт Игорь Караулов: «Главное же для поэта — не “поддержать войну” или “поддержать Путина”, как нас уверяет Г. Юзефович. Главное, определяющее: можешь ли ты сделать шаг вперед, к людям? Кто для тебя свои — твой народ или “поэтическая тусовка”, “поэтическое сообщество”? Что для тебя важнее — солидарность с людьми твоей страны или “служение чистому искусству”? Выбор тусовки, выбор “чистой поэзии” автоматически приводит человека в ряды врагов и всяческих гнид».

Также он отметил, что «из живых поэтов конкуренцию пророссийским авторам может составить только Полозкова. Вот тут, да, удалось раскрутить прочно и надолго. Остальных же просто нет. Никаких обладателей громких премий, никаких живых классиков. Их то ли не издают, то ли издают, но не читают». То есть многое из того, что в последние десятилетия выдавалось за поэзию, не прошло проверку читателем. И это совершенно закономерно. По большому счету читатель такой поэзии не нужен.

Достаточно любопытно по поводу высказываний Галины Юзефович прошелся в соцсетях критик Сергей Морозов. Ее подход он назвал «теорией впаривания». В нем читатель низводится до положения стада баранов, которое движется по воле пастуха. Посему книги расходятся не потому, что «свет узнал и раскупил» (это формула свободного интереса), а потому что так называемая «когорта читателей» — часть населения наиболее слабовольная и внушаемая. Книги расходятся не по той причине, что к ним тянутся, а так как их навязывают. Из этого выходит, что «литература, таким образом, сфера полной несвободы и абсолютного отчуждения и только в таком виде способна функционировать». Именно поэтому, считает Морозов, «литература нынче мало кого интересует. Читатель безнадежно потерян». Однако в реальности целевая аудитория игнорирует часть авторов в силу их непрофессионализма и нарочитого снобизма по отношению к ней. Многие отечественные «пастыри душ человеческих» не в силах справиться с большой читательской аудиторией. Проверку на «читабельность» они едва ли пройдут.

Литературная территория в последнее время конструировалась у нас как «сфера полной несвободы и абсолютного отчуждения». Доминировавшие литературные тенденции ориентировались на вакуум, пустоту и диктат. На изгнание читателя и отчуждение от него литературы.

Причин здесь масса, включая стремление к формированию понятия «народ», отличного от большинства. Дескать, народ суть локальные островки цивилизованного меньшинства, считывающего лучи света тайного элитарного знания. Прочие же и читать не умеют.

Подобной стратегией часть авторов защищается от читателя, который, по словам Юрия Лотмана, «вносит в текст свою личность, свою культурную память, коды и ассоциации. А они никогда не идентичны авторским». Писательская задача упомянутой части литераторов состояла в ином: в попытке навязать читателю собственную точку зрения, внедрить в его мозг свое мировосприятие, свою систему ценностей. А для этого необходима ограниченная локальная аудитория, «плывущая» с ними на одной волне.

Помимо подобной идеологемы, среди сочинителей можно обнаружить линию рассуждений, доказывающую, что у настоящей литературы не может быть много читателей.

К примеру, писатель Александр Мелихов рассуждает в «Фейсбуке»: «У меня есть давнее подозрение, что людей, способных воспринимать серьезную литературу, примерно такой же процент, как людей с приличными математическими способностями. Т.е. 3—4 % — пусть каждый вспомнит своих одноклассников. Это очень много, это небольшая европейская страна. И нужно думать об организации именно этого меньшинства. Я бы назвал его аристократическим, если бы это слово так не раздражало». Чего уж скрывать — отношение литературной аристократии к холопам барское...

Как будто писатель — истина в последней инстанции и пишет только для себя. Он лучше знает, о чем писать. Если «нетленки» не читают, проблема в читателях, которые не способны воспринять свет его истин. Поэтому следует не расстраиваться по поводу 3—4 читающих процентов и принять игнорирование как должное. При этом совершенно не берется в расчет, что многие годы делалось все, чтобы отвести читателя от книги. Создавались все условия для торжества графомании — цензура сменилась идеологическим и коммерческим диктатом. Тогда как роль критики свелась к самодеятельности. Главный критик тот, кто способен влиять на продажи...

Можно возразить, что в канувшем в Лету Советском Союзе много читали. Активных читателей было на порядки больше, чем 3—4 %. Уверен, у «элитарных» беллетристов на это найдутся готовые ответы. Ведь в те темные тоталитарные времена не было настоящей литературы, лишь чтиво для простонародья...

«Мы — не рабы, рабы — не мы»

«В СССР книг как таковых не было. То есть они выходили, что-то издавали, но “книги”, которые хотелось купить, не существовали», — проповедовала в «Фейсбуке» литературовед Наталья Громова в далеком 2015 году. Очень удобный тезис, через него можно и читателя свести к нулю. Если книг

не было, а то, что было, чем-то стоящим считать нельзя, то о каком читателе можно говорить, о какой самой читающей в мире стране? Так же легко доказывается, что массовый читатель — пропагандистская иллюзия, а литература доступна лишь одухотворенной аристократии, на которую она и должна ориентироваться.

Последние десятилетия нам настойчиво вдалбливали, что литературоцентричность советского общества, мягко говоря, неправда. Что литература в СССР ничего из себя не представляла, будучи обусловлена конъюнктурой и «партийностью в искусстве». Поэтому советские писатели были не летописцами эпохи, а поделчиками преступного режима. Так, якобы всем известно, что Михаил Шолохов не писал небезызвестный «Тихий Дон». Это априори ясно всем приличным людям, а с неприличными о чем разговаривать?

За минувшие 30 лет новые книжники и фарисеи стали крайними догматиками, грешащими абсолютизацией своей картины мира и полным неприятием чужой. Однако любой взгляд на мир с позиций догмы ведет к его расколу, разделению на «мы — они», «свои — чужие». С этой точки зрения мы — свет знания, который мы ревностно стережем. Тогда как «они» — это греховная периферия, темень невежества и дикости. Так и никак иначе.

Поэтому знанием и видением прекрасного обладает только узкий круг посвященных мистагогов. А если простой мужик в массе своей понес Белинского и Гоголя с базара, так его как бы не существует. Дремучая периферия, что с него взять?.. Если тот же мужик вдруг написал «Тихий Дон», следует сделать все, чтобы отнять у него авторство. Ибо это нарушает привычно-железобетонную картину мира. Мистагогов больше интересует монополия на книгу, к ней они никого не собираются допускать.

Таким образом, адепты «элитарности» литературы претендуют на тотальную монополию в культуре, на базис для создания своего четко черно-белого виртуального мира. Именно такие процессы доминировали в отечественной литературе в последнее время по мере погружения в культурологические топи.

Как-то в интервью писатель Павел Басинский отметил, что человек, не читающий книги, — низшая каста. Примечательно, что в советские годы это кастовое деление было преодолено. Среди обывателей встречались люди, в руках не державшие книг, но такая позиция воспринималась крайне маргинальной. Сейчас же достаточно сослаться на занятость либо ни на что не сослаться, а просто парировать вопросом «Зачем?». Самое ужасное, что люди не просто охладели к чтению. Им много лет подспудно внушалось это равнодушие, дабы зафиксировать их в положении низшей касты.

Отправка масс на культурную периферию — не случайные побочные эффекты новых реалий, которые сформировались в стране после развала СССР в 1991 году. Это сознательная культурная стратегия, по которой массы не должны быть причастными к высокой культуре. Она должна стать закрытым клубом, который может генерировать вовне лишь адаптированные под массы модные тенденции и тренды, в которых закодированы императивы культурных деятелей — элитариев.

Литературный критик Алла Латынина в свое время сформулировала такую культурную политику в стиле «Каждый сверчок знай свой шесток». В

русле извечного противопоставления аристократов и демоса это звучит как «либеральные свободы ведут начало от аристократических привилегий, завоеванных Великой хартией вольности, а не от мощного напора демоса, который временами у нас возникал».

Недаром поборница западных гуманитарных ценностей и коллега Латыниной Наталья Иванова горько сетовала, что спросом плембса пользуется антилиберальный проект. У масс повышенный спрос на «антидемократизм, моральную извращенность, ксенофобию», «фашизированную литературу». Поэтому так необходимо защищать культуру от напора подобной тьмы и варварства. К этому критикесса взывала, когда премию «Русский Букер» взял выпадающий из ее цензурных рамок роман Михаила Елизарова «Библиотекарь».

Все эти высказывания литкритиков можно найти в сборнике 2005 года «Либерализм: взгляд из литературы». Таким образом проводилась четкая линия размежевания. Так самозваная культурная элита очерчивала свою территорию, устанавливала свое культурное приватизационное право.

Согласно установкам либеральной литературной фронды, с государством в сфере культуры возможны только денежные отношения, при которых ничего и никто ему не должен. Ну а низшая каста на то и низшая, чтобы обойтись без серьезных книг. Примерно так (без нас) наши «деятели культуры» хотят существовать и дальше, за стеной, в своей среде мистагогов. Ведь за ее пределами — извечный страх и первобытный ужас.

По мнению прозаика Светланы Алексиевич, в народных массах сидит внутренний зверь или «красный человек». Поэтому они легко клюют на приманки радикализма, от которого проистекает все самое отвратительное от (о ужас!) антидемократизма до ксенофобии. Таким образом общество становится «фашизированным». Чтобы этот радикализм не развился, необходимо отправить «массы» в культурную резервацию, где они будут довольствоваться предложенными им элитариями стеклянными бусами и развеселыми бубенцами. Вот только после 24 февраля подобный культурно-идеологический проект накрылся медным тазом или черным квадратом на аватарках.

Культурные стратеги и практики возопили: «За что боролись?!» — и почувствовали себя проигравшими. Например, об этом в колонке с говорящим названием «Поражение везде» написал основатель литсайта «Горький» Борис Куприянов. А все потому, что те самые массы проявили себя в плане общественно-политического и культурного делания и преодолели рамки установленной для них резервации.

Самозванные «элитарии» почувствовали, что проиграли, потому как ощутили опасность возврата. А все новые реалии и «реформы» в современной России устанавливались и проводились под лозунгом «Лишь бы не было возврата». Ради этого дозволялось все.

Не надо забывать, что именно в СССР широкие народные массы были на самом деле включены в процесс культурного делания. Они выступали в качестве субъекта и объекта культуры, включая литературу. Все было ориентировано на них. Возникал примат культурного равенства.

Такова была культурная политика победивших в 1917 году большевиков. Через ликбез население страны массово обучалось грамоте. В конце 1919

года вышел декрет о ликвидации безграмотности, по которому все население от 8 до 50 лет было обязано пройти обучение грамоте. Научение грамоте шло в первых букварях с фразы: «Мы — не рабы, рабы — не мы». Это к вопросу о так называемой рабской психологии «совка», которой жонглируют многие прогрессивные деятели.

Спустя чуть более 20 лет к началу Великой Войны 1941 года с безграмотностью в СССР было практически покончено. Сбылась мечта Николая Некрасова, и мужик с базара понес Белинского и Гоголя. В противовес этому можно вполне представить, что сказали бы тогда нынешние культурные деятели: «Грамота доступна только 3—4 % — аристократам духа. Так было всегда, и так должно быть впредь. Народ в своей массе должен быть частично образованным. Ему достаточно милорда глупого или “Лета в пионерском галстуке”». Однако то, что происходило в СССР, было вовсе не аномалией, а культурной, просвещенческой, образовательной практикой, подкрепленной национальной традицией тяготения к слову. Практика, входившая в жизнь с лозунгом «Мы — не рабы, рабы — не мы», преодолевала любую кастовость и культурный монополизм.

Так получилось, что сейчас мы вновь должны взять на вооружение этот лозунг, дабы вернуть читателя книге, а книгу читателю. Но чтобы все получилось, должна быть сформулирована четкая государственная культурная политика и практика. Чтобы само государство понимало цели своего существования, видело горизонты своего будущего и знало, для чего ему нужна культура и, в частности, литература.

Народные мемуары

Анна ГАЛАНЖИНА

ЧУЖОЙ ПРИЧАЛ

Чемодан — вокзал — Курск

— Вот и все! Неужели это произошло со мной, со всеми нами? Даже не верится!

Конец июня 1993 года. Сажу в купейном вагоне поезда Рига — Воронеж. Напротив меня устроилась десятилетняя дочь Яна с кошкой Василисой. Домашнее животное помещено в плетенный из лозы абажур, который я в целях безопасности дополнительно обвязала сеткой-авоськой. Василиса испуганно таращит глаза и тыкается носом в ячейки сетки, пытаюсь просушить мордочку.

— Васька, ты что? — Я дотронулась пальцем до ее носа. — Это твое первое путешествие. Скоро ты будешь не рижанка, а курянка. Точнее, рылянка, потому что едем мы в город Рыльск Курской области. Терпи, милая.

Кошка гортанно мяукнула и заметалась по круглому дну абажура.

— Мам, давай ее выпустим. Пусть побегает, а то с ума сойдет от страха.

— Нет, Яна, немножко погодим. Вот поезд тронется и, если не появятся попутчиков, выпустим.

— А может, она пить или писать хочет? — не сдавалась дочь.

— Ян, кошки в чужом месте кушать и писать не станут, пока не освоятся. К тому же они умеют терпеть очень долго. Погладь, поговори с ней, она и успокоится.

Я отвернулась к окну. По перрону сновали пассажиры с огромными баулами. Истошно орал какой-то малыш. Он пытался усесться на асфальт. Обвешанная свертками растрепанная мамаша не могла освободить руки и растерянно озиралась по сторонам. Наконец она с облегчением сунула свертки подбежавшему к ней мужчине. Подхватила ребенка на руки и устремилась к поезду.

На другой стороне перрона молодцеватый морской офицер нетерпеливо поглядывал на висащие у перехода вокзальные часы, сжимая в одной руке букет бордовых роз. Другой он поминутно прикладывал ко лбу носовой платок, то сдвигая фуражку на затылок, то водворяя обратно. Волнуется, сердешный!

Наконец по вагонам прошел легкий треск. Как будто они прилипли друг к другу и теперь отлипают. Поезд пошел, вернее, покатился совсем тихо. Запоздалый голос из репродуктора сообщил, что пассажирский поезд Рига — Воронеж отправляется с первой платформы второго пути.

— Мам, мы поехали?

— Да, милая, поехали.

— А папа нас догонит?

— Ян, ты уже большая, а задаешь глупые вопросы.

Я раздражалась, разговаривать не хотелось. Дочь, почувствовав мое настроение, стала молча доставать из своей сумочки альбом и фломастеры. Василиса тоже утомилась, смирившись со своим пленом. Я вдруг почувствовала острое чувство вины перед ними. Горло сдавил спазм, а к глазам подступили слезы. «Этого не хватало, — испугалась я, пытаюсь наладить дыхание. — Не раскисай, а то завоюешь и перепугаешь дочь с кошкой. Ты ни в чем не виновата. Так сложились обстоятельства».

Стук в дверь купе вернул меня в действительность. Дверь отворилась, вошла проводница, взяла билеты и, оставив постельное белье, вышла.

«Ну вот, теперь есть занятие. Все лучше, чем ничего. Постелимся, умоемся, попьем чай, а там и спать пора. Хотя какое “спать”, солнце еще и не думает садиться, июнь на дворе. В Латвии сейчас белые ночи. Лишь когда повернем в сторону Смоленска, станет темнее. Это было бы интересно, если бы не одно но — мы навсегда покидаем эту красивую негостеприимную страну или республику, не знаю, как ее теперь называть».

— Мам, можно я буду спать на верхней полке? — вывел меня из задумчивости голос дочери. Она с аппетитом допивала чай с купленными на вокзале булочками.

— А не шлепнешься? — задала я риторический вопрос, зная наперед, что соглашусь. — Ладно, забирайся, но сначала в туалет.

— А Ваську выпустишь?

— Выпущу, как только уляжемся и закроем дверь.

Наконец пришло долгожданное спокойствие. По вагонам перестали бродить пассажиры. Я развязала сетку на временном Василисином домике, но она даже не шелохнулась. Обиделась... Мне стало жаль себя, я поняла, что буду сегодня реветь долго и горько. Чтобы хоть оттянуть этот момент, решила выйти в коридор. Там точно плакать будет неудобно.

У окна вагона стоял мужчина, вглядываясь в проплывающий мимо пейзаж с мелкими болотцами в окружении почти черных елей, верхушки которых освещало предзакатное солнце. Аккуратные поля, ухоженные лужайки перед одинокими хуторами, где обязательно рос дуб и красовались уложенные в

Портрет дочери.
Рис. автора

поленницы ровными рядами дрова. Дороги к добротнo срубленным, дубовым подворьям, песчаные и теплые, навевали щемящую грусть. От них веяло хозяйственностью, самоуверенностью и еще чем-то недоступным моему пониманию.

«Это не твой дом, ты здесь чужая, — стучало в голове. — Ты инородное тело, тебя вытолкнули. Уезжай на свою историческую родину». На глаза вновь навернулись слезы. Почувствовав, что продрогла, вернулась в купе. Дочь и кошка мирно спали.

Предыстория — сон

Не скажу, что я полюбила Латвию. Прожив в ней девять лет, с ноября 1984 года по июнь 1993 года, я стала привыкать к ней, к ее ритму, стилю жизни. Однако ощущение своей инородности так и не покинуло меня. Возможно, потому, что нас здесь не жаловали, а может, оттого, что так до конца не поверила, что мне, провинциалке, выпадет шанс жить не где-нибудь, а в самой Риге.

Мне нравился этот маленький, по российским меркам, столичный город. Его самодовольный вид и гордая неспешность, его чувство собственного достоинства. Несмотря на то, что в Латвии нас называли оккупантами, именно здесь обрела я уверенность в себе, освободилась от страха быть не такой, как все, и обрела чувство собственного достоинства.

В середине 1980-х грянула перестройка, безжалостно перекроившая множество судеб. Пока большие начальники нарезали себе максимальные «лоскуты власти», что было кроить нам, Иванам, не помнящим родства? Квадратные метры служебного жилья? Мизерную зарплату? Жилье у нас радостно отобрали латыши. Представляю, какое удовольствие получали они, раскулачивая «оккупантов»! В этой стране я не претендовала ни на что, кроме как на присутствие в ней. Его тоже отобрали. Теперь возвращаюсь туда, где у меня нет ничего и меня не ждет никто.

Вспихнув в последний разбитый контейнер наши скудные пожитки, в душе не надеясь, что они вообще дойдут, муж — мичман ВМФ СССР с сослуживцами остался дожидаться решения своей дальнейшей судьбы. А мы отправились на родину в Рыльск к его родителям. Девять лет он прослужил в Риге на подводной лодке. Теперь кто-то решил, что такие, как он, освободившейся от ига СССР прибалтийской стране не нужны. Подлодка, его второй, нет, даже первый дом, пойдет на металлолом... Что будет делать военный моряк, привыкший жить по уставу, не умеющий ничего, кроме как служить? Жаль морских офицеров и мичманов, обманутых и выброшенных на берег.

Очнулась внезапно. Оказалось, я так углубилась в воспоминания, что не заметила, как уснула. Поезд стоял. Хлопали двери купе, шуршали сумки. Стало прохладно. У головы дочери на подушке примостилась Василиса. Пока я спала, она огляделась и решила, что у Яны ей будет безопаснее, заодно погреет маленькую хозяйку.

Надо ж так не вовремя проснуться. Теперь заснуть будет проблематично. Покрутившись с полчаса на жестком ложе, я убедилась, что заснуть в эту

ночь вряд ли удастся. Притулила чахлую подушку к перегородке купе и вернулась к воспоминаниям.

Эта свадьба пела и...

Шел 1980 год. «Горько, горько», — кричали подвыпившие гости. «Раз, два, три...» — размахивали они наполненными самогоном рюмками. Их глаза возбужденно блестели. Прически, с таким трудом построенные в местной парикмахерской, потеряли форму. Но это не мешало им выглядеть счастливее меня. «Зачем мне это?» — гадала виновница торжества. — Мало того, что я почти все подготовила к свадьбе сама. Так еще придется делать вид, что я довольна. Господи, поскорее бы они разошлись по домам!»

Меня тошнило, хотелось выбраться на свежий воздух. Запах винегрета, теплых котлет и самогона вызывал отвращение. Я пребывала на третьем месяце беременности. Свадьба мне была не нужна. Все равно с моей стороны, кроме двух подруг да двоюродного брата, никого не было. На массовом мероприятии настояли родители благоверного. После долгого возмущения моей безнравственностью, упреков в том, что я окрутила их чистого, доверчивого мальчика, они успокоились и решили, что свадьба все же нужна. Им, видите ли, перед соседями неудобно. А так как я по профессии повар, мне и карты (точнее, ножи и ложки) в руки. Блат у меня в общепите есть, готовить я умею. Что еще надо?! Выгодно и удобно.

В магазинах было реально шаром покати: ливерная колбаса за 1 руб. 20 коп., «синяя птица», то бишь курица, похожая на выкидыш, маргарин да консервы. По талону из загса с большим трудом «достали» свадебные кольца. Моему избраннику Павлику досталось кольцо 585-й пробы, а мне — 375-й. Я впервые в жизни встретила такую пробу, но потом решила, что большего я, вероятно, недостойна. Нищая детдомовская девчонка, охмурившая красивого парня. Слишком много счастья быть не должно. Но это мое женское, наболевшее...

Следующим этапом было «доставание» или «добычка» продуктов, иначе не скажешь. У меня была знакомая на продовольственной базе. Мы работали на одном предприятии — в горторге. Поэтому иногда приезжали на базу, например, помочь перебрать картофель или рассортировать плавленые сырки по сроку годности. Я к ней никогда не обращалась и, кроме «здрасьте», ничего не говорила, она и подавно. Чего со мной разговаривать, у нее такие люди отовариваются... Нрава она была крутого. Я ее жутко боялась, но рискнула обратиться. Не убьет же, в конце концов.

Тамара Марковна приняла меня на удивление благодушно, видимо, настроение в тот день располагало. Глаза торговой богини подозрительно блестели. При более тесном контакте стало ясно, что дама подшофе. Ну что ж, не мне судить! Если ей хорошо, то мне — тем более. Окинув меня с ног до головы долгим взглядом, она коротко, с презрительной усмешкой, процедила:

— Пошли, невеста...

Я смолчала. Мне было не до обид и политесов. В конце концов, она права — какая я, к черту, невеста, так, запутавшаяся в любви букашка. Когда она открыла первую холодильную камеру, я остолбенела от удивления. Боже мой! И это в то время, когда в магазинах шаром покати!

— Что стоишь? Выбирай!

Но я словно застыла, сжимая в руке коротенький список продуктов.

Помните юмореску Карцева и Ильченко: «А рыба у вас есть? А какая?.. Мне одну... нет — две, а лучше три». Приблизительно то же происходило со мной...

Однако вернемся к нашей свадьбе.

— Тебе плохо? — Супруг наконец озаботился моим бледным видом.

Я рассеянно взглянула на него. Он взял меня за руку и повлек за собой, лавируя между скамейками. За столом пили и пели весело и со вкусом. Настал момент, когда жених с невестой забыты. Они свое дело сделали, дальше можно и без них. Я, в принципе, не возражала, а как на это смотрел Павлик — не знаю, не спрашивала. Выбравшись на свежий воздух, облегченно вздохнула.

— И откуда народу столько набралось, мы ж столько не приглашали? — бросила я в никуда.

Во дворе гуляла молодежь. На подоконнике веранды стоял проигрыватель, на нем крутились виниловые пластинки. Колонки, казалось, подпрыгивали от мощного звука. Веселье в самом разгаре.

Снова поезд Рига — Воронеж

По вагону разносились крики подвыпившей компании. «Чего они кричат, вот беспокойное хозяйство. Ночь на дворе, а им неймется. Куда проводница смотрит?» С трудом разогнув отекающую ногу, выбралась из-под одеяла. Дочь сопела, приоткрыв рот. Коротко уркнула Василиса, но положения не переменила.

Милые мои, что с вами дальше станет, из города да в деревню. Ну, положим, Василисе понравится на воле, а вот Яне и мне... Хотя, кто знает, дети быстро привыкают, пока маленькие. За себя я точно знала — это катастрофа. Я испытывала огромное счастье, когда стала жить в городе. Ну урбанистка я, ничего тут не поделаешь, хотя родилась в районном городке. Люблю, грешная, суету, ритм, многообразие. Разве за это можно осуждать? Видимо, мне не дано быть полностью счастливой, поэтому жизнь и дает такие крены.

Спать перехотелось. «Ладно, днем выплюсь». В конце концов меня начало смаривать. Немудрено, за окном рассветало. Розовое солнце спешило на ежедневную работу. Туман нехотя отступал под набравшими силу лучами; расплывался, прятался по ложбинам, опускался росой на траву, цеплялся мокрыми хлопьями за стволы деревьев. Вот так и мы цепляемся за привычное, но приходит новый день, и все меняется, и мы не в силах просто удерживать то привычное, но и меняться нам страшно, от этого и происходит душевный конфликт. Это последнее, о чем мне подумалось, прежде чем я утонула в объятиях Морфея.

Реальность не сказка

Честно говоря, замуж я вышла спонтанно. Беременность стала последствием нашего решения соединиться. Вспомнив, как мы воспользовались этой ситуацией, внутренне рассмеялась. Господи! Какие мы были бестолковые! Знать бы, чем все закончится, не повторила бы этой ошибки. Нет, я по-прежнему люблю мужа, но романтика испарилась.

Не случайно все сказки заканчиваются свадьбой. До нее и вправду жизнь казалась сказкой. Казалось, впереди маячит большое светлое будущее. Ты наивен и смешон в своем порыве изменить мир, но, к счастью, этого не осознаешь. Первое самостоятельное решение было создать семью. Решение правильное и нужное, но отчего-то не радующее родных твоего мужа. И куда только глаза Пашечки смотрели? Такому мальчику такую... Не такая я, как надо, и все тут! А какая нужна, объяснить не могут!

Отбивалась от родных мужа как могла, но силы оказались неравными. В результате нервного перенапряжения случились преждевременные роды. Если бы не ребенок, сбежала бы точно. Но судьба послала новое испытание, и я бросила все силы на его преодоление. Родилась крошечная девочка, похожая на лягушонка.

Больница, больница и еще раз больница. Мне казалось, это навечно. Бессонные ночи с кормлением каждые два часа, обкладыванием ребенка теплыми грелками. О наше могучее государство! Спасибо за нежную заботу о детях. Я слышала, где-то в Москве существуют специальные инкубаторы для выхаживания таких деток. У нас же хорошо, если есть грелки. Спустя два месяца я поняла, что, если не уйду из больницы, сойду с ума от перенапряжения и недосыпания. Поэтому, оставив расписку, ушла. Началась наша совместная жизнь. Три года мы с Пашей старательно строили, а родители мужа столь же старательно рушили семейную крепость. В конце концов приняли решение уехать и жить отдельно. Так в 1984 году в нашей жизни появилась Рига.

Сперва муж уехал один, клятвенно заверив, что, как только отыщет подходящее жилье, заберет нас к себе. Прошел месяц, второй, третий, а мы оставались на месте. И тогда я предъявила ему ультиматум. На исходе четвертого месяца ожиданий он приехал за нами.

— Как там Рига? — Я сгорала от нетерпения.

— Приедешь — увидишь. — Он был немногословен.

— А где жить будем? Тебе квартиру дали?

— Конечно, иначе я бы за вами не приехал. Я уже диван купил. Комната маленькая, но близко к части. Место хорошее — рядом речка.

Автопортрет

Подумаешь, одна комната. Да я в чулане согласна жить, лишь бы уехать из этого ада. Если бы я знала, чем все обернется, то не решилась бы последовать к новому месту жительства. Провинциальная наивность!

Встреча с Ригой

В конце ноября 1984 года состоялась дорога в далекую Латвию, началась новая, неизвестная мне жизнь. Люблю поезда. Большого наслаждения, чем созерцать в окно вагона меняющиеся пейзажи, придумать невозможно. Чай в подстаканниках, счастливое ожидание новой жизни в большом городе.

Квартирка и в самом деле была крошечной, в старом сером доме, но какое это имело значение? Оставив меня, муж отправился на службу. Вечером он не появился. С трудом справляясь со страхом, прождала его всю ночь. Я не знала, куда идти, где находится его часть и вообще что мне делать. Хорошо, что дочь пока у родителей. С ней бы было сложнее. Задремав под утро, проснулась от резкой трели звонка.

«Слава богу, пришел!»

С радостной улыбкой открыла дверь.

В дверном проеме стоял мужчина огромного роста.

— Здравствуйте, — испуганно пролепетала я, пятясь в комнату и предчувствуя недоброе.

Сопя как паровоз, он с трудом протиснулся в узкий дверной проем. Его тяжелый взгляд на секунду остановился на мне.

— Ви почему забрались в чужой квартира? — наконец произнес он первые слова. — У вас есть документ?

Говорил он с акцентом, то ли специально, то ли вправду.

— Какой документ? — пробормотала я, с ужасом понимая, что муж мне чего-то не сказал.

— Ну хотя бы ордер. Полагаю, он у вас есть?

Вопрос поставил меня в тупик. Я знала, что такой документ существует, но в глаза его не видела.

— Вы знаете, я только вчера приехала и еще ничего здесь не знаю. Муж ничего мне не сказал.

— Где есть наш муж?

— Он на лодке. Правда, не знаю, на какой и где. Я же вам объясняю, что только вчера приехала, он сразу ушел и ничего не объяснил.

— Он ничего вам и не объяснит. Вы незаконно заняли квартиру и немедленно должны ее освободить, иначе мне придется вызвать милицию.

Теперь он говорил без акцента, но от этого в его голосе прибавилось еще больше металлических ноток.

— А куда мне идти? — спросила я его, холодея от ужаса.

— Меня это не интересует. Забирайте вещи и уходите.

— Пожалуйста, можно мне хотя бы его дожидаться, и мы сразу уйдем.

Я умоляюще сложила руки, из глаз брызнули слезы. Еще немного, и я бы упала в обморок. Видимо, поняв, что я сейчас грохнусь, он сменил гнев на милость.

— Хорошо, завтра вас тут не должно быть.

Едва за ним захлопнулась дверь, как со мной случилась истерика. Плакала я долго. Так с опухшим лицом и встретила благоверного. В этот вечер мы впервые сильно поругались.

— Как ты мог так обмануть меня! — кричала я.

— А что мне оставалось делать? Ты же срочно хотела приехать.

— Ты хочешь сказать, что из-за меня пошел на этот шаг? Мог хотя бы предупредить. Я чуть от стыда и страха не умерла.

— Если бы я тебе рассказал, ты бы не вошла в квартиру.

Тут он был прав.

— Ладно, сиди. Пойду к командиру. Может, что придумаем. Ты полагала, тут квартиры налево-направо раздают? Военные по многу лет жилплощади не имеют, ютятся, где придется. А эту друг мне подсказал. Я ж не предполагал, что нас так быстро обнаружат. Думал, пока поживем, а там общагу дадут.

Так нас приняла Рига, вернее, так мы в нее вторглись. Одно слово, оккупанты.

В этой квартире мы все равно прожили полтора месяца. Сколько литров водки влили ребята в нутро необъятного латыша, не знаю, но передышку мы себе выиграли. Потом была еще одна такая же квартира, напротив этой, с тем же результатом. Потом третья, но она была в собственности части. Поэтому выгнать нас, да еще с ребенком, никто не посмел, хотя звона было много. Оказывается, есть и такой способ получения квартиры. Много чего узнала я для себя нового в результате скитаний с чемоданом.

Будни семьи офицера

Павел приходил домой редко. Ему была поставлена задача изучить электрическую часть лодки в течение года, чтобы иметь возможность поехать в командировку в одну из арабских стран. Я забрала от родителей дочь, устроилась на работу в матросском клубе. Это был выход из положения, так как мне приходилось ходить на работу с ребенком.

Не забуду, как муж пришел «домой», измученный, желтый.

— Приветик, как вы тут без меня?

Он чмокнул нас по очереди в щеки. От него разило соляжкой.

— Ты что ее, стаканами пьешь? Смотри, совсем желтый стал.

— Пап, посмотри, какой я нарисовала рисунок! — Дочь тащила свою папку с рисунками, пока я помогала ему раздеваться. — Ой! Пап, у тебя из кармана таракан вылез, да какой большой, рыжий.

— Опять «стасика» притащил. Чего-нибудь лучше не было? — спросила я его, вытряхивая таракана из кармана. — И чем они только у вас на лодке питаются?

— Ладно вам, накинулись. Скорее кормите, лодочная пища надоела до чертиков. Ян, ты хочешь в цирк сходить?

— Хочу, хочу в цирк, — закружилась по кухне дочь. — А ты правда, не обманываешь?

— Ну если тревогу не сыграют, то не обману.

— А зачем вам тревога? Кто эта тревога? Ты ей скажи, что я в цирк хочу, ладно?! — Дочь танцевала возле его коленок, цепляясь за рукава рубашки.

— Ян, отстань ты от него, пусть поест, потом прилипнешь. Садись рядом и жди.

— Вы давайте, собирайтесь потихоньку, наглаживайтесь, штукатурьтесь. Выедем пораньше, по парку погуляем, уточек покормим. Да, Ян?

— А хлеба возьмем?

— Ну конечно, чем же их кормить?

Пока мы наглаживались и припудривались, он поел и даже успел вздремнуть. Всегда удивлялась, как он быстро ест, просто со скоростью звука. Воинская привычка.

В тот вечер мы, как белые люди, гуляли семьей. Это был один из тех редких вечеров, когда между нами царило согласие. Я уже немного привыкла к новым условиям, у нас появились друзья и знакомые.

— Слушай, ты на свадьбу к дочке придешь? — шутила я. — Или нам без тебя гулять придется? Да, к слову, на следующей неделе у Кравчуков маленький юбилей семейной жизни.

Павлик сделал рожицу и уставился на меня честными глазами.

— Поняла! Вопросов нет. Догоняй, если успеешь.

— Женушка, ты все знаешь, чего спрашиваешь. Если я не успею освоить технику, горит моя командировка. Это единственный шанс поправить наше финансовое положение. К тому же я очень хочу лодкой пойти в Сирию. Может, этот поход будет единственным в моей жизни, не считая выходов в Балтику. Но что такое Балтика по сравнению со Средиземкой?

Я все понимала, но никак не могла привыкнуть к его постоянному отсутствию.

— Ну не грусти. — Он обнял меня за плечи. — Я вас сильно люблю, скучаю, но это моя работа.

Обратно мы ехали молчаливыми. Даже Янка притихла, убегалась, сердечная.

Майское солнце разливалось ослепительным светом, несмотря на поздний час. Мне нравилось, что солнце здесь садилось поздно. Около двенадцати часов оно скрывалось за горизонт, но в три ночи уже вставало. Тихие светлые майские ночи рождали тоску по любви, счастью и наслаждению. Но, увы, где ее взять-то, эту любовь? При живом муже чувствуешь себя совсем одинокой.

— Ты чего? Ну перестань, ты ж знаешь, я ради вас стараюсь. Вот съезжу в командировку, потом все у нас будет. Ну, улыбнись же!

Я вымученно улыбнулась — чего его расстраивать, пусть работает спокойно.

— Мы завтра с Надькой и Леночкой пойдем к заливу посмотреть, как солнце в море садится. Может, и Инка с сыном пойдет.

— Правильно, молодцы, гуляйте. Дышите свежим морским воздухом.

От остановки Яну он нес на руках.

— Вот пельмень раскормила. Ты смотри, а то так растолстеет, не прокормишь. Правда, чего она такая тяжелая?

— Растет она, понимаешь. Я ж тебе говорю, пока ты лодку освоишь, мы замуж выскочим. Сечешь?

— Ну вот, опять начинается...

Рижский залив... короткие маслянистые волны зеленовато-коричневых оттенков. Длинная гряда песчаных дюн с невысокими кустиками травы, похожей на осоку, и фиолетовыми тенями. Низкие облака и корявые сосны вдоль дюн. Песок на берегу плотный, почти белого цвета. Запах тины и влаги сменяется запахом сосновой смолы и теплого песка. Мы тихо бредем по берегу с моей новой подругой Надей Минчик. Наши дети, моя Янка и ее Ленка, шлепают босыми ногами по мокрой полоске песка вдоль воды. Они визжат от восторга, когда на их босые ступни набегают волны, отскакивают в сторону, бегут следом за волной и обратно от нее. Мы с улыбкой смотрим на них и дышим, дышим этим живительным настоем.

— Здорово как! Правда, Надь?

— Еще как, — поддерживает меня подруга. — Надо чаще выходить к морю, это очень полезно. Да и малым нравится. Вон как вопят от восторга.

— Пусть носятся, спать лучше будут.

— Ага, их уложишь. Моя до последнего сражается. Будто ее на дыбу отправляю. Без жопобития не обходится.

— А Инка чего не пошла, тем более это ее идея была?

— Точно не знаю, она не в настроении была. Сказала, сопли у Димки. Но мне думается, что со своим поцапалась. Они последнее время часто ругаются. Выпивать стал. Твой как? Я его хоть и редко вижу, но пьяным не замечала.

— Мы, Надь, его редко видим и пьяного, и трезвого. Дал бог работенку. А в общем, он не пьет почти, если только на гулянке.

— Повезло тебе, цени...

— Стараюсь, — рассмеялась я. — Еще бы дома почаще бывал, было бы совсем хорошо. Так иногда хочется в мужских объятиях уснуть.

— Ну, милая, всего сразу не бывает...

Мы еще немного потрепались ни о чем. Солнце клонилось к закату, потянуло прохладой, пора бежать домой. Наши девочки основательно вымокли, и, чтобы они не заболели, мы решили ускориться. Бежать по песку — небольшое удовольствие. Моя Янка буксовала и хныкала, когда я тащила ее за собой, зато Ленка, легкая и быстрая, без труда месила песок своими худыми загорелыми ногами.

— Видишь, как Лена бежит, а ты только ноешь. Ну потрудись немножко, ну же!

— Зачем мне бежать? — резонно вопрошала дочь. — Не хочу.

— Эх ты, лентяйка. Не хочешь — не надо.

Мы сильно отстали от Нади и Лены. Дочь устала. Я сама, надыхавшись свежим морским воздухом, чувствовала приятную умиротворенность. Хотя мы жили совсем рядом с заливом, почему-то в городке так море не чувствовалось, как возле залива.

— Мам, а мы еще пойдем на море гулять? Нам с Леной так весело было, — спросила меня Яна, когда я укладывала ее спать.

— Конечно, пойдем, если только ныть не будешь.

— Не буду, — пообещала дочь. Заснула она почти мгновенно.

Уложив ее, накинула на себя куртку и вышла на лоджию. Мне нравились такие вечера, когда все вокруг успокаивалось и можно сидеть на лоджии, любоваться закатным небом. Из открытых окон доносились голоса и смех, звон посуды и журчание воды из кранов, плач укладываемых детей. За стеной сопит дочь, скрипит прокуренным голосом баба Тася со второго этажа. Ты сидишь одна, но ты не одинока. На душе светло и спокойно. Вот сейчас выйдет на лоджию соседка, улыбнется и спросит:

— Не спится?

Как будто ничего особенного, но ты улыбнешься в ответ и просто ответишь что-то вроде: «Да разве уснешь в такой вечер?» Или, может, скажешь: «Не спится что-то». Есть в этом немудреном диалоге какая-то общая маленькая тайна взрослых: мол, понимаю, сам такой; ну сиди, что с тобой поделаешь.

В нашей пятиэтажке именно так и было. Мы знали друг друга, у нас был один ритм жизни и одна работа — ждать мужей со службы и заботиться о детях и быте.

Праздники и заботы

На юбилей к Кравчукам я пошла, как обычно, с дочерью, но без мужа. Людмила и Вовка с двумя дочками жили в целой двухкомнатной хрущевке! Ребята они хорошие, мы всегда к ним ходили с удовольствием. В самой маленьком комнатке мы укладывали спать наше потомство, а сами гуляли, сколько душенька примет. Обычно до утра.

Под утро, вымотанные от коллективного отдыха, раскладывали старый диван и укладывались на него. Кому не повезло, устраивались на полу. Хозяйка дома Людмила любила потчевать гостей разносолами своего производства, после которых очень хотелось пить. Походы на кухню за компотом осложняли попытки уснуть. Хотя был ли смысл укладываться, когда вскоре просыпались дети и становилось не до сна. Все равно лучших вечеров я не помню.

Жена военного — особая женская доля. Ждать, ждать, ждать... прислушиваясь к шагам в коридоре и на лестничной площадке. Не мой ли это милый спешит хотя бы на минутку домой? Или смотреть в окно, как, застегиваясь на ходу, он удаляется от дома, не зная, где сегодня будет. Может, они сейчас выйдут в море, не простившись с родными, и когда вернуться — неизвестно. Уметь ждать — это целая наука. И не каждой дано ее постичь.

Все было бы сносно, если бы не Янкины болячки. Перемена климата отразилась на ее здоровье, маленькая попка от постоянных уколов покрылась синяками. Вот и сегодня мы с ней сидели у кабинета участкового педиатра. Янка шумно дышала, хватая ртом воздух, на лбу выступила испарина.

— Горе ты мое, — чуть не плача, причитала я. — Что мне с тобой делать?

Я прижала ее к себе, поглаживая по спине. Рядом с нами сидела худенькая женщина. Она долго сочувственно смотрела на мои попытки облегчить состояние дочери и наконец заговорила:

— И часто такое у вас?

— Да без конца. Как переехали сюда, покоя не знаем. Бронхопневмония с астматическим компонентом.

— Можно я вам совет дам? — после некоторого раздумья спросила она.

Я промолчала. Какой совет, когда даже врачи не в силах ничего сделать.

— Вы только сразу бурно не реагируйте. Мой совет покажется вам необычным, но мой сын был такой же. Теперь от болезни не осталось и следа.

Я до той поры считала себя специалистом по лечению дочкиной болезни и любила давать советы другим. Но иногда стоит послушать тех, кто сам смог помочь себе или своему ребенку.

«Чем меня хочет удивить эта особа?» — подумалось мне.

То, что она мне посоветовала, повергло меня в шок, но я виду не подавала. Человек же от чистого сердца хочет помочь...

— У вас в части, — продолжала она, — открылся бассейн, там и детский есть. Отдайте дочь туда. Вот увидите, все скоро пройдет, и она на всю жизнь избавится от этого кошмара.

Увидев мое замешательство, она положила свою ладонь на мою руку и, постукивая ее, произнесла:

— Не удивляйтесь, лучшего средства от астмы нет. Только не прекращайте водить. Даже если появятся сопельки, держитесь, иначе будет бесполезно.

На этих словах нас вызвали к доктору. Когда мы вышли из кабинета, женщины уже не было. При виде списка лекарств, выписанных доктором, мне стало худо. Я шла домой и раздумывала о совете незнакомки. В конце концов, что я теряю, вдруг поможет?

За советом я отправилась к Тоне, жене сослуживца мужа. Тоня работала в детском садике. Удивительно, как иногда человек соответствует своей профессии. Обладая мягким характером, Тоня излучала тепло и уют. Тонкая нежная кожа в рыжих веснушках делала ее лицо милым и задорным. Удивляюсь, как она справлялась с двумя сорванцами и внушительного вида мужем — горластым хохлом.

— С ума сошла! — всплеснула руками Тоня. — Больного ребенка в бассейн? Какая-то чудачка сказки сочиняет, а ты веришь. А вдруг ребенок воспалением легких заболеет? Андрея моего можно отвести, хотя он тоже часто сопатится... — Она призадумалась и, глядя на мое унылое лицо, добавила: — Впрочем, смотри сама, как тут угадаешь?

Мы договорились, что отведем своих деток на плавание вместе и, как только увидим, что они простывают, прекратим это мероприятие. Я все же решила последовать совету незнакомки и перетерпела, о чем нисколько не жалею.

Вам никогда не приходило в голову, что многие болезни не нуждаются в медикаментозном лечении? Сколько порой денег тратится на лекарства — просто жуть! Особенно это касается простуд. А ведь чего проще — ходи в бассейн, и результат будет, как говорится, налицо. Взрослые — странные

люди, если не сказать хуже. Понапридумывали себе глупых правил и ревностно их исполняют. Когда проще просто помочь своему организму самому справиться с болезнью. Хотя иногда без лекарств не обойтись.

Помню, как в детстве нас лечили с помощью теплой печки и обильного питья. Наши милые бабушки с молитвой поили нас собственноручно сделанными отварами и настоями. Несмотря на то, что болели мы часто, дело никогда не доходило до больницы. Простывали мы больше в переходный сезон, летом же не вылезали из речки. Сами контролировали свое пребывание в воде, старшие смотрели за нами спустя рукава.

Единственное родительское наставление-страшилка, которое я помню, это абсурдное «Утонешь, домой не приходи!». Оно несло нам вслед, когда мы шумной ватагой летели по направлению к речке. До сих пор, когда вспоминаю, губы растягиваются в улыбку.

Видимо, это тоже повлияло на мое непростое решение водить дочь в бассейн. Я горжусь этим экспериментом и всем при случае рассказываю. Может, кому сгодится. Сейчас дочь отлично плавает и еще ни разу не болела даже банальной простудой. Спасибо тебе, незнакомая женщина, дай бог тебе и твоим детям здоровья!

Второй год в Риге

Наступила вторая осень нашего пребывания в столице латышей Риге. Я очень скучала по своей далекой провинции — по холмам и ромашковым лугам, цветению вербы и залиvistым соловьям, по яблоневым садам и запаху земляники, по милой родной бабулечке. Особенно остро проявлялась тоска по весне, когда пахло терпкими тополями. Здесь все было вроде как дома и все не так. Внешне чертовски красиво, чисто и цивилизно, а там — родина. Я втягивала в себя влажный, пахнущий тиной воздух Рижского залива, а чулдился запах теплой дорожной пыли и свежескошенной травы.

За год, который мы прожили в Усть-Двинске (или Даугавгриве — микрорайоне Риги), как ни уговаривал муж, я так и не решилась спуститься «в недра» подводной лодки. По его рассказам и фотографиям я знала, что она собой представляет, но не хотела потом жить в страхе от увиденного. И тут подлодка, на которой служил мой благоверный, стала готовиться к отплытию в Сирию.

На работе служившие со мной списанные на берег морские офицеры (я их называла «мои полковники») подшучивали:

— Ну всё! Уйдет твой мужик, найдет там себе арабку, пиши пропало.

— Не бойся, — утешали другие, — мы тебе тут жениха подберем. Девка ты видная, да еще с квартирой... Долго не засидишься. Вон Иванов глаз на тебя положил, как твой отбудет, сразу соблазнять начнет.

— Как, Серега, правду я говорю?

— No problem! Можно долго и не ждать. — Иванов погасил сигарету. — Вот только со своей разберись.

— Не горюй, — включился в разговор старший по званию немногословный капитан второго ранга (соответствует армейскому званию подполковника) Придыбайло. — В беде не оставим.

— Спасибо, мальчики, вы настоящие друзья. Одним словом — военные. В самом деле, ребята очень хорошие, я их просто обожала. Для кого-то полковники и подполковники, а для меня просто мальчики, у которых за плечами не один поход в море. Прежде чем осесть в тылу, они столько вынесли на своих плечах, что представить невозможно. От них никогда не услышишь брюзжания или недовольства своей профессией. Только когда выпьют, кой о чем можно догадаться из их немногословной беседы. От себя скажу, что надежней военных, чем морфлотовцы, нет. К тому же красавцы. Одна военно-морская форма чего стоит!

Часть, где я работала, являлась учебным центром для иностранных военных. Кого только здесь не было: сирийцы, ливийцы, кубинцы, румыны, алжирцы, индусы. Их обучали лучшие советские морские офицеры в чине не ниже капитана третьего ранга (соответствует майору). Мужу чудом удалось попасть в эту среду. Может, просто потому, что не хватало мичманов...

День, когда лодка должна была покинуть базу, выдался тихим и солнечным. Жены и дети уходящих моряков и штабные офицеры собрались на пирсе. Мы не видели мужей уже несколько дней и боялись, что нам не дадут с ними попрощаться. Неизвестность накалила ситуацию до предела. Супруги моряков сбились в кучку и безмолвно прижимали к себе детей.

Наконец появился оркестр и выстроился вдоль пирса. К нам подошел какой-то офицер и предупредил, что прощание будет недолгим. Поэтому рекомендовал лишнего не говорить и не плакать, чтобы не расстраивать мужей перед дальним походом.

Я точно не помню, как мы с Яной прощались со своим любимым мужчиной. Может, не представляли себе серьезность происходящего? Как такового прощания и не было: супруг подошел, поцеловал, коротко прижал к себе дочь и, развернувшись, стремительно ушел. Может, прав был тот офицер — не было смысла приходить, чтоб не расстраивать.

Начались долгие дни без папы. Мы его и прежде почти не видели, а теперь совсем. Но если все пойдет хорошо, мы разбогатеем и сможем отовариваться дефицитными товарами в магазине «Березка» (советским специалистам и офицерам, командированным за рубеж, платили зарплату чеками Внешторгбанка и Внешпосылторга). Нам уже сейчас завидуют. За привилегию пойти «в загранку» боролись многие, а повезло нам. Я, наверное, глупая баба, но мне непонятно, почему, чтобы муж мог работать за рубежом, ему нужно оставить молодую красивую жену с ребенком дома. Почему бы не отправить следом семью? Чтобы в пункте назначения его уже ждали семья, вкусная еда и мягкая постель. Были обещания, что мы вскоре поедем к мужьям, но обещанного три года ждут...

По моему ходатайству руководство определило дочь в детский сад. Каждое утро туда ездить было еще то испытание. Сад находился «за тридевять земель», куда автобус ходил раз в полчаса. Пока он возвратится, нужно было успеть сдать дочь и добежать назад до остановки. Если не успевала, ожидание автобуса растягивалось еще на полчаса. Летом еще полбеда, но осенью и зимой... В среднем на дорогу туда и обратно уходило три часа. Единственное достоинство этих поездок — невероятно красивая дорога.

Местечко, вдоль которого проходила дорога, называлось Були. Здесь находилась дача писателя Валентина Пикуля, где родился ряд его замечательных произведений.

Безмолвный красавец-лес. На раскидистых лапах сосен уютно устроился чистый, отливающий серебром снег. Сумерки придавали этому великолепию загадочный вид. Длинный пассажирский «Икарус» медленно тащился по казавшейся в таком окружении чужеродным элементом дороге, разбрасывая грязные комья снега. Мне чудилось, что мы одни, затерянные во вселенной. Дочь спала, угнездившись на коленях, а я разглядывала пейзаж.

Однажды, устав от переживаний и ожидания весточки от мужей, мы с детьми выбрались на лыжную прогулку. Этот чудный сказочный зимний лес мы с дочерью до сих пор вспоминаем. День выдался отменный. Снег падал огромными хлопьями, оседая на ветвях и так засыпанных по самые макушки деревьев. Стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит падающий с небес снег.

С непривычки лыжи расползались в стороны. Мы то и дело падали. Писк на весь лес! Местность не была идеально ровной. Крутые песчаные холмики, покрытые толстым слоем снега, облюбовали дети, бросаясь с них вниз в кучу малу. Вскоре вся компания напоминала снеговиков. Изголодавшись, отыскивали пенек, смели с него снег и приступили к трапезе. Вот где было вкусно! С устатку мы бы слопали и слона, но и куриные окорочка пошли за милую душу. После того как Инка с Димкой, Надька с Ленкой и я с Янкой поделились новостями и обменялись впечатлениями, было принято единогласное решение — впредь не сидеть взаперти по домам, а собираться здесь и отдыхать в свое удовольствие.

Приходили мы сюда и в другое время года. Бродили по мягкому пружинящему мху, собирали какие-то грибы. Потом я их выбрасывала, опасаясь готовить. Дома, в России, я знала, как выглядят съедобные грибы, а тут, как и от самих латышей, ожидала подвоха. Потому удовольствие было не то.

Но это было потом, а сразу после разлуки с мужем серая дождливая осень навевала острое чувство одиночества. Мы с дочерью вскоре устали мокнуть на остановках и прекратили поездки в садик. Мои «мальчики» жалели меня, одинокую и горемычную, и разрешали приводить дочь на работу. От руководства мы находились достаточно далеко, но однажды оно нагрнуло неожиданно.

Дочь сладко спала на диванчике, «мальчиков» на месте не было, присутствовал только недавно прибывший молоденький лейтенант — руководитель матросского клуба. О предстоящем визите начальства его не предупредили. Увидев, как полковники и целый генерал заходят в отдел, он лишился дара речи. Смотрел на меня так, что я думала — испепелит. Бекая и мекая, он пытался объяснить, что ребенок тут, потому что заболел и теперь спит... Я отчаянно набрала в грудь побольше воздуха, чтобы броситься на защиту. Но случилось неожиданное: начальники как по команде на цыпочках прошли мимо спящей дочки в другой кабинет. Мы с лейтенантом открыли рты от удивления. Мне стоять столбом было позволительно, а лейтенанту не по чину, поэтому он понесся вдогон. Обрато «высокая комиссия» проследовала таким же макаром. Вот такие они, настоящие мужики — моряки... понимали

трудности жен младшего командного состава. После этого случая я уже ничего не боялась.

К новому, 1986 году от тоски по мужу стало совсем худо. Никогда не думала, что буду так тяжело переносить одиночество и отсутствие известий от Павла. Как будто нарочно знакомые, каждый, спрашивают: «Какие вести от любимого?» За окном темно и сыро, промозглый ветер треплет рваные тучи, которые хаотично роняют мелкие капли дождя. Приходишь на работу — темно, уходишь — темно.

Начался очередной рабочий день. На столе у «мальчиков» шумит электрический чайник. Вкусно пахнет кофе. Мы усаживаемся каждый за свой стол. Яне место уступает мой начальник Сергей Иванов. Добрее мужчины трудно найти. Зачем, скажите на милость, он с ней возится? У него тоже есть дочь по имени Ирина. Может, он отождествляет мою со своей?

— Кто будет кофе? — кричит Сергей. — Можете успеть! Ты будешь? — обращается он ко мне.

Я отрицательно мотаю головой. Я не люблю пить растворимый кофе наощак. Тем более моя банка вся вышла.

— Мой закончился. Ты сможешь достать?

Сергей живет в центре Риги, где часто «выбрасывают» дефицитный товар. Иногда он нас балует — привозит баночку-другую.

— Попробую. Продавщица сказала, сегодня-завтра должен прийти товар, обещала оставить.

— Бедный ты наш, — сочувственно бросаю я. — Когда-то придется с ней расплачиваться. Не боишься?

— Сам думаю, чего она меня всегда выручает...

— Сергей Иваныч! — крик из соседнего кабинета. — Ваш телефон надрывается...

Не договорив, Сергей бросается к себе. Там за его столом уютно расположилась Янка, рисуя свои каляки-маляки. Раздается хохот. С удивлением заглядываем в его кабинет. Сергей гладит по голове мою дочь и, лучше не скажешь, ржет.

— Ты чего? — удивленно спрашиваю я. — Янка что-то сотворила?

— Ян, расскажи им, кто тебе звонил.

Дочь передергивает плечом:

— Да Иванов какой-то. Все звонит и звонит...

— Какой Иванов?

— Не знаю.

Ситуацию проясняет Сергей:

— Представляете, я трубку взял, ответил. Только положил, позвонили опять. Я же, когда трубку беру, говорю: «Иванов слушает». Она поняла, что это один и тот же Иванов звонит, и говорит мне: «Надоел этот Иванов, звонит и звонит...»

— Ладно, ты с Ивановым поговори, а я кофе допью.

Накануне у меня от стресса прорезался дар предвидения. Перед тем как мне приснился вещий сон, чтобы отвлечь от грустных мыслей, ребята меня усердно доводили — подкалывали, пугали, предлагали руку и сердце. Я отшучивалась, как было принято у нас говорить, «отстреливалась». В

этот момент к нам зашел капитан третьего ранга Гостев, начальник отдела кадров.

— Ржете, а мужиков там болтает небось, как щепку. Один Бискайский залив чего стоит.

Он ушел, и тут я вспомнила, как однажды муж пришел к нам на квартиру с коллегой-мичманом. Пока я их кормила, они обсуждали предстоящий поход. В частности, упоминали Бискайский залив, опасаясь, что не успеют его проскочить до осенних штормов.

Дома я раскрыла карту. Этот гиблый залив располагался у побережья Франции. А ночью мне приснился сон. Я воочию видела их лодку, которая достигла залива на девятый день похода. Слегка штормило, но в основном все было нормально. По Средиземному морю лодка шла в надводном положении, и над ней кружились то ли птицы, то ли самолеты. Потом она стала погружаться и исчезла. В страхе я проснулась, но решила никому про сон не рассказывать, засмеют. Вот встречу с мужем и спрошу, как все было.

Через пару дней, отчаявшись ждать вестей, мы решили всем скопом идти к командиру части. Как хороший начальник, он проведал о наших намерениях и пригласил нас на сеанс радиосвязи. Сквозь треск и шум радиостанции прорвался голос нашего родненьки-папульки: «Все хорошо, родные мои, жду вас к себе, торопите начальство. О вашей отправке сообщите. Придем на место, напишу письмо и передам с ребятами, которые вернутся обратно. Все».

Я ничего не успела сообразить и ответить, остальные так же.

— Это и все? Девчата, я ничего не поняла, — развела руками Сабина, самая молодая из нас. — Толком и поговорить не успели.

Мы подавленно молчали. Самая старшая из нас, Светлана, муж которой ходил в походы не раз, объяснила:

— Девочки, связь очень дорогая. Спасибо, хоть нам послушать их дали. Вы не волнуйтесь, те, кто вернется назад, привезут весточки. Обратно они самолетом лететь будут, так что ждать осталось недолго.

Постояв немного и горестно повздыхав, мы разошлись.

Новый, 1986 год

Вернувшиеся моряки свежих новостей не привезли, зато мой сон и вправду оказался пророческим. Бискайский залив они прошли точно на девятый день. Только вокруг их лодки кружили не птицы, а американские боевые вертолеты.

Новый год мы встретили и проводили в той же неизвестности. Праздники прошли в бесконечных детских утренниках. Женам обещали в феврале отправить их в Сирию. На старый Новый год решили с девчатами посидеть в кафе. Сначала меня пригласили Ковальчуки, но у них разболелись дети, и прием пришлось отложить. Тогда мы собрали девичник. Детей отправили к Тоне. Присматривать за ними согласился старший сын в обмен на обещание матери отпустить его в какую-то компанию.

Принарядившись, без детей, как барыни, мы отправились в кафе в центре Риги. Днем оно было полупустым, что было нам на руку. Латыши старый Новый год не празднуют, так что можно посидеть спокойно своей компанией. Выпив шампанского, мы заметно оживились, и нас прорвало. Хотя говорили разом, друг друга слышали и понимали.

— Я больше не могу, — выводила тягуче Сабинка. — Скоро поймаю какого-нибудь мужичка и...

— Зачем ловить? Вон их сколько вокруг вертится, только позови, — съехидничала я.

— Не, я так не могу, это уже измена, — уточнила Сабина.

— А ты про что только что сказала?

— Это другое. Это... ну, как чувство самосохранения.

Света улыбалась и утешала:

— Ничего, привыкнете. Я же привыкла.

— К черту, не хочу привыкать, — протестовала захмелевшая Сабинка.

— Ой! — встряла Тоня. — Я со своими так накручусь, все напрочь забываю.

— Да... везет тебе, — обреченно изрекла Сабина. — Ладно, девчат, это я так... с дури... Не обращайтесь внимания... — И она зашмыгала носом.

— Что тебе ответить, Сабиночка. Твоя правда... Будем надеяться, скоро нас отправят к нашим дорогим и любимым. Им-то уж точно тяжелее...

Девчата притихли. Нашу грустную атмосферу разрушила компания подвыпивших мужчин. Они уже где-то приложились и, видимо, решили добавить. В кафе началось оживление — зазвучала веселая музыка, посетителей прибавилось.

— Ой, девочки! Скоро домой бежать, — забеспокоилась Тоня. — Я, конечно, сыну доверяю, но все же.

— Давайте еще чуть-чуть посидим. Ну пожалуйста! — Сабина умоляюще сложила ладони. — Потанцевать очень хочется, когда теперь сможем выбраться?

Новоприбывшие мужички обратили внимание на нас. Пошептались между собой, и один из них отделился от компании и направился к нашему столу:

— Добрый вечер, девочки. С праздником вас!

Он пошарил глазами по нашим лицам. Сначала остановил взгляд на мне. Видимо, импульсы, посылаемые Сабинкой, были сильнее моего равнодушия, и он пригласил на танец ее. Подруга с радостью ребенка приняла приглашение. Мы тихо прыснули в кулак, чтобы они не заметили и не обиделись.

— Вот ведь мужик, сразу учуял... — хихикнула Тоня.

Потом пригласили меня, но уже другой парень от другой компании. Сабина как-то крепко зацепила мужичка. Они протанцевали еще несколько танцев подряд, и стало заметно, что между ними протянулась незримая ниточка.

— Надо девку уводить, — забеспокоилась Тоня, — как бы чего не вышло.

— Не квохчи ты, — оборвала ее Света, — не маленькая, знает, что делает. А мне уже пора...

Домой мы возвратились позже, чем обещали Тонину отпрыску. Когда мы ввалились к ним в квартиру, он явно нервничал. Младшие сидели перед телевизором странно спокойные и отрешенные. Увидев нас, с криками кинулись навстречу. Видно, несладко им пришлось... Тоня осуждающе посмотрела на перевозбужденного от ожидания Олега.

— Ладно тебе, — дернула я ее за рукав, — целы, и слава богу.

— Вот я ему всыплю. Как отец уехал, совсем от рук отбился, надо на место ставить.

Что я могла возразить? Я бы на ее месте сразу его отчитала, хотя это и непедagogично.

Два подарка от мужа

Минул февраль, март, апрель... Мы по-прежнему сидели на месте. Из Сирии от супругов стали приходиться тревожные письма: почему не едем? Откуда нам знать почему.

К моему дню рождения муж передал подарок. Посылку привез какой-то сириец. О ней я узнала давно, но никак не могла с ним встретиться, чтобы забрать. Хотя за это мне могло сильно влететь, этому арабу хотелось вручить мне посылку самому. В советское время не приветствовалось общение с иностранцами, особенно если муж военный. Можно подумать, что я могла представлять для них какой-то интерес, кроме мужского...

Кстати, о мужском. Как оказалось, сириец хитрил. Я сразу не врубилась, что это за похожий на кавказца тип звонит мне в дверь. Открыла. Спрашиваю: «Чего надо?» А он уставился на меня, словно слова забыл. Я, конечно, не Софи Лорен, но тоже ничего, мужчины не обходят меня вниманием. Уже хотела его послать, но он на ломаном русском стал лепетать что-то типа «ваша мужа передал подарка». Мне была вручена упаковка трусиков «неделька», которые оказались маловаты. То ли от такой жизни я располнела, то ли он забыл, какая я на самом деле. Ведь уже полгода прошло...

С радости пригласила его в квартиру, стала потчевать кофе, добытым Ивановым, и спрашивать, спрашивать, спрашивать... А он смотрит на меня, мотает головой и на все вопросы отвечает «карашо». Я поняла, что от распросов толку не будет и выпроводила его. Только на этом ничего не закончилось. Он стал приходиться к нам домой как на работу, каждый день. Сначала я ему открывала, потом перестала открывать. Но и после этого результата — ноль. Тогда я решила поговорить с ним серьезно и пригласила на кухню для разборок. Как оказалось, у него был свой мужской интерес. Он вывалил передо мной кучку золотых побрякушек и предложил руку и сердце... на период пребывания в СССР. Мне пришлось долго объяснять этому олуху, что не все женщины продаются!

— Ты моего мужа видел? — спрашивала я его.

— Да.

— Красивый?

— Очень.

— Ну и зачем ты мне?

Он искренне удивлялся:

— Ты одна. Помогать буду.

В итоге он меня так и не понял. Верно, подумал, что золота оказалось недостаточно. Вот что значит разница в менталитете, культуре и обычаях. Вот же прислал муженек подарочек!

После того как я поведала о подарке, «полковники» долго подтрунивали надо мной. Теперь рабочий день начинался с ехидного «Как там наш Махмуд-З?». Так они окрестили араба, что привез интимный подарок.

— Надо же, как пропуск мужик выдал. Так сказать, разрешение на общение, — язвил Иванов. — Еще бы «средства индивидуальной защиты» передал... чудак.

— Лютуйте, лютуйте, — беспомощно отбивалась я. — Вам не понять, черствые души из душевных кабинетов...

Впрочем, даже такое абсурдное событие внесло разнообразие в мои скучные будни. Пусть смеются, я не в обиде...

Здравствуй, Сирия!

Приближалась годовщина разлуки жен офицеров со своими супругами. Регулярно встречаясь и обсуждая ситуацию, договорились сидеть и не рыпаться... Уже почти год мы едва сводили концы с концами. Денег на жизнь не было. Зарплату мужьям выдавали в чеках Внешпосылторга. Жены их даже увидеть не могли. Настроение на нуле, в кармане пусто... Такова жизнь семьи военнослужащего...

Через год после расставания мужья, видимо, «дошли до ручки» и решительно затребовали жен к себе. Нас вызвало начальство и обязало быть готовыми к вылету в Дамаск. Все разом закрутилось и завертелось... Скучать стало некогда! Самый актуальный вопрос — что взять с собой. Мы суетились, бегали с расспросами к женам, которые уже бывали в подобных переездах. Запоминали, записывали их советы и предупреждения, собирали требующиеся для выезда за рубеж бумажки. Ссорились с начальством, пытаясь выяснить точную дату отъезда.

Наконец чемоданы собраны. В особом отделе (в советское время на режимных предприятиях и в частях Министерства обороны они следили за соблюдением режима секретности и занимались контрразведкой) выслушаны инструкции, получены и растрачены подъемные... Путь, который мы проделали из Риги в Москву, а затем в Дамаск, помню нечетко. Сказывалось волнение. Великое событие — впервые вместе с дочкой летели самолетом, да еще за границу...

Окончательно пришла в себя, когда молодой красивый мужчина, вероятно стюард, равнодушно рассказывал авиапассажирам, как в случае аварии пользоваться спасательным жилетом. Дочке понравилась еда. Впервые в жизни она отведала бутерброд с красной икрой.

Внизу простиралась безбрежная синь Средиземного моря. Я отчетливо, словно по карте, увидела остров Кипр и береговую линию Сирии. Тень от проплывающих за бортом облаков четко просматривалась на поверхности цвета красной охры, похожей на марсианский пейзаж.

Я надеялась, что совсем скоро соприкоснусь с историей древнейшей цивилизации, пройду по узким улочкам Дамаска, увижу развалины римских времен, окунусь в прозрачные воды Средиземного моря. Но главное, о чем мечтали мы с дочкой, — прижаться к нашему любимому мужчине и вздохнуть с облегчением. Мы снова вместе!

В реальности впечатлений от древней земли осталось мало. Мы ехали не в туристическую поездку. А статус простого советского гражданина обязывал за рубежом следовать полученным в «уполномоченных органах» инструкциям и не проявлять самостоятельности.

Мы встретились с замусоренным (настоящая свалка) берегом Средиземного моря в небольшом городке Тартус, узкими извилистыми улочками с заваленными разным хламом лавками, отключением света на несколько часов в сутки и... недоеданием.

Сирия уже долгие годы в экономической блокаде и переживала не лучшие времена. И мы мечтали просто досыта наесться, желательно мяса. Парадоксально, что при наличии у страны выхода к морю морепродуктов было почти не достать. Когда рыба появлялась в продаже, она оказывалась намного дороже мяса. Была курица, и то хорошо. Куда нам со своим уставом в чужой монастырь... Главное, мы вместе.

Советскому человеку следовало сказать родине огромное спасибо просто потому, что он получил возможность работать за рубежом. Несмотря на трудности, эта поездка обеспечила нам безбедное существование до тех пор, пока наш дорогой лидер перестройки Михаил Горбачев не отменил чеки. За это ему отдельное спасибо. Одним указом он вновь сделал нас нищими. Но это тема для отдельного повествования.

Назад в будущее

...Поезд Рига — Воронеж шел на всех парах. В сумасшедшем темпе стучали колеса. Вагон болтало из стороны в сторону так, что забеспокоилась кошка Василиса. Она соскочила с нагретого места и заметалась по купе.

— Что ты, Васька?

Я пыталась ее погладить и успокоить, но кошка не давалась. Он издавала гортанные звуки, а глаза лихорадочно блестели. «Как бы не сбесилась, — забеспокоилась я. — Может, хочет в туалет?» Порывшись в сумке, достала купленную на привокзальной площади газету и постелила под спальную полкой.

— Васька, иди сюда. Тут тебе будет туалет.

Она как будто поняла — притихла, понюхала бумагу и вернулась назад. Кошка — животное консервативное и не будет гадить там, где нет условий. Тем более что наша Василиса чистюля и гордячка.

— Ну что ж, тогда терпи, милая. Что поделаешь... И зачем мы тебя взяли с собой? Бегала бы сейчас по полупустым улочкам Усть-Двинска и мяукала от голода.

Тут я представила глаза Яны, если бы не взяли Василису, и покрылась мурашками. Дочь нашла ее на улице, приволокла в дом и теперь не мыслит себя без этой «серой грации». Между ними просто космическая связь.

Наконец Латвию мы миновали. Пейзаж за окном изменился. Пошли затянутые лозняком ложбины, изрытые тракторами проселочные дороги, покосившиеся домики со сваленным во дворе хламом и вечно «пьяные» заборы... Россия! Как Мамай прошел...

Солнце приподнялось над горизонтом. Его лучи высвечивали верхушки лозняка, окрашивая их в розовый цвет. Я вздохнула... Как же красива наша природа своей первозданной красотой! Да и просторы захватывают!

Я представила себе наш поезд с высоты птичьего полета... Узкая длинная лента пассажирского состава петляла, словно заблудившись среди огромных просторов. Издавая протяжные гудки, она тянула нас туда, где в маленьком русском городке нас никто не ждал. Туда, где вновь придется устраиваться и утверждаться, налаживать быт и отношения. Туда, где все родное и все по-другому, чем в чуждой Латвии. В страну, по которой несется перестройка, сметая на своем пути все, что надо и что не надо перестраивать. В место, где нам придется встраиваться в другую профессию и другую жизнь. Останется только надеяться, что у нас все получится...

— Ну, Васька? Что скажешь?

Василиса сощурила желто-зеленые глаза и, кажется, кивнула головой. Наверное, все будет хорошо!

Алексей ГОРШЕНИН

ЗВУЧИ, ЗВУЧИ, РОДНОЕ ПЕНЬЕ!..

По страницам прозы Виктора Сайдакова

*...И плачу я, большой и сильный,
уже давно немолодой,
над золотой травой и синей
и над зеленою водой.
Над светом детства промелькнувшим,
над чистым звуком горловым,
над всем прекрасным, да минувшим,
над всем минувшим, да живым.*

Владимир Башунов

Как автор художественных произведений Виктор Иванович Сайдаков активно заявил о себе не так давно, хотя со словом прочно связан большую часть жизни.

Началась она в поселке Сибирском Купинского района Новосибирской области, отстроенном когда-то детьми крестьян-переселенцев в этом уголке Кулундинской степи. Здесь в июле 1951 года В. Сайдаков появился на свет, провел детство, окончил десятилетку. Через несколько лет с дипломом Новосибирского педагогического института распределился в школу села Шипуново Сузунского района, откуда через год был призван на срочную службу в ГСВГ*. Ее он проходил рядовым в должности стрелка-пулеметчика. Вернувшись из армии в родные края, стал трудиться в средней школе, сначала учителем, потом завучем.

Далее судьба увела В. Сайдакова от просвещенческой стези в сторону журналистики. Переехав в Новосибирск, он два года работал корреспондентом в многотиражной газете «Знамя труда» на заводе «Сибсельмаш», потом перешел в газету «Советский воин» Сибирского военного округа. Здесь в добровольном порядке был призван офицером в кадры Вооруженных сил и стал военным журналистом. Без отрыва от газетной работы экстерном окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище.

Затем были стажировки в «Комсомольской правде», публикации в столичных газетах, служба в Москве в журнале министерства обороны «Советский воин». После открытия корреспондентских пунктов этого военного издания на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке он был направлен в Новосибирск на должность старшего постоянного корреспондента...

* ГСВГ — Группа советских войск в Германии.

После увольнения из армии полковника запаса Сайдакова пригласили на работу в межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», где он десять лет возглавлял департамент по информационно-аналитической работе. Одновременно на радио «Слово» в Новосибирске вел авторские программы «Честь имею», «Рассказы о живой истории Сибири», «Слово о малой родине», «Память войны», «Сибирь-матушка» и др.

Но все теснее становилось Виктору Ивановичу в журналистике. Он начинает энергично реализовывать свой творческий потенциал в художественных произведениях — стихах и прозе. Справедливости ради отметим, что его литературные произведения явились читателям не сразу, не одним толчком. В 1980-е годы в периодической печати, особенно в военной, довольно часто печатались его достаточно зрелые литературные вещи. Но газетная периодика не может размещать произведения больших форм. Значительные публикации В. Сайдакова — стихи, рассказы и повести — стали появляться лет десять назад в журналах «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Новосибирск», «Воин России», «Честь имею». Находят они место и в коллективных сборниках. Его имя как поэта и прозаика завоевывает признание все более широкого круга читателей. Он становится лауреатом литературной премии имени Петра Дедова в стихах и прозе. В 2021 году появляется том избранных произведений В. Сайдакова «Сияющие окна», отмеченный годом позже литературной премией имени Н. Г. Гарина-Михайловского. Таким образом, одним самобытным писателем на сибирских просторах стало больше.

* * *

С чем пришел писатель Виктор Сайдаков к своим читателям? Сквозной темой практически всей его прозы стала жизнь сельской сибирской глубинки второй половины прошлого века.

Виктор Сайдаков далеко не первый, кто к ней обратился. После В. Астафьева с В. Распутиным, П. Дедова с М. Щукиным и многих других, казалось бы, сказать о жизни села больше нечего.

Однако В. Сайдаков в своих произведениях находит новые повороты и грани, свежие краски и образы, незамутненные чувства, лишней раз подтверждая мысль, что для талантливого художника банальных и заезженных тем не существует.

Сам выходец из сельской глубинки, Виктор Иванович прекрасно знает и любит ее. Она ему близка и дорога, потому что для него это больше, чем просто тема. Здесь его корни и истоки, малая родина с родительским домом, где прошли детство и юность. Краеугольные эти устои в целом общие, но у каждого свои. Надо только суметь отобразить и донести их в художественном слове, что писатель делает небезуспешно.

Если говорить о «координатах» бытия героев его прозы, то они четко очерчиваются строками из стихотворений алтайского поэта В. Башунова: «Не ткая, идут часы мои / в кругу природы, / родины, семьи». Именно в этом неразрывном «кругу» и обитает большинство персонажей В. Сайдакова — людей «озерно-степного края» Кулунды.

Что это за люди, чем интересны и примечательны?

Обычные вроде бы сельчане с традиционными своими занятиями и образом жизни: хлеборобы, животноводы, рыбаки, механизаторы... И тем не менее во многих из них видит автор (и показывает читателю) индивидуальные особенки, благодаря которым обретают они «лица необщее выражение».

Взять, скажем, тридцатилетнего совхозного бригадира Сашку Грамотина из рассказа «Покурить ночью», который «по ночам постоянно открывал что-то новое» в родной деревне, природе, в себе. Эти «открытия» помогают ему уйти от однообразной, монотонной, угнетающей обыденности. А еще осознать, как непостижимо велик и прекрасен окружающий мир. Любуясь нерукотворной красотой звездного неба, Сашка начинает задумываться над вопросами вселенского бытия, в том числе о месте и значении в нем человека:

Сашка вел головой от одной стороны небосвода к другой, вбирал глазами россыпи светил и шалел от непостижимой красоты и непонимания всего этого. Неужели эта бездна, как учили в школе, бесконечна? И как это понять — бесконечность? И почему эта красота видна только ночью, когда люди спят? Значит, не для людей? Для кого?..

Близок Сашке по складу души и мироощущению главный герой рассказа, а фактически небольшой повести «Ясное море!» совхозный водовоз Иван Коршунов. Он гораздо старше Грамотина, другое поколение, но и в нем горит в полный накал самозабвенная влюбленность в родной край, где он то и дело открывает для себя что-то новое, неожиданное. Более того — в постоянном предвкушении этого он и живет.

У Ивана на душе то сладостно-тревожное состояние, какое бывает у человека, когда он возвращается после долгого отсутствия в родные места. Искушалась, истомилась душа по желанному для глаз простору. Не сосчитать, сколько раз он проезжал по этим местам, а теперь будто заново открывает для себя эти гривы, покосы, березово-осиновые околки. А воздух!.. Иван дышит и не может надышаться родным, солоновато-сладким степным воздухом.

Есть у Ивана Коршунова и свой «особый мир», заветный, зарождающийся на пике лета.

К этому времени пройдут дожди, крепко завяжется колос, и над землей повиснет знойная марь. В один из таких дней Иван обязательно идет к озеру, а потом, оставляя позади птичий гомон, медленно поднимается на гриву и останавливается наверху, чтобы сразу видеть и озеро, и яр, и пшеничное поле. Далеко на горизонте оно сливается с небом. Здесь стоит звенящая тишина, изредка перебиваемая нежным шелестящим звуком кузнечиков. И в этой первородной тишине, в благостном томлении пшеничного поля таится извечная сила нового урожая.

— Да ясное ты море! — восхищается Иван...

...Бывает, что и не хватает слов, и он не выдерживает непосильной красоты жизни и плачет, освобождаясь от переполняющего его сердце изумления. В этих слезах он никогда и никому не признается, даже самому себе.

Воспринимая ее каждой клеточкой своего существа, Иван буквально растворяется в этой красоте, которая не просто радует глаз, ласкает душу и

сердце, но и является для Коршунова животворным источником жизненной энергии. При всем при этом он не пустопорожний созерцатель, а умный, рачительный крестьянин-труженик, умеющий работать настолько же рационально, насколько и красиво. Просто не мыслит Иван себя без всегда прекрасного для него озерно-степного простора, ставшего неотъемлемой частью его собственного существования.

Однажды Коршунову выпало съездить по путевке в хороший санаторий на три недели безмятежного отдыха. Но он не выдержал и половины срока.

Иван, привыкший к постоянной работе в доме, во дворе или поле, здесь чувствовал себя неловко от вынужденного безделья...

Оно угнетает Коршунова, делая его с каждым днем все «раздражительнее и говорливее». Иван «...стал почти непрерывно думать о доме, об Ане и ребятишках. Подсчитывал, будут ли после его приезда петь жаворонки или уже рассядутся по гнездам... Но больше всего угнетали праздность и отсутствие степного простора. В общем, хотелось сбежать отсюда, как говорится, куда глаза глядят».

И он сбегает. На удивление персоналу санатория и генералу Затулину, бывшему его комбату, устроившему сюда Коршунова. Они не в силах поступок Ивана понять, а тот «...объяснить, что глаза и сердце сжились с этим яром, покосом, озером. Что стоит там еще древняя береза, под которой отец, а может быть, и дед всегда ставили первую копну. А рядом, в тени берез, в диком смородиннике, из лета в лето, из покоса в покос, из поколения в поколение, переживая июльский зной, садились обедать и отдыхать всей семьей...»

И эта впитанная с молоком матери «сжитость», дает понять автор, стала как бы родовой чертой жителей «озерно-степного» края, представителем которого Коршунов и является. По большому же счету она, «сжитость», еще и отправная точка, и доминанта их негромкого, непоказного патриотизма. Правда, в тексте повести слово *патриотизм* произносится только один раз, и то как бы со стеснительностью, с оговоркой, но витает, проглядывает как в некоторых весьма колоритных штрихах и деталях повествования, так и в оригинальном его восприятии некоторыми персонажами.

Таких, как дед Дорофеев, утверждающий, что, какие бы перемены ни происходили на родных пашнях, лугах и покосах, травка «та же... Запашистая...». И запах ее для крестьянина той местности, где она произрастает, не похож ни на какой другой. И уж тем более невозможно ее спутать с чужеземной, убежден Дорофеев, которому еще в Первую мировую довелось в разных европейских странах побывать.

У германцев мне тоже приходилось косить... Травки-то вроде знакомые, а понюхаю — нет, не наши. Видишь, парень, на чужой земле и трава по-чужому пахнет...

Запах родины. Можно сказать, в чистом, а не метафорическом виде.

Впрочем, забегая вперед, отметим, что запахом малой родины пропитана практически вся проза В. Сайдакова. Но это далеко не только сладостнотомительный дух степного простора. Он — разный. И даже очень тяжелый подчас. Но об этом позже.

А пока последуем за водовозом Иваном Коршуновым, который в горячую сенокосную пору развозит косарям воду в большущей бочке, кое-как уместившейся в бричке. Вокруг бочки, вернее, маршрута, который совершает она, направляемая водовозом от одного полевого стана к другому, и вращается совершенно незатейливый сюжет. Именно бочка становится у автора основой нехитрого рассказа об одном рабочем дне из жизни кулундинской деревни первых послевоенных десятилетий и композиционным стержнем повествования.

«Надо же, все вертится около какой-то бочки с водой!» — удивляется бригадир косарей Краснощеков.

Сами собой напрашиваются соответствующие моменту известные поэтические строки: «Нынче всякий труд почетен, где какой ни есть. Человеку по работе воздается честь». Но это скорее внешняя сторона, идейное обоснование нужности и полезности любого созидательного дела. Суть же повести глубже и несколько иная. А заключается она в том, что в сельском труде, как и вообще в жизни крестьянина (неважно, какое время на дворе), не бывает мелочей, важного и неважного, главного и второстепенного. Все в ней равномерно, равновелико и равноценно. Думается, что даже сегодня, в эпоху промышленного сельхозпроизводства с гигантскими агрохолдингами, разрушения общинного уклада деревенского бытия, с этим трудно поспорить.

Что касается водовозки, то ее роль и значение в системе сельскохозяйственных отношений оценивает в повести сама жизнь. Тот же Краснощеков серьезно заболевает и надолго выбывает из строя, а новый (вместо него) молодой бригадир в разгар сенокоса взял да и убрал водовозку. Якобы «за надобностью».

И все как-то пошло наперекосяк. Сено, конечно, косили, скирды ставили, вывозили, но не было того настроения, с каким собирались раньше люди, встречая водовоза.

Почему, спрашивается? Отчасти потому, что Иван всегда набирал воду в колодце, привозил ее холодную, свежую. А набранная механизаторами из скважин быстро «становилась теплой и противной». Но, по рассуждению самого Коршунова, была и причина иного, не материального характера:

Сенокос у русских людей с давних пор считался праздником. Пусть с тяжелым, даже изнурительным трудом, но праздником. Недаром в поле в то время практически не было нерых или пьяниц. Прихорашивались, наряжались. Обязательно надевали чистое, опрятное... Теперь стали меньше работать артелью, гуртом даже на сенокосе. Он (Иван. — А. Г.) понимал, что его водовозка — последнее крохотное напоминание о совместном труде «на миру» — том, на котором и «смерть красна».

После возвращения бригадира Краснощекова в строй бочку вернули, и люди в бригаде повеселели...

Водовозка, получалось, выполняла, кроме сугубо практических, хозяйственных функций, еще и роль своеобразной скрепы: духоподъемной, эмоциональной, а в конечном счете — объединительной.

Для самого же писателя водовозка Коршунова с ее колоритным «рулевым» становится своеобразным художественным инструментом, помогающим

увидеть «озерно-степной» край с его жителями четче, глубже, объемней, ощущая в то же время, насколько при кажущейся монотонности многообразна и богата оттенками здешняя жизнь.

И не только многочисленные степные пейзажи, разбросанные по прозе В. Сайдакова, весьма красноречивые тому художественные подтверждения.

Его произведения достаточно густо населены. Но большинство их персонажей несут в себе черты фактически одного типажа — сибирского крестьянина, волею исторической судьбы впитавшего в себя различные (географические, национальные, этнические, религиозные и прочие) истоки. Это, однако, не делает их однотипно безликими, как каменные идолы острова Пасхи. Напротив, каждый индивидуален. Эта индивидуальность подчеркивается им, помимо прочего, в словесных портретах — живых, зримых, выпукло, рельефно и убедительно выписанных. Автору, как говорится, веришь на слово.

Но вернемся к Коршунову с его трепетным отношением к каждой «мелочи» в окружающем мире.

Впрочем, складывалась жизнь Ивана не из одних только привычных и непреложных «мелочей» крестьянской жизни, составляющих ее суть и смысл. Было и другое, куда более горькое, трагичное и в то же время противоестественное — война. Ее сержант Коршунов прошел сапером и в одном из боев, спасая товарища, получил контузию и тяжелое ранение от мины вражеского миномета, осколок которой навсегда застрял рядом с позвоночником. Давно закончившись, война продолжает приходить Ивану во снах. Но снится она уже как бы в современном ему контексте: «На траве, рядом со скирдами сена стоят ребята его взвода и Затулин». Но «не с автоматами и винтовками, а с литовками и граблями». А комбат говорит Коршунову:

— На сенокос к тебе, Иван, пожаловали. Возьмешь в свою команду? Только к обеду чтобы водичка была холодненькая из колодца...

В рассказе «Загонка» тоже страда, правда, не сенокосная, а хлебоуборочная. И времена уже постсоветские, когда начинают меняться многие взгляды, подходы и отношение к делу. В бывшем совхозе, а ныне акционерном обществе «Степноозерный» осталось убрать поле экспериментальной пшеницы, но люди до предела вымотались, и директор Прохоров объявил механизаторам выходной. Но вдруг он узнает о штормовом предупреждении с дождем, снегом и ветром на следующий день. Отменный урожай элитного зерна под угрозой. И Прохоров встает перед серьезной проблемой: как уговорить измученных людей вместо выходного снова выйти на работу для спасения урожая? Проблемой не столько командно-административной, сколько морально-этической и нравственной.

Директор уговорил комбайнеров, пообещав им в качестве бонуса ящик водки и шашлык. Однако не бонус сыграл решающую роль. Просто для механизаторов «Степноозерного» «хлебное дело», не втискивающееся ни в какие регламенты и прагматичные рамки, оставалось, как и для их отцов, дедов, прадедов, основой крестьянской жизни и их собственной сущности. В силу чего не могут оставить они не сжатое до конца пшеничное поле на погибель стихии, а потому, себя превозмогая, идут спасать урожай.

А когда дело сделано, смертельно уставшие комбайнеры, едва прикоснувшись к обещанному бонусу-угощению, засыпают под брезентом прямо у скошенной загонки.

Директор глядел на спящих мужиков, и перед глазами вдруг встала картинка: его взвод, спящий вповалку после боя около одной украинской деревеньки... Он отмахнулся от видения — не любил вспоминать войну.

— Отдыхайте, солдатушки! — сказал он механизаторам. — Хорошо повоевали!

Нетрудно заметить, что финал рассказа «Загонка», в котором сон хлеборобов, спасших урожай, ассоциируется у директора Прохорова со сном солдат после боя, явно перекликается с концовкой повести «Ясное море». И тут и там проводятся писателем символические параллели с временами военными. В этом есть своя закономерность

Когда-то поэт-фронтовик из Кузбасса Е. Буравлев сказал: «Из одного металла льют / Медаль за бой, медаль за труд».

На конкретных эпизодах жизни людей «озерно-степного» края автор как раз и напоминает о том, что крестьяне русские и на ратных, и на хлебных полях были самоотверженными бойцами-тружениками. И напоминание это сегодня вовсе не кажется лишним.

Великая Отечественная война так или иначе нередко возникает на страницах прозы В. Сайдакова. Во времена, которые изображает писатель, она еще свежа в памяти подавляющего большинства его земляков, многие из которых непосредственно на себе испытали ее губительный жар. «Не все вернулись соколы», — поется в известной песне. Но и на судьбах тех, кто уцелел, война отразилась по-разному. Иным и места не оставила в мирной жизни. Как случилось это с деревенским столяром и плотником по кличке Каля-маля из одноименного рассказа В. Сайдакова.

В деревне его считают человеком не от мира сего, малахольным и даже как бы юродивым. Контуженный в войну, он действительно бывает иной раз не в себе. Особенно когда выпьет. Но в День Победы у обелиска павшим бойцам, где собираются жители деревни на посвященный этому событию митинг, даже мужики, побывавшие на войне, с удивлением отмечают, сколько боевых наград на груди невзрачного и чудаковатого Каля-мали! А он «идет от обелиска последним. Плачет, прикрываясь фуражкой, и произносит мало-понятные слова:

— Ребятишечки-то какие позаснули на войне, да не только же здесь, а в каждой деревне, в каждом хуторе... Вот бы все-то встали да пошли — это сколько их бы было? Не сосчитать... Ой, что же мы там наделали, на войнэ-то этой? Что наделали? Как же простить это?»

А еще иногда бормочет в подпитии: «Вы ничего не знаете про меня... И не надо знать. Ох, не надо... Нельзя такое знать. И про себя тоже...»

О чем он? Ответа на этот вопрос читатель не получает. Но догадывается, что несет в себе и ревностно оберегает Каля-маля какую-то страшную, неразрывно связанную с великой бедой войны тайну, которая не дает ему спокойно и безмятежно дожить свой век. Автор же, намекая на ее существование, хотел, полагаю, особо подчеркнуть, насколько глубоко и болезненно

может входить война в человека, какой жестокий и неизгладимый отпечаток может она отложить в его сознании и душе, на всей личности.

Образ Каля-мали — трагический по сути своей. Но трагизм здесь не внешний, хорошо заметный и понятный, а скрытый в самых потаенных и недоступных для посторонних душевных глубинах. Отчего образ обретает налет мистичности.

Странная жизнь Каля-мали и закончилась весьма загадочно. Во всяком случае, как это произошло, никто в точности не знал. «Говорят, его обнаружили мертвым на обочине дороги между двумя деревнями. Куда он направлялся? В село, где родился? Ходили слухи, что его сбила машина. И другое говорили: перед тем как он покинул наш поселок, его кто-то сильно избил...»

«Не взяли в жизнь Каля-малю после войны. И не одного ведь его...» — делает вывод автор. И трудно с ним не согласиться: действительно, сколько таких вот, покалеченных физически и психически, война оставила за обочиной нормальной жизни! Об одном из них писатель Сайдаков нам и рассказал.

Нетрудно заметить, что и Сашка Грамотин, и Иван Коршунов, и Каля-маля, и ряд других персонажей В. Сайдакова — вариации одного достаточно традиционного архетипического образа, кочующего по произведениям многих писателей и корнями своими уходящего в фольклорно-мифологические толщи. Образ этот как явление не имеет жесткой привязки к определенному времени, месту, социальному статусу, возрасту. Его характерные черты можно встретить у князя Мышкина из романа Ф. Достоевского «Идиот», в «чудиках» из рассказов В. Шукшина, а к их дальним прототипам можно отнести и церковных юродивых и кликуш минувших столетий, и сказочного Ивана-дурака, и других подобных персонажей.

Знакома читателей со своими «чудиками», В. Сайдаков продолжает эту традицию. Но его «чудиков», за исключением, пожалуй, только Каля-мали, объединяет не чудаковатость в качестве определенного психического отклонения, а восприятие жизни как чуда, когда, несмотря ни на что, окружающий мир видится им удивительным и прекрасным. Отчего и сами они предстают чудесными, душевно красивыми людьми.

К таким героям больше всего тяготеет и сам писатель В. Сайдаков. Они — цельные, незаурядные, наполненные духовной и нравственной силой — становятся любимыми его персонажами, о которых ведаёт он читателям с большой теплотой, любовью, лиричностью и, чувствуется, с радостью и удовольствием. Повесть «На два голоса» — ещё одно тому красноречивое подтверждение.

В ней В. Сайдаков продолжает воссоздавать ушедшую в прошлое, но оставшуюся в его памяти жизнь сибирской деревни нескольких послевоенных десятилетий.

Место действия повести — два села в Кулундинской степи: Степновка и Кулеба, где родились и выросли главные герои. Если со Степновкой все ясно, то значение названия Кулеба для современников весьма туманно и загадочно. Не может объяснить его смысл ни топонимика, ни краеведение. А ларчик, оказывается, открывается настолько же просто, насколько и неожиданно.

Когда на исходе XIX века группа переселенцев с Полтавщины добралась до этих краев и увидела, сколько в здешних озерах рыбы и всякой водоплавающей дичи, ее удивлению не было предела.

Потом впервые за много дней ели горячее варево. Нахваливали:
— Вот это суп, вот это кулеба!

А затем кто-то предложил назвать Кулебой (в буквальном переводе с украинского — густой суп, похлебка с пшеном) будущее поселение.

Посмеялись и согласились. Так появилась на сибирской земле еще одна деревня. Со странным названием...

В ее появлении и дальнейшем существовании нашла свое отражение история освоения этой сибирской окраины:

Дождями и ветрами, снегами и бешеными степными падерами, лютыми морозами вперемешку с крутыми событиями — войнами, революциями, сменами вождей, со свадьбами и похоронами, рожденьями беспокойной ребятни и с вековечной надсадной работой отшумело над рыбацкой деревней больше ста лет...

В центре же повествования муж и жена Артемовы, как бы связавшие семейными своими узами родные селенья, такие во многом разные. И в то же время Степан и Лида — это «два голоса» одного слаженного семейного дуэта, две половины единого целого.

Супруги везде вместе: и на работе, и в гостях на гулянке, и «в совхозных делах, и по хозяйству дома». Им приходится «крутиться, работать, иногда до изнеможения, чтобы поднять четверых пацанят на ноги».

В работе они... больше молчат. Взглядывают только теплыми глазами друг на друга. Трудно им. А и хорошо бывает. Потому что вместе. Как в песне на два голоса. По отдельности можно петь. А вот чтобы вместе — не у всех получается. Созвучие должно быть. И любовь.

Но этого, убеждает своим повествованием Виктор Сайдаков, у Артемовых в достатке. Отчего и песнь их семейная, на зависть многим, хороша.

Однако не сразу, не вдруг она у Лиды со Степаном так ладно и в унисон зазвучала. Годами складывалась, через уготованные судьбой тернии к звездам прорывалась, чтобы там, в высях горних, обрести гармонию и зазвучать под аккомпанемент вечной мелодии любви, органично соединив оба голоса, в единосущной и нераздельной слитности.

Но вот что примечательно и заметно повышает доверие к автору: вспоминая со светлой печалью свою озерно-степную глубинку, ее «хороших людей», которых в повести «На два голоса» представляют прежде всего супруги Артемовы, В. Сайдаков не пытается в порыве ностальгического умиления идеализировать малую родину, приукрашивать ее. Не занимается, как справедливо пеняли иной раз любителям литературной ретуши критики послевоенных десятилетий, «лакировкой действительности». А подходит вполне объективно, отмечая, что крестьянское сообщество на поверку было не таким уж и единым. Как и везде, разные здесь жили люди. Настолько подчас разные, что даже в ближайшем окружении, среди хорошо знакомых людей,

даже в родне находились предатели, готовые подставить ножку завистники, доносчики...

Подтверждением тому может служить и судьба Степана Артемова.

В жизни его были и война, и тюрьма. Но если на войну он отправился семнадцатилетним добровольцем и достойно прошел ее с ранениями и контузией до победы, то в тюрьму попал без вины виноватый, по навету соседей и преступной подставе управляющего, испугавшегося и не заступившегося за Степана, когда тому подбросили в сани мешок казенного овса. А за несколько лет до войны так же, по оговору, были арестованы и бесследно исчезли в застенках НКВД отец Степана с несколькими односельчанами. Много позже выяснится, что оклеветал их дядька Степана и родной брат его отца Калистрат.

А «раскрутил» в обоих случаях дела сначала против отца (Василия), а потом и его сына (Степана) Артемовых один и тот же следователь Тонкогубов. С его — в 1937 году еще энкавэдэшника — подачи репрессировали кулебинских мужиков, а после войны, когда он стал следователем по уголовным делам, отправили за решетку и Степана. И автор не видит здесь случайного совпадения, поскольку для оголтелых фанатиков типа Тонкогубова клеймо «враг народа», которым были отмечены большинство его подследственных, оставалось несмыслаемым и пожизненным, как и отношение к ним. Случалось, что даже сосланные по оговору, ошибочно, долго еще оставались в поле зрения «компетентных органов».

В те времена если кто-то хоть раз попадал в руки НКВД, то его так просто не отпускали. И стукачи-доброжелатели со своими блудливыми душонками старались. Не могли они допустить, чтобы оклеветанный ими человек оставался чистым в глазах других.

Более того, клеймо «враг народа» не уходило в небытие вместе с самими репрессированными, а в качестве некоей «черной метки» передавалось их потомкам. На примере Степана Артемова, которого по большому счету осудили не за подброшенный мешок овса, а фактически как сына «врага народа», это хорошо видно.

Впоследствии, когда жизненные пути Степана и Тонкогубова пересекутся, бывший следователь попытается оправдаться тем, что он «здесь ни при чем», ибо «время было такое». Ссылку на время Степан не принимает. Позднее Александр Кушнер афористично скажет: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». И Степан Артемов мог бы подтвердить слова поэта собственным жизненным опытом. Но и добавить от себя, что «живут и умирают» в отведенные каждому времена по-разному. Кто честно, чисто, достойно, при любых обстоятельствах оставаясь настоящим человеком и оставляя после себя добрую память, как, например, зэк Лука — бывший офицер, попавший после фашистского плена в гулаговские лагеря и оказавший неоценимую моральную поддержку Степану, а кто и наоборот.

Да и на войне... Одни воевали, себя не жалея, жизни отдавали, землю свою от фашистской нечисти очищая, другие, шкуру спасая, предавали и шли к врагу в услужение. Вместе с тем на фронте все было гораздо ясней и понятнее, кто есть кто, а потому и проще: вот враг, и его надо бить. Но

как в мирное уже время в своей среде обитания распознать врага внутреннего, незаметного? Задачей это было куда более сложной и трудной, усугубляемой к тому же страхом. Не тем естественным страхом быть убитым, который удавалось преодолевать в открытом честном бою, а страхом иного рода.

Лишение свободы по обычному обвинению не прошло для Степана даром.

После тюрьмы в нем поселилась постоянная, скребущая душу тревога. Он ее глушил, прятал. Но она все-таки жила в нем и нередко пробивалась наружу вместе с безотчетным страхом. За ним, за этим страхом, притаилось одно: в любой момент его могут обвинить в том, чего он не делал...

И этот синдром подсознательного страха без вины виноватого человека неотступно преследует Степана неизлечимой психической травмой. Ушла его былая безоглядность, душевная распахнутость, уступив место постоянной настороженности, приморозило, ледком схватило «половодье чувств», глуше стал голос. А оттого и песня семейная окрасилась тревожной печалью.

И сколько еще за образом Степана Артемова угадывается таких вот «травмированных» не без «помощи» иной раз людей ближнего круга!..

На этой тревожно-печальной ноте произведение и заканчивается. Но песни испортить она уже не в силах.

А своего рода прототипом семейного дуэта Артемовых выступают у В. Сайдакова его собственные родители, о которых писатель вспоминает в автобиографических «зарисовках о прошлом» под общим названием «Жили и жили». Отцу с матерью полностью посвящена давшая название всему циклу одноименная новелла. Их образы и образ родительского дома просматриваются и в других воспоминаниях, начиная с рассказа «Сияющие окна», открывающего цикл, рассказа, можно сказать, знакового, рассказкамертона, задающего направление, ритм и тональность всей прозе В. Сайдакова. Не случайно писатель так же озаглавил и свою первую (и пока единственную) художественную книгу*.

Свет окон родных деревенских домов становится у автора символом сибирской деревни пятидесятых — семидесятых годов минувшего века. За каждым окном «своя уютная и, казалось, вечная жизнь», где царят «уют и доброта дома, любовь родителей». И долго еще не будет отпускать магнетическая сила родных «сияющих окон». Как признается герой-рассказчик, «родные окна снились мне потом всю жизнь. И в трудные годы в армии, и в чужих краях среди враждебных людей. Их свет поддерживал, наполнял силой и надеждой». В то же время звал обратно. Зов этот бывал настолько мощным, что заставлял мчаться в родные края при первой возможности.

Так происходит с героем его небольшой повести «На Яркуле», который приезжает из города на любимое озеро не столько порыбачить, сколько «увидеть его», «Яркулем подышать». Николай «давно за собой заметил: если за лето ни разу в своем любимом озере не искупается, не порыбачит

* Сайдаков Виктор. Сияющие окна. Стихи и проза. Новосибирск, 2021.

именно здесь, тогда и лета как будто не было. Даром прошло». Вот и блаженствует он в лодочке на озерной глади, вбирая «в себя славный денек, бережно опуская его в сердце, чтобы навсегда запомнить» и зная, что «вынет-ся оттуда этот денек когда-нибудь посреди зимы, вынется разноцветным подарком озерно-степной родины, и легче ему будет переживать промозглую, серую городскую стынь».

А «подышать» есть чем. Полные сочных красок, разнообразных запахов, многоголосых звуков, чудной поэзии картины «озерно-степной родины», как и всегда, замечательно переданные автором, радуют душу и сердце, действуют целительным бальзамом.

Отплыв довольно далеко от берега, Николай решает искупаться. Но неожиданно сталкивается с непредвиденной ситуацией: нырнув с лодки, испавшись, обратно забраться в нее не может. Не позволяют слишком легкий вес и конструкция складной рыбацкой лодочки. Такова завязка, грозящая герою серьезными последствиями.

Николай начинает борьбу за существование. Какое-то время безуспешно. Николай выбивается из сил, но тут ему приходит на помощь некая чуть ли не мистическая сила...

Преодоление себя в чрезвычайных обстоятельствах, в момент наивысшего напряжения сил, на грани «быть» или «не быть», своих страхов и неуверенности, а через него обретение жизненной остойчивости, позволяющей оставаться на плаву даже в тяжелейших положениях, становилось во главу угла многих и многих художественных произведений. Как видим, и здесь ситуация далеко не новая. По сути дела, она в русской литературе классическая, когда в рассказе или повести ярко обозначен кульминационный поворот, после которого чаще всего развитие событий идет по другому пути. У В. Сайдакова такой момент почти во всех его основных вещах — а это по жанру скорее маленькие повести, а не рассказы, — наступает, когда герой находится в благостном равновесии с природой и людьми, в своем лучшем физическом и чувственном состоянии. В повести «На два голоса» — это арест Степана, в «Ясном море» — острое воспоминание Ивана Коршунова на курорте о войне и подрыве моста, в «Загонке» — сообщение о степной буре. Глава с эпизодом на Яркуле самая короткая, но самая динамичная, можно сказать, что это основной нервный узел произведения, где сошлись все вопросы, на которые должны ответить не только герой повести, но и читатели. Почему это произошло с Николаем? Наказание за глупо сказанные когда-то слова об отце? Какая сила его спасла? Николай не называет имени Всевышнего, но кричит в порыве страха: «Помоги, помоги, я прошу Тебя!» Последнее слово автор пишет с прописной буквы. Чудесное спасение приходит. Вернее, он сам его осуществляет, но так до конца жизни и не поймет, как это у него вышло. Или это тот самый случай, когда говорят, что «родная земля не выдаст»...

...Но все течет-меняется. «Целебный свет» «сияющих окон» родительского дома, покинутого со временем прежними его обитателями, погас. «Потом соседи по нашему дому разъехались. Их место заняли чужие, незнакомые люди — новая, нездоровая поросль, алчно живущая одним днем в наступившее тогда смутное и разорительное время для моей страны...»

А дальше и сама деревня ушла в небытие. Остались только воспоминания да саднящая тоска о «прекрасном, да минувшем», непонятная новым поколениям.

Оно вроде бы и в самом деле, какой прок печалиться о том, что отжило, чего не стало и уже вряд ли вернется? Надо просто сбросить этот балласт и, решительно перешагнув вчерашний день, двигаться налегке дальше. Рационально, оптимально и ускоряет путь к конечному результату, который в современном мире чаще всего выражается в денежно-материальном эквиваленте.

С позиций нынешнего жесткого, а порой откровенно циничного прагматизма проку действительно никакого. Однако кроме холодного расчета и выгоды, существует, к счастью, еще и память: память, связующая времена, эпохи и поколения, память, без которой лишено фундамента настоящее и призрачно будущее.

Мысль эта горячим кровотоком пульсирует как в собственно художественных произведениях В. Сайдакова, так и в его лирических воспоминаниях о родной деревне, в которых он показывает читателю, какой, при всех больших и малых его недостатках, прекрасный, полный добра и света самобытный мир уходит в забвение, порастая быльем.

И снова радует нас писатель в «зарисовках из прошлого» словесным живописанием, рисуя все новые картины природы. На сей раз преимущественно зимние. В их снежно-морозном интерьере и предстает родная деревня писателя.

Зима. Белая-белая. Длинная-предлинная. Деревня тоже белая, занесенная снегом. На задах огородов она сливается со степью, растворяется в молочно-сизой дымке. Стужа. Мороз жмет градусов под сок... Над нашей поляной, над палисадниками, над домами, в рощах висит промороженной взвесью прозрачный туман. А если в это время с полей дохнет ветерок — совсем становится немого. Перебивает дыхание, сковывает руки и ноги, колет лицо. Чуть зазеваешься — нос и щеки побелели.

Упоминание в «зарисовках» о жгучих морозах, вообще сибирской погоде — вовсе не дань укоренившемуся еще в далеком прошлом стереотипу представлять Сибирь как край космических холодов. Просто погода всегда была важной частью бытия сибирского крестьянина. От нее зависел урожай, своими аномальными проявлениями (разрушительными иной раз весенними половодьями, летней засушливой жарой, затяжными осенними дождями и, конечно же, трескучими морозами) она испытывала сельчан на прочность. И не случайно в одной из «зарисовок из прошлого» («А теперь о погоде») эпизоды и детали сельского быта изображены в «контексте» крепкого сибирского мороза.

К примеру, возвращается мужичок домой.

Выпил... в соседней Куликовке, куда ездил, ну и сморило в дороге. Вожжи на всякий случай к ноге примотаны. Это — если вдруг вывалится в снег. Тогда вожжи натянутся, и лошадь одна никуда не уйдет, останется. Вот и спал все время, а кобыла сама нашла путь домой и завезла его, умница, прямо в ограду.

Или такая характерная деталь быта сибирского крестьянина:

...Еще пельмени, которые лепили именно в такие морозы. Никаких холодильников тогда не было. А тут — куда как хорошо! Моментально схватываются, промерзают насквозь. Когда их потом в мешочки или в эмалированные ведра с жестяных листов ссыпали, они постукивали, как деревянные.

С сердечным теплом и любовью вспоминаются писателем вышивки цветными нитками мулине, кулички на Пасху... Красочно, зримо выписаны им уличные игры и забавы деревенской детворы и взрослых, их беззлобные подшучивания, розыгрыши друг друга.

Такого рода колоритные, «цепляющие» детали и подробности щедро рассыпаны по произведениям В. Сайдакова. Они дополняют, углубляют и при всей своей конкретной реальности художественно насыщают картину деревенского бытия, придавая ей вместе с тем местный (сибирский «озерно-степной») колорит и неповторимость.

Финальным аккордом книги «Сияющие окна» стала зарисовка «Жили и жили».

Жили и жили его родители, как и большинство односельчан, пишет В. Сайдаков, самой обычной деревенской жизнью. Жили трудно, но просто и понятно. Работали не покладая рук в совхозе, собственном подворье, без которого было не выжить. Растили, поднимали детей. Старались, чтобы выросли из них хорошие люди. Выросли дети, в самостоятельную жизнь ушли. Настали сроки — ушли и родители. В мир иной. Но нет, признается автор, «и сейчас живут. Бывает, среди суматошных дней будто толкнет кто меня — вдруг ясно услышу батину балалайку, ее тоненькую, дробно-звонкую мелодию. И мамин приглушенный голос, доносящийся с веранды:

— Да тише ты, Ваня!.. Тише! Ребятишек разбудишь!

Не надо тише! Играй, батя! Громче играй! Будите нас, родители! Будите! Не жалейте!»

Под аккомпанемент звучащей в нем мелодии «бабиной балалайки» писатель, вспоминая в повестях, рассказах, зарисовках родных и близких людей, соседей, земляков, родину свою малую, теперь и сам пытается разбудить от душевной спячки и освободить от беспамятства их нынешних потомков в светлой надежде, что не прервется связь времен.

* * *

Заканчивая разговор о прозе В. Сайдакова, хотелось бы обратить внимание на одну любопытную особенность книги «Сияющие окна». Прозаическая по существу, она открывается блоком лирических стихотворений, в которых звучат практически те же темы и мотивы. Это наводит на мысль о том, что автор использовал подборку в качестве своеобразного поэтического эпиграфа. А познакомившись непосредственно со стихами, ее составляющими, приходишь к выводу, что талантливый прозаик Виктор Сайдаков, оказывается, еще и весьма даровитый стихотворец.

Но это, как говорится, уже другая история...

Александр ЕВСЮКОВ

ДОБЫЧА «ТЕНЕВОГО ГЕНИЯ»

О книге Геннадия Калашникова*

Каждая книга Геннадия Калашникова «штучна», особенна, выстрадана и добыта у природы и тайн подсознания. Как фильмы Тарковского или Алексея Германа. Новый сборник «Ловитва», в котором автор подводит определенный промежуточный итог, подобрал в себя меньше сотни стихотворений, написанных более чем за полвека творческой жизни. Тут можно было бы пожать плечами и с недоумением добавить: «Всего лишь...» Тем паче что многие стихослагатели успевают куда больше написать и предъявить свету за каждый календарный год, заодно успевая наследить в прозе, критике и других областях самовыражения.

Однако немедленно вспоминается легендарный ответ Юрия Олеши одному плодovitому автору на его претензию: «Мало же вы написали за всю свою жизнь, Юрий Карлович! Я все это за одну ночь могу прочитать». Олеша тут же парировал: «А я за одну ночь могу *написать* все, что вы за всю свою жизнь написали...» Безусловно, Калашников мог бы писать гораздо больше — работоспособность и техника это ему позволяют. Однако он предпочитает чаще выступать опытным наставником и редактором, чем непосредственно автором. По собственному признанию, его «поиски продолжают-ся до сих пор. Беспронягранных автоматических навыков я так и не приобрел, все время возвращаюсь к манящему, неуловимому, вечно дробящемуся ритму, к вечному началу». Думаю, это не столько сознательная стратегия или стечение жизненных обстоятельств, сколько результат высочайшей творческой ответственности перед собой, коллегами и читателем.

Еще одним подтверждением осознания автором такой ответственности служат недавние слова: «Разумеется, я *ощущаю* за собой любимых писателей, поэтов, любимые и нестареющие книги. Прошу прощения за самоцитирование: “Все, что прочел, оно с тобой всегда и все своим подсвечивает светом...” Не то что я напрямую им наследую. Но я живу в их постоянном присутствии. Они задают масштаб, устанавливают планку, меру вкуса, ниже которых нельзя опускаться»**.

Поэтому вовсе не случайны и не легковесны в отношении Калашникова такие определения, как «рыцарь поэзии» или «приверженец стиховой

* Геннадий Калашников. Ловитва. М.: Летний сад, 2022. 216 с. (Серия журнала «Плавучий мост»).

** «Все, что прочел, оно с тобой всегда...» // Дружба народов. 2022. № 9.

аскезы». Однако наиболее верной мне видится характеристика, данная писательницей Светланой Василенко, — «теневого гений». Само созвучие уменьшительной формы имени автора «Гена» и слова «гений», видимо, не совсем случайно. Конечно, поверять алгеброй гармонию и вталкивать живого поэта на высокий пьедестал я не стану. Многое неизбежно рассудит время, но уже сейчас стоит сказать: авторитет Калашникова и влияние его творчества на более молодых поэтов ощутимы. Причина не только и не столько в огромном опыте семинарской работы, сколько в уровне творчества, редком сплаве неустанного внутреннего поиска и новаторства с внешней традиционностью, гармонично включающей элементы архаики.

Названия калашниковских сборников, как правило, выходящих с интервалом в десятилетие, чередуются так: однословное — развернутое. Нынешний сборник назван единственным, редким и даже загадочным словом «Ловитва». Что же это такое? Расширяя словарное значение, я бы ответил так: «Добыча, созвучная с молитвой». Каждый раз автор под маской лирического героя ловит (хотя бы взглядом) нечто трудноуловимое и молит о чем-то пока неизвестном.

Книга устроена необычно, но вполне логичным образом. Сначала, будто пролог романа, из прозы послевоенной жизни рождаются непрошенные стихи. Так знаменует момент, после которого больше чем на пять десятилетий наступает для автора время поэзии. Затем берет свое мемуарная проза вместе со стихами, максимально близкими ей по тематике. Вслед за ней черед, собственно, воспоминаний, а в качестве эпилога — обстоятельная литературоведческая статья Иосифа Фридмана. Каждое произведение и тем более каждый раздел плотно подогнаны и будто помножены друг на друга. Поэтому вся книга как целое гораздо больше и глубже, чем сумма вложенных туда текстов. Ее явно недостаточно пролистать или прочесть наспех, с ней нужно вдумчиво прожить хотя бы несколько дней.

Каждой песчинки кремнистый излом сделан подробно.
Волны от суши торопятся вспять, горбясь валами.
Что остается? Про все рассказать
своими словами.

Теневым, но важным камертоном для всей книги становятся птицы. Со всем не случайны непреходящий интерес к ним автора и выразительное изображение замершего в полете сокола-пустельги на обложке. Они присутствуют во многих его стихах, особенно в первом разделе «Я — ловец и добыча». Зачастую тайные, беззвучные, незаметные и не слышимые другими: «Тяжелая птица сутуло сидит на суку», «внутрь смотри забудь про земное зренье / слушай птиц бесшумных беззвучное пенье», «в небо с разлета ударится птица», «Для рыб я птица, а для птиц я рыба», «коршун» и мелкие птицы, «соловьиная ветка», «и сильный тонкий свист / косых утиных крыл в стремительном полете», «В глубине твоей прячется птица, / ее голос беспечен и чист», «Даже птица, подбитая влет, / не совсем по прямой упадет», «бензина павлиньи спирали», «Ночью в скользком лозняке / коростель заплачет слезно». Каждый такой образ не умозритель, он подтвержден личным заинтересованным наблюдением и подчас глубоко скрытым, но несомненным

сопереживанием. Каждый из этих образов уже стал законной творческой добычей, которой автор-охотник делится с нами — читателями.

...Глаза чудовищ водяных
глядят на выжженную сушу.

Возникает ощущение чьего-то взгляда и незримого соприсутствия, от которого хочется замереть. Хорошо или плохо скрытая камера фиксирует наши неуверенность, поиски и страхи. Птицы, взгляды и иные неопознанные сигналы обозначают постоянное пребывание в тайном течении жизни Бога: неканонического, непривычного и, вероятно, не всемогущего, но близкого и конкретного.

Что-то вдруг промелькнет в суете,
с суетою настойчиво споря,
так ревущий прибой в темноте
говорит об огромности моря.
Отвлеченность больших величин
только малостью можно измерить,
есть ведь тысяча разных причин
и в бессмертье, и в вечность не верить.
<...>
Тяжкий рокот ночной, этот вой
перемен и несчастий предвестье.
А наутро посмотришь — покой,
каждый камешек вроде на месте.

Несколько кинематографически точных кадров — и вот уход от суеты в кратковременное слияние с мощью стихии, явленный в стихах, дает наблюдателю метафизическую передышку, подключение к иному измерению. Затем ему предстоит вновь слиться с местностью, стать одним из «камешков», который «вроде на месте». Рано ушедший писатель и режиссер Сергей Говорухин считал, что «в поэзии слово “ведь” — признак стихотворной немоцности». Обычно так и бывает — неумелые пииты нередко латают этим союзом брешу в стихотворном размере. Но в данном случае слово употреблено совершенно осознанно. Образцово шаблонную рифму «кровь — любовь» можно встретить у целого ряда крупнейших поэтов, но у них она каждый раз обретает иное измерение.

Отмечу, что Калашников — мастер непоказных филигранных аллитераций:

...чему поражаешься, выходя из дому —
обилию обликов облаков.

Такие созвучия, как и усиливающие повторы слов (как правило, в финалах стихотворений) являются важнейшим элементом его поэтики: «Зима, услышишь, зима», «живи без меня, живи без меня, живи без меня, живи», «Все течет, Гераклит, и течет, и течет, и течет», «А ты, ночная птица, сипи, сипи, сипи: Гена, не спи не спи не спи не спи...» С помощью этих смысловых повторов воссоздается утерянная гармония, они не позволяют ни глазу, ни уху при чтении вслух проскользнуть мимо них и в итоге становятся зримым выражением трагического оптимизма поэта.

Наиболее автобиографичные стихи Калашникова, тесно связанные с конкретными датами, людьми и топонимами, помещены по соседству с

мемуарной прозой во второй раздел книги, названный «Каво люблю». Приемы скудного и при этом неисчерпаемо богатого послевоенного быта собраны в коробке скупщика-«фарябника»: «Чего там только не было: рыболовные крючки и лески, складные ножички, резиновые литые мячики, коробки цветных карандашей, ленты, иголки, в том числе и “иголки-цыганки”, зеркальца, нитки “мулине”, коробочки пудры “Кармен” с черноволосой красавицей на крышке». А вот важнейший момент личностного роста — мальчишеская инициация: «В очередной раз, когда лошадь подстегнули прутом, а меня подстегнул страх, в ожидании неизбежного падения я обречено расслабился — и вдруг почувствовал ритм, в котором скакала Битва. Каким-то образом я понял, что мне надо слиться с этим ритмом, не напрягаться, не цепляться за лошадь, тем более что, кроме гривы, там и цепляться-то было не за что». Также выделю «Епифань» — короткое эссе из одной длинной фразы, своего рода вызов, успешную проверку прозаического дыхания.

Раздел «То, что было...» посвящен воспоминаниям о занятиях в студии одного из крупнейших и интереснейших поэтов XX века Бориса Слуцкого, а также о периоде работы в еженедельнике «Литературная Россия» в эпоху застоя. «Учитель и ученик, в почти аскетическом самурайском духе» — так говорится о строгих, лишенных сантиментов, отношениях с творческим наставником. Вот свидетельство очевидца его трагичной судьбы: «Как я уже говорил, мы учились у Слуцкого вместо запланированных двух целых пять лет, вплоть до самого трагического события в его жизни: смерти жены — Татьяны Дашевской. Он даже нашел в себе силы прийти после этого на занятия. По-прежнему прямой, подчеркнуто бесстрастный, решительным жестом прервал наши соболезнования, но когда “наш Борис Абрамыч” тяжело и как-то неловко сел, стало сразу видно, как он потух и сдал. По-моему, это было последнее наше занятие».

Следующему эссе Калашникова «На берегу Цветного бульвара» не хватает завершенности, внутреннего финала. Вместо этого в нем ощущаются удивление, даже некоторая растерянность и острое желание вывести из тумана времени ценные подробности уходящей эпохи. Предположу, что статья И. Фридмана «И стал я телом огня...» включена в качестве послесловия не столько по изначальному замыслу, сколько по необходимости. Эта монументальная литературоведческая работа на примере творчества Геннадия Калашникова осмысливает место и значение натурфилософии в ситуации условного постмодерна.

Однако значение его поэзии не ситуативно. Постмодерн пришел и уходит, а лучшие образцы поэзии сохраняют актуальность в иных культурных и социальных ситуациях:

Солнце за море нырнет,
запоет цикада снова.
Одиночество мое —
жизни тайная основа.

Выше приведены строки из стихотворения «Колхида», написанного в далеком 1979 году. К счастью, такое одиночество плодотворно. Это одиночество ловца поэтической добычи...

Инна КИМ

ВАН ГОГ С КУЗБАССКОГО МАРСА

Есть на окраине кузбасского Прокопьевска неприметный поселок с диковинным именем Марс. Ничего космического в нем нет. Обычные расхристанские гармошки заборов, неподстриженные кусты и деревья, растопырившие ветки-объяття. Сверху вздымаются чадающие трубы шахтерского городка. Этот нехитрый «марсианский» пейзаж любил рисовать тоже внешне неприметный местный житель Иван Егорович Селиванов. Он был похож на сказочного лесовичка — маленького роста, с сияющими детским любопытством ярко-голубыми глазами. Соседи не ведали, что чудаковатый старик — всемирно известный художник-наивист, которого московские искусствоведы называют сибирским Пиросмани и Ван Гогом и считают национальным достоянием.

В 1970-х на прокопьевский Марс зачастили гости из столицы. Приезжие журналисты брали у Ивана Егоровича интервью и с удовольствием фотографировали колоритные «марсианские» виды. Столичные искусствоведы отбирали картины сибирского Ван Гога для выставок, которые проходили в Москве, Париже, Берлине, Бонне, Праге, Токио и Нью-Йорке.

О прокопьевском Пиросмани, чье имя входит во «Всемирную энциклопедию наивного искусства», было написано более 150 статей и книг, снято немало документальных фильмов. Его обаятельный, истинно народный образ лег в основу художественного кино «Серафим Полубес и другие жители Земли» с участием советских звезд Родиона Нахапетова и Дарьи Михайловой, которое режиссер Виктор Прохоров представил зрителям в 1983 году.

История о художнике-самородке, который не мыслит жизни без творчества, и бывшем художнике Никите Завьялове, который изменяет творчеству ради престижной должности, действительно могла произойти на кузбасском Марсе. По сюжету фильма, московский эксперт-искусствовед приезжает для отбора картин Серафима Полубеса на выставку в Париже. Встреча с незаурядным человеком и его удивительными картинами, а также внезапно вспыхнувшая любовь к местной девушке Даше духовно обогащает молодого москвича, заставляя его задуматься и изменить свою жизнь.

В середине 1980-х годов кино «Серафим Полубес и другие жители Земли» стало настоящим хитом проката. Крутили его и в центральном кинотеатре Прокопьевска. Премьеру фильма посетил Иван Егорович Селиванов. Никем не узанного маленького голубоглазого старичка, ставшего

прототипом главного героя, на киносеанс привели, держа под руки, две городские учительницы.

Немного биографии

Иван Селиванов родился в 1907 году на Русском Севере, под Архангельском. Семья жила очень бедно, кое-как сводя концы с концами. Когда отец умер, трем братьям-бездеткам вместе с матерью Татьяной Егоровной пришлось идти «в люди». Младшему Ивану в то время едва исполнилось пять лет. Он долго просил подавание по соседним деревням. В 15-летнем возрасте паренька взяли деревенским пастухом. Спустя два года он начал скитаться. Работал кузнецом, слесарем, кочегаром, печником, сторожем, подряжался на стройки в Мурманск, Архангельск, Онегу, Свердловск.

Однажды перед дальней дорогой ему удалось заглянуть в родную деревню, чтобы проведать «мамушку» — так Иван Селиванов называл мать. Больше они не увидятся — Татьяна Егоровна умрет в 1937 году. Но ее образ останется перед любящими сыновними глазами навсегда. Ее аккуратно причесанные волосы и строгие губы. Ее натруженные руки, которые без отдыха пряли, ткали, месили тесто, обрабатывали землю, чтобы накормить детей. А главное — ее широко расставленные, светлые, сияющие, как северное небо, глаза. Он нарисует их через долгие десятилетия.

В своих скитаниях по стране Иван Егорович дошел до Запорожья. Там он встретил будущую жену Вареньку — одну-единственную на всю жизнь, а потом вместе с ней перебрался в Ленинград. С началом Великой Отечественной войны Селивановы отправились в эвакуацию в Кузбасс. Сначала супруги жили в Сталинске (ныне Новокузнецк), позже переехали в Мундыбаш, откуда перебрались в Прокопьевск. На окраине этого небольшого шахтерского города в местном поселке Марс Иван и Варвара Селивановы построили дом.

Супруги не боялись никакой работы. Иван Егорович был отменным печником — умение в кузбасском городке, застроенном деревянными домишками, просто бесценное. Но в возрасте около сорока лет глава семьи вдруг увидел на витрине магазина картину, которая перевернула всю его жизнь.

В тот вечер он вернулся домой задумчивый. Долго о чем-то размышлял. А потом купил обычные краски для школьных уроков рисования и изобразил скачущего по соседству воробья. Возможно, страстная тяга к творчеству так и пропала бы втуне, однако на глаза новоявленного художника попалось объявление Заочного народного университета искусств имени Крупской о наборе студентов. Сорокалетний Иван Егорович, ни минуты не сомневаясь, отправил в приемную комиссию свой первый в жизни рисунок — эскиз того самого воробья.

Так началась учеба «сибирского Пиромани». От своих столичных педагогов он получал задания и старательно их выполнял, отсылая результаты своего труда по почте. Наброски он всегда делал долго, мучаясь в сомнениях и священнодействуя. Он и правда служил искусству в буквальном смысле этого слова. Про свои работы художник говорил, что он их «...произносит на фоне неба».

Супруга Варвара Илларионовна, чьих портретов художник-наивист нарисовал более сорока, ворчала, что лучше бы он людям печи делал, чем ненужные картинки малевал. Иван Егорович в ответ только усмехался: «Зачем мне деньги? На смерть я накопил». Он был удивительно скромнен в быту. Жили Селивановы, мягко говоря, без особого достатка. Прокопьевскому Ван Гогу приходилось из экономии мастерить кисти из собственных волос.

Иван Егорович и признание

Когда на художника неожиданно свалилась слава, он не изменил ни своим привычкам, ни своим принципам. Как любой человек, Иван Егорович радовался вниманию и похвале, но и немало удивлял приезжих журналистов и искусствоведов. Бывало, заходит такой гость в дом, говорит с порога: «Здравствуйте, я к вам ненадолго». А художник с улыбкой отвечает: «Вот и хорошо! Может, я завтра умру, а у меня еще много планов».

Продавать свои картины И. Е. Селиванов отказывался, даже когда ему сулили внушительные, немислимые для «марсианского» чудака суммы. Каждую из своих четырехсот работ он по мере готовности отсылал в Москву на адрес Заочного народного университета искусств имени Н. К. Крупской с подписью «Для потомства, для новых поколений». Многие из них и сейчас находятся там. Будучи бессребреником, Иван Селиванов свято верил в силу искусства. Часто повторял: «Все, что мною сделано, принадлежит только моей советской России».

Рисовал он ежедневно. Окружавшие его на родном Марсе петухи, собаки, коровы, коты будто сами просились на лист. Животные с его картин прямо глядят в душу зрителей человеческими глазами. Образы деревенских четвероногих и крылатых обитателей, библейских оленей и львов в его исполнении больше похожи на иконы, чем на образчики анималистического искусства.

Кроме всего прочего, кузбасскому Ван Гогу нравилось переносить на бумагу впечатления от кинокартин того времени. Так появились почти иконописная, в каком-то византийском стиле «Анка-пулеметчица», одновременно античный и славянский, простодушный и мягкий «Спартак», близкий русской душе, бессмертный «Павка Корчагин».

Удавались его кисти и реальные люди, соседи по шахтерскому Прокопьевску. Мужчины с улыбающимися глазами и пшеничными чубами, в строгих пиджаках и нарядных рубашках. Женщины в ситцевых платках с рукавчиками-фонариками и с аккуратно уложенными вокруг головы кренделями кос. Достаточно часто Иван Селиванов рисовал автопортреты. Но кого бы он ни изображал — домашнего любимца Ваську, знаменитого гладиатора, чистящую картошку соседку или самого себя, — все его персонажи надеялись невероятным, горяющим, взыскующим взглядом, который притягивает к себе, от которого невозможно оторвать глаз.

В жизни художника был целый год, когда он не мог взять в руки ни карандаша, ни кисти. Это произошло после смерти жены, которая верно делила с ним все невзгоды и редкие радости. Первой работой после долгого

перерыва стал портрет любимого кота Васьки, сидящего на снегу. Гением художника хрупкий предвесенний свет проникает в кошачьи глаза, полные ужаса, одиночества, боли и неприятия смерти родного человека.

Последние годы жизни

В 1986 году Иван Егорович Селиванов в возрасте 79 лет поступил «на дожитие» в дом престарелых на берегу Беловского водохранилища. Хотя никаких условий для этого не было, в интернате он не прекратил рисовать. Поначалу Селиванову отказывали в скромных просьбах — например, купить бумаги или дать стеклянную баночку, чтобы прополоскать кисточки от краски. Его считали городским сумасшедшим, который от одиночества навоображал о себе невесть что.

Но однажды из Новокузнецка в гости к престарелым приехала делегация живописцев и искусствоведов. После того как они опознали всемирно известного художника-наивиста, Ивану Егоровичу выделили две комнаты — одну для проживания, другую под мастерскую. Именно здесь, в этой маленькой мастерской, появились на свет его знаменитый автопортрет и почти икона — пронзительный «Портрет матери». Он выглядит как посвящение родине, собственному детству, миру и давно умершей женщине, восемь десятков лет назад ласкавшей его золотые кудри натруженными руками...

В том же 1986 году Иван Егорович участвовал в открытии собственной персональной выставки в Новокузнецком художественном музее. В южную столицу Кузбасса его привезли заботливые поклонники. В память о том давнем событии новокузнецкие музейщики каждую весну собирают неравнодушных к наивному искусству горожан.

Иван Егорович Селиванов умер в одиночестве 1 марта 1988 года. Его похоронили неподалеку от дома престарелых на кладбище поселка Инской. Светлая память творцу!

АВТОРЫ НОМЕРА

Амбросьев Александр Ксаверьевич (Сайылык Уола) родился в 1960 г. в селе Вилочан Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия). Окончил торгово-кооперативное училище и Октемский филиал Якутского республиканского культурно-просветительского училища. Работал в сельском клубе, затем в сфере торговли. Публиковался в журналах «Курулгэн», «Чолбон», «Полярная звезда», «Байанай». Победитель литературного конкурса научно-популярного журнала «Байанай» (2022), лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2022). Автор четырех книг стихов и прозы. Живет в с. Крестях Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия).

Галанжина Анна Игнатьевна родилась в 1956 г. в селе Мазеповка Рыльского района Курской области. Окончила Железногорское художественное училище по специальности «художник-оформитель». Работала в Доме культуры города Рыльска художником. В 1984 году уехала к месту службы мужа, мичмана ВМФ, в Ригу (Латвийская ССР), где также работала художником матросского клуба. В 1993 году семья вернулась в город Рыльск. Писать начала с 2005 года. В 2014 году принята в члены Союза писателей России.

Горшенин Алексей Валериевич родился в 1946 г. в Ульяновске. Окончил Томский государственный университет. Работал в новосибирских газетах, в журнале «Сибирские огни». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др. Автор ряда книг, в том числе «Человек среди людей», «Беседы о сибирской литературе». Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Евсюков Александр Владимирович родился в 1982 г. в городе Щекино Тульской области. Прозаик, критик, поэт. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Роман-газета», «День и ночь», «Наш современник», «Нева», «Ното Legens», «Сибирские огни», «Литературные знакомства»; сборниках прозы и критики издательств «Эксмо», «Книговек», «Никея», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Русскоязычная Америка», «Вечерняя Москва». Лауреат литературных премий «Радуга» (2016); «В поисках правды и справедливости» (2018, 2021, 2022); Первого международного литературного тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), Всероссийской премии им. В. П. Астафьева (2020). Живет в Москве.

Ким Инна родилась в Осинниках. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Удостоена знака «Мастер» за вклад в журналистику. Неоднократно становилась лауреатом всероссийских и международных литературных и драматургических конкурсов. Публиковалась в ряде сборников прозы, журналах «Новая юность», «Сибирские огни», «Литература», «Огни Кузбасса», альманахах «Образ», «Кузнецкая крепость». Живет в Новокузнецке.

Крюков Владимир Михайлович родился в 1949 г. в селе Пудино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор ряда поэтических сборников, двух книг прозы и воспоминаний «Заметки о нашем времени». Член Союза российских писателей. Живет в селе Тимирязевском под Томском.

Мазуренко Матвей Владимирович родился в 1972 г. в Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области. Окончил физикотехнический факультет НГТУ, инженер-физик. Работал трактористом, комбайнером, байером бутика итальянской одежды, директором химчистки. Пересек пустыню Гоби на мотоцикле, сплавился на самодельном плоту от Телецкого озера до Новосибирска. Автор фантастического романа «Пока летит апельсин», вышедшего в Нью-Йорке. Живет в Новосибирске.

Михеева Светлана родилась в 1975 г. в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 12 книг прозы, стихов, эссеистики. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Октябрь» и др. Лауреат Волошинского литературного конкурса, премии им. С. Т. Аксакова. Участник ряда литературных фестивалей. Член Союза российских писателей. Живет в Иркутске.

Рудалев Андрей Геннадьевич родился в 1975 г. в Северодвинске. Окончил Поморский государственный университет по специальности «учитель русского языка и литературы». Литературный критик, публицист. Автор двух литературоведческих книг и множества публикаций в периодике. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей России, а также Русского ПЕН-центра. Живет в Архангельске.

Румянцев Дмитрий Анатольевич родился в 1974 г. в Омске. Окончил философский факультет Омского педагогического университета. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Новый мир» и др. Автор трех поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В. П. Астафьева (2005). Член Союза российских писателей. Живет в Омске.

Рябов Олег Алексеевич родился в 1948 г. в Горьком (ныне Нижний Новгород). Окончил Горьковский политехнический институт по специальности «радиоинженер». В настоящее время — главный редактор журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России, ПЕН-клуба. Публиковался в журналах «Наш современник», «Дружба народов», «Знамя», «Нева» и др., в коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Автор двадцати книг стихов и прозы. Лауреат нескольких литературных премий. Награжден медалью Пушкина. Живет в Нижнем Новгороде.

Садулаев Герман Умаралиевич родился в 1973 г. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Дебютный сборник прозы «Я — чеченец» (2006) переведен на испанский, немецкий, английский, польский и шведский языки. Автор пятнадцати книг художественной прозы, публицистики, исторических исследований. В 2021 году стал лауреатом премии «Ясная Поляна» за роман «Готские письма». Живет в Санкт-Петербурге.

Тен Виктор Викторович родился в 1957 г. в Целиноградской области. Окончил исторический факультет УрГУ (Свердловск). Работал археологом, преподавателем. Кандидат философских наук. Автор ряда научных и научно-популярных книг. Печатался в журналах «Сибирские огни», «Московский журнал» и др.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 17.05.2023. Дата выхода № 6 за 2023 г. в свет 15.06.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.